

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360

2015 / №4

ISSN (online) 2310-676X

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8360

2015 / №4

ISSN (online) 2310-676X

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»:
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

**Редакционно-издательский совет
«Вестника МГОУ»**

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)
Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре
Асмолов А.Г. – д. псх. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования
Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Манойло А.В. – д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет
Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»
Рюмцев Е.И. – д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет
Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360
ISSN (online) 2310-676X

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 4. М.: ИИУ МГОУ. 184 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**
© МГОУ, 2015.
© Издательство МГОУ, 2015.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Редакционная коллегия серии
«История и политические науки»**

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д. и. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д. и. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. – к. пол. н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** – д. и. н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** – д. и. н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук В.В.** – д. пол. н., к. ю. н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** – д. и. н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д. и. н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** – д. пол. н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** – д. пол. н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** – д. и. н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** – д. и. н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** – д. пол. н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** – д. пол. н., д. ф.-м. н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** – д. и. н., проф., МГОУ

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 5 times a year

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360

ISSN (online) 2310-676X

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2015. № 4. M.: MSRU Publishing house. 184 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Тучина Ю.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ А.И. КОШЕЛЕВА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИИ XIX в.	8
<i>Егоров Д.И.</i> ОБРАЗ Л. РАНКЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....	15
<i>Рязанов А.И.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЁНЫХ-ПРОГРЕССИСТОВ.....	22
<i>Бруз В.В.</i> ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЧТО ОНА ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ РОССИИ?.....	30

Всеобщая история

<i>Павлов Е.С.</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ДОРИЙСКИХ КОЛОНИЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	40
<i>Сеничев В.Е.</i> ПОЕДИНОК КАК РИТУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ НА ПРИМЕРЕ САГИ О КОРМАКЕ	47
<i>Туганова К.А.</i> ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В БРАКЕ В АНГЛИИ XVIII ВЕКА.	53
<i>Рябота М.А.</i> ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 90-х гг. XIX в. АНГЛО-РУССКОЕ СБЛИЖЕНИЕ	60
<i>Мишин А.В.</i> БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1929-1930 ГГ. ЮГОСЛАВСКИЙ АСПЕКТ	69

Отечественная история

<i>Васильев Д.В.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ КАЗАХСКОЙ ОРДОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.....	76
<i>Архипов С.В.</i> РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877-1878 гг. В ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)	86
<i>Грищенко Ю.И.</i> ПОДГОТОВКА КАДРОВ КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1937-1941 гг.): ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	95
<i>Горлов В.Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОСКВЫ В 1950-1960-е г.	102
<i>Волобуев О.В.</i> КРЫМ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕСТРОЙКИ: ВОССОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АССР	111

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Хлопов О.А.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ КИТАЯ	118
<i>Федорченко С.Н.</i> СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА	129
<i>Шуликов А.О.</i> ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ.....	138

Соловьёва Т.Н. ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА НА ПОСТРОЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ.....	151
Фурсов В.Н. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	158
Коновалов Д.А. СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МОНАРХИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.....	163
Матюхин А.В. РАДИКАЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ: ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ	172
НАШИ АВТОРЫ	181

CONTENTS

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

<i>Yu. Tuchina</i> THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A.I. KOSHELEV'S OUTLOOK IN THE SOCIO-POLITICAL CONDITIONS OF THE XIX CENTURY'S RUSSIA.....	8
<i>D. Yegorov</i> L. RANKE'S IMAGE IN THE ENGLISH-SPEAKING LITERATURE OF NEW INTELLECTUAL HISTORY.....	15
<i>A. Ryazanov</i> ON THE QUESTION OF HISTORICAL VIEWS OF THE AMERICAN SCIENTISTS OF THE PROGRESSIVE DIRECTION.....	22
<i>V. Bruz</i> LIBERAL CONCEPT OF WORLD WAR II HISTORY. WHAT DOES IT MEAN FOR RUSSIA?.....	30

Native History

<i>E. Pavlov</i> ON SOME ASPECTS OF EVOLUTION OF DORIAN COLONIES IN THE BLACK SEA REGION.....	40
<i>V. Senichev</i> HOLMGANG AS SACRED RITUAL IN KORMAK'S SAGA.....	47
<i>K. Tuganova</i> MARRIAGE STATUS OF ENGLISH WOMEN IN THE XVIIIITH CENTURY.....	53
<i>M. Ryabota</i> FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE MIDDLE EAST IN THE 90-S OF THE XIX CENTURY. BRITISH-RUSSIAN RAPPROCHEMENT.....	60
<i>A. Mishin</i> THE BALCAN POLITICS OF THE WEIMAR REPUBLIC IN 1929-1930. YUGOSLAVIAN ASPECT.....	69

General history

<i>D. Vasilyev</i> THE CREATION OF GOVERNING SYSTEM FOR THE INNER KAZAKH HORDE IN THE FIRST HALF OF THE 19 TH CENTURY.....	76
<i>S. Arkhipov</i> RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878 IN CHURCH PERIODICALS (ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER "THE MOSCOW DIOCESAN NEWS").....	86
<i>Yu. Grishchenko</i> TRAINING COMMAND-OFFICERS OF THE RED ARMY IN THE PREWAR YEARS (1937-1941): CONTRADICTIONS AND WAYS OF OVERCOMING THEM.....	95
<i>V. Gorlov</i> SOCIO-DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF MOSCOW IN 1950-1960-S.....	102
<i>O.V. Volobuev</i> THE CRIMEA IN THE LAST YEAR OF PERESTROIKA: RESTORATION OF THE CRIMEAN ASSR.....	111

SECTION II. POLITOLOGY

<i>O. Khlopov</i> ENERGY POLICY AND STRATEGY OF CHINA.....	118
<i>S. Fedorchenko</i> NETWORK TECHNOLOGIES AND LEGITIMACY OF THE POLITICAL REGIME.....	129
<i>A. Shulikov</i> THE PROCESS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL POLITICAL ELITE IN KAMCHATKA KRAI.....	138
<i>T. Solovieva</i> INFLUENCE OF THE PRINCIPLE OF MUTUAL RESPONSIBILITY BETWEEN GOVERNMENT AND CITIZENS ON CREATION OF A LAW-BASED STATE IN RUSSIA.....	151

V. Fursov ENVIRONMENTAL MOVEMENT IN RUSSIA AS A FACTOR OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT	158
D. Kononov SYMBOLIC VIOLENCE AS THE MAIN CONSTITUENT OF POLITICAL PROGRAMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN MONARCHIC ASSOCIATIONS.....	163
A. Matiykhin RADICAL NATIONAL PATRIOTIC PARTIES OF RUSSIA: THE PROCESS OF FORMATION	172
OUR AUTHORS	181

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 929

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-8-14

Тучина Ю.А.

Московский государственный областной университет

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ А.И. КОШЕЛЕВА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИИ XIX в.

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования и эволюции взглядов одного из лидеров движения славянофилов, известного общественного деятеля своего времени, публициста и благотворителя – Александра Ивановича Кошелева. При помощи воспоминаний самого Кошелева и его сочинений в данной статье показано, как происходило формирование и развитие мировоззрения: какие личности и в какой мере оказывали на это влияние, как события личной жизни славянофила и изменения в масштабах страны приводили к трансформации взглядов, как мировоззрение А.И. Кошелева отражалось на его общественно-политической деятельности. В статье определяется, насколько личность Кошелева и его идеи были нужны и важны для России XIX в.

Ключевые слова: общественно-политические условия, славянофильство, публицистика, общественная деятельность, благотворительность.

Yu. Tuchina

Moscow State Regional University

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A.I. KOSHELEV'S OUTLOOK IN THE SOCIO-POLITICAL CONDITIONS OF THE XIX CENTURY'S RUSSIA

Abstract. The article deals with the evolution of the views of one of the Slavophile movement leaders, A.I. Koshelev, the famous public figure of his time, publicist and philanthropist. On the basis of Koshelev's memoirs and his writings the process of his outlook formation and development is shown: who and at what extent influenced this process, in what way the events of

© Тучина Ю.А., 2015.

private life and reforms in the country transformed his worldview, in what way A.I. Koshelev's outlook was reflected in his public and political activities. The importance of Koshelev's personality and his ideas for the Russia of the 19th century is defined in the article.

Key words: socio-political conditions, Slavophilism, journalism, social activities and charity.

Александр Иванович Кошелев – один из главных участников движения славянофилов. Автор многих общегосударственных преобразований, он основывал газеты и журналы, писал свои сочинения и издавал сочинения многих других авторов. Имел крепкое хозяйство и огромное состояние, но, несмотря на это, никогда не был без дела.

А.И. Кошелев прожил долгую и очень плодотворную жизнь. Он участвовал в Великих реформах. Оставил после себя большое количество сочинений, записок. В советское время упоминания о нем минимальны, а комплексные научные работы, посвященные его жизни, идеям и деятельности, отсутствуют и на данный момент.

А.И. Кошелев родился 9 мая 1806 г. в Москве. С самого раннего детства он находился в поликультурной среде. Екатерина де Жарден – его мать – француженка из семьи эмигрантов. Кошелев Иван Родионович – отец, генерал-адъютант в отставке. В Москве Ивана Родионовича знали как «либерального лорда» и англомана. Он получил блестящее образование в Оксфорде и служил под руководством Г. А. Потемкина.

Семья Кошелевых имела большой достаток и жила богато, а молодой Саша рос в кругу иностранцев, от которых веяло «крамолой», аристократов, которые пытались совмещать в себе дух нашей старины глубокой и шик Европы [4, с. 45]. Начальным воспитанием и образованием занималась мать, которая смогла дать Кошелеву

прекрасную языковую подготовку – он в совершенстве владел французским, английским, итальянским, латынью и испанским языками (затем он легко овладеет еще и польским). В годы отрочества к Александру стали приглашать учителей: так, вместе с братьями Иваном и Петром Киреевскими Александр изучал риторику и словесность у А.Ф. Мерзлякова, политическую экономию им преподавал Х.А. Шлецер-младший.

Образование А.И. Кошелев продолжил в Московском университете, на словесном факультете. Здесь он слушал лекции Гейма о статистике, Каченовского – о русской истории, Мерзлякова – о словесности, Давыдова – о латинской словесности, Двигубского – о физике. Все эти занятия оставили у А.И. Кошелева мало воспоминаний, так как он утверждал: «Профессора читают, а студенты их слушают только по обязанности». [2, с. 12]. В 1823 г. вышло постановление, в котором говорилось об обязанности студентов слушать не менее восьми профессоров. Многие не пожелали подчиниться этому распоряжению. Так называемые «бунтовщики», в число которых входил А. И. Кошелев, были вызваны в правление, где ректор (А.А. Прокопович-Антонский) заявил, что неподчинение изданному распоряжению грозит немедленным исключением из университета. Большинству пришлось подстраиваться под требования начальства, но десять человек, включая и А.И. Кошелева, написали просьбу об уходе из университета.

Покинув стены Московского университета, А.И. Кошелев возобновляет частные уроки Шлецера и Мерзлякова. В этот период он особенно сближается с И.В. Киреевским, дружбу с которым пронесет через многие годы. Они вместе изучали немецкую философию, а в особенности творения Шеллинга, которые привлекали молодежь того времени. А.И. Кошелев и его соратники занимались изучением немецких любу мудров, по вечерам проводили увлекательные беседы, которые продолжались глубоко за полночь. Основными членами этого кружка были: Рожалин, И.В. Киреевский, князь Одоевский, Мельгунов, Титов, Веневитинов и сам Кошелев. В 1824 г. А.И. Кошелев все же заканчивает Московский университет экстерном. Но в тот момент он уже ясно понимал и представлял свои планы на будущее: с 1822 г. Кошелев входит в веневитиновский литературный кружок, с 1823 г. он стал участником литературного общества С.Е. Раича, а чуть позже создал кружок «Общество любомудрия» (совместно с князем В. Одоевским, Д.В. Веневитиновым, И.В. Киреевским), который собирает вместе почитателей философии романтизма, Шеллинга и Фихте.

В 1823 г. начинается новый этап в жизни Кошелева. Он становится «архивным юношей», поступает на службу в архив Коллегии иностранных дел. В этом самом архиве уже служили представители «золотой молодежи», а в скором времени известные декабристы: К.Ф. Рылеев, Е.П. Оболенский, М.А. Фонвизин, И.И. Пущин, с которыми Кошелев быстро сблизился. Восстание 14 декабря 1825 г. крайне обеспокоило Кошелева и его товарищей – они каждый день ждали свежих новостей

и были готовы практически к любому развитию событий, даже к аресту. Но до этого не дошло, а позже наступило отрезвление и разочарование. Стало понятно, что путь революции для России опасен и неприемлем, а на данном этапе необходимо нравственное самосовершенствование и просвещение.

Вот так эволюционировало мировоззрение молодого Александра Кошелева: от космополитических взглядов с идеей «человек – гражданин вселенной», доминировавших в его семье, – через немецкий романтизм – к идее национальной религиозности, народности и самобытности. В 1827 г. Кошелев присоединяется к движению славянофилов.

С 1826 г. А.И. Кошелев служит в Петербурге у К.В. Несельроде, в министерстве иностранных дел. Там он знакомится с иностранной прессой и готовит статьи императору Николаю I о России. Он на совесть исполняет все приказы и с успехом продвигается по карьерной лестнице. В 1829 г. его назначают разработчиком «Общего устава для лютеранских церквей в Империи» в департаменте духовных дел иностранных исповеданий. В этот период Кошелев живет у дяди, Р.А. Кошелева, популярного мистика, который был близок к императорскому двору. Дом дяди, словно магнит, притягивал различную публику, и бурная петербургская жизнь затянула молодого дворянина. А.И. Кошелева с успехом принимают в модных салонах, он посещает театры и балы, у него расширяется круг знакомых, а дамы сердца меняются одна за другой. Наконец, он влюбляется, просит руки А.О. Россет (больше известна как Смирнова – Россет) и получает отказ. Трудно сказать,

как бы эта история любви закончилась, если бы в 1831 г. Кошелев не уехал в Лондон в роли атташе российского посольства. Были оставлены салоны, балы, несчастная любовь, и наступил совершенно новый заграничный этап жизни А.И. Кошелева.

В Англии он видится с лордом Ч. Греем, а также будущим премьером Г. Пальмерстоном, посещает парламентские дебаты. Затем начинается пора путешествий по Европе. Во Франции он знакомится с Ф. Гизо и Ж. Мишле, посещает лекции Э. Ганса, Ф.К. Савиньи и Ф. Шлейермахера в Берлине, в Женеве ходит на частные лекции П.-Л. Росси, которые дали крепкий фундамент либерализму Кошелева. В этих путешествиях он пытался не только рассмотреть, но и понять европейскую жизнь. В 1831-1832 гг. Кошелев пешком прошел по берегу Рейна, изучая процесс отмены крепостничества в Германии. Все меньше его волнует карьера. И все больше появляется мыслей о благоустройстве России. После того, как он вернулся в Россию и прослужил еще несколько лет в Московском губернском правлении, в 1835 г. он подает в отставку [3, с. 89].

Отставка для Кошелева послужила началом интересного периода жизни. Он прекрасно понимал цену свободы, а также он понимал возможности самостоятельно осуществлять свои планы на жизнь. Он планировал развивать агрономию, модернизировал винокурный завод, который в 1835 г. достался ему наряду с имением Песочня. В 1848 г. он отказывается от откупов и за десятилетие становится одним из самых богатых людей в империи. Он успешно реализовывал свою программу «агрономической революции»,

вводя в оборот более тысячи десятин пашни, неиспользуемой ранее. А.И. Кошелев часто задавал вопрос «как побороть русскую лень?», и в начале 1830-х гг. в целях борьбы с ленью он даже предполагал создание особого общества. Благодаря своему труду он стал крупнейшим помещиком и предпринимателем в Рязани, смог скопить огромный капитал, создать одно из самых крепких и многоотраслевых хозяйств. В 1847-1857 гг. он официальный поставщик хлеба для казны, флота и армии. Все его потрясающие заслуги отмечены золотыми медалями Лебедянского и Московского обществ в 1852 г.

Крепкая дружба Кошелева с братьями Киреевскими, А.С. Хомяковым и другими участниками славянофильского кружка продолжалась долгие годы. В летнее время к нему в имение часто заезжали В.А. Самарин и Ю.Ф. Черкасский, которые и стали членами лебедянского общества. Когда Кошелев жил в Москве, его гостеприимный дом открывал двери для всех, кто интересовался развитием России. Он устраивал у себя приемы – кошелевский салон по средам был полон. Почти каждый день к нему заезжали на обед Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Д. Кавелин и И.В. Киреевский. Именно в такие среды за большим обеденным столом и происходили споры между западниками и славянофилами. Во всех этих разговорах Кошелева больше интересовал прикладной аспект славянофильства, а абстрактное философствование ему совсем было не по душе [3, с. 89].

А.И. Кошелев проявлял инициативу в политическом плане так рьяно, как никто более из славянофилов. И

мало кто из западников смог бы спорить со славянофилами больше, чем славянофил Кошелев. Самое главное и острое его противоречие с остальными славянофилами заключалось в том, что идеология либерализма для славянофильства у него была естественной формой существования. Большинство же его товарищей вообще избегали слова «либерализм». Смысл идеи народности у Кошелева заключался в освобождении крестьянства, а также в необходимости создать Земскую думу. Соборность для него – это ответственность всех российских людей без исключения за судьбу России. Но Кошелев никогда не уставал подчеркивать роль частной инициативы, которая ратовала за свободу личности. Он называл общество не лицом, а формой для свободного развития личности и призывал скреплять людей верой, наукой и не трогать личную свободу. Самодержавие у него – самая идеальная для России форма правления, также он предлагал расширить участие дворянства в местном управлении, включая законодательство. Все эти идеи отразились в брошюре «Конституция, самодержавие и Земская дума». Русский царь для А.И. Кошелева – это демократическая альтернатива западноевропейскому правителю, так как он олицетворяет волю народа, а не круга аристократов и дворян.

В сфере религиозной политики Кошелев, как человек глубоко религиозный, показывал веротерпимость, он видел допустимость участия в управлении государством представителей разных конфессий. Кошелев с огорчением писал, что церковь слишком мало волнуется о распространении православия, предупреждал о негатив-

ных последствиях для общества такого отдаления церкви от современных проблем. Он считал, что вера – это ценность народа, которая связывает мысли и дело. Серьезные противоречия возникли у А.И. Кошелева с И.В. Киреевским по вопросу о православном государстве. Кошелев просто не мог поддержать этой идеи, понимая заранее ее утопичность. «Евангелие переносить в политику – значит смешать все мысли. Власть в государстве, которая хотела бы облечь учение Христова в форму закона, создала бы невыносимый деспотизм» [4, с. 145].

Кошелев всегда и везде высказывал идею ненужности и даже опасности заимствования западноевропейских политических институтов, так как он считал атеизм результатом европейского просвещения, которое было привито на русскую землю. Применительно к практике, он пытался соединить вместе либеральные направления и общественные силы, при этом утверждая, что в таком случае обществу не стоит бояться небольшого слоя революционеров [4, с. 77]. А времена Великих реформ повлекли за собой очень жесткую критику либеральной бюрократии Кошелевым за неточность и непоследовательность преобразований. Основные вопросы жизни России должны были решать лучшие представители народной воли, а не чиновники, по мнению Кошелева. Он мечтал, что царь позовет в Москву, как в центр страны, избранных от всей русской земли и прикажет им огласить нужды отечества. В течение всей жизни с ним была мысль о введении всероссийского представительного органа.

Одним из самых важных деяний для Кошелева стало участие в подго-

товке и проведении реформы отмены крепостного права в Российской империи. Он запомнился как автор проекта отмены крепостничества, должного коренным образом изменить жизнь страны. Он считал необходимым отменить крепостное право, беря за основу традиции семьи. Все его идеи укрепились с приобретением сельскохозяйственного опыта в Песочне. В 1842 г. он критиковал указ «Об обязанных крестьянах», который, по его мнению, не давал гарантии выгоды помещику, а далее – положительная оценка указа от 1844 г. об освобождении дворовых. Таким указом Кошелев воспользовался, отпустив на волю 200 душ и взяв с каждого мальчика – 150 рублей, за мужчину – 300 рублей, за обученных различному ремеслу – 420 рублей. Выкуп мог происходить в пределах двадцати лет.

В 1847 г. появляется статья А.И. Кошелева «Охота пуще неволи». Тогда же на имя Л.А. Перовского (министр внутренних дел) приходит «Записка об улучшении быта крестьян» и другие проекты Кошелева. В таких записках он предлагал облегчить выход дворовых людей, ввести запрет на перевод крестьян в дворовые. Также имел место проект об освобождении за выкуп крестьян с землей. Но время для подобных проектов было выбрано далеко не подходящее, страна уже находилась на грани Крымской войны.

На протяжении всей жизни Кошелев пытался найти путь совершенствования общества, сохраняя при этом главное – православие, самодержавие, соборность русского народа. Говорил, что деятельность абсолютно разных союзов просто необходимо направлять на нормальное обеспечение основных

производительных сил общества, не забывая при этом о помощи нуждающимся и обездоленным. Земство должно непосредственно инвестировать средства в культурное и хозяйственное развитие. Самой эффективной и уместной помощью так называемому «низшему» классу Кошелев считал просвещение, а самым действенным средством помощи – обширное самоуправление, которое организует деятельность школы, церкви, земскую интеллигенцию, медицину, агрономию и ветеринарное дело [1, с. 121].

Все надежды Кошелева о создании земской думы были уничтожены трагедией 1 марта 1881 г., который оказался для него, прежде всего, моральной травмой. Но Кошелев продолжал работать даже в день своей смерти – 12 ноября 1883 г. Он был погребен на кладбище Донского монастыря в Москве. Рядом с ним также были похоронены друзья – славянофилы.

Идеология славянофилов, к которой пришел Кошелев, осознав в ней сохранение России, ее самобытности, культуры и нравственности, стала красной нитью его жизни и его мировоззрения. Все его сочинения, вся его практическая деятельность была с оглядкой на главные идеи славянофилов. Сегодня имя Александра Ивановича Кошелева незаслуженно забыто, хотя большая часть его жизни и наследие, которое осталось после него – это повествование о российском освободительном движении. Кошелев – это яркий пример представителя высшего сословия, показывающий, что способен сделать свободомыслящий, любящий Россию и ее своеобразие человек, который рассматривает в качестве приоритета труд на благо своей Родины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Благова Т.И. Соборность как философская категория у А.С. Хомякова // Славянофильство и современность. Сборник статей. СПб., 1994. С. 177-191.
2. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883 годы) с семью приложениями / Отв. редактор Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002. 475 с.
3. История русской журналистики XVIII –XIX веков / Под ред. А.В. Западова. 3-е изд. М., 1973. 518 с.
4. Кошелев А.И. Самодержавие и Земская дума / Сост., предисл., коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.

УДК 930.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-15-21

Егоров Д.И.*Московский государственный областной университет*

ОБРАЗ Л. РАНКЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются мнения англоязычных представителей новой интеллектуальной истории о Л. Ранке. В рассуждениях, касающихся немецкого историка, прослеживается общая цель – подчеркнуть отличительные черты новой историографии в сфере исследований по истории исторической науки. При сравнении мнений выявляется предвзятый взгляд американских историков, связанный с негативным отношением к тому периоду, когда школа Ранке в США имела догматическое значение для академического сообщества. Конструктивные оценки европейских специалистов ориентируют на развитие историографии в русле преемственности, с учетом «рационального зерна» в работе историков прошлых периодов. Отмечается, что многие из представленных утверждений носят более антинаучный характер, чем взгляды Ранке.

Ключевые слова: новая интеллектуальная история, нарратив, идеологическая позиция, профессиональная компетенция, объективность.

D. Yegorov*Moscow State Regional University*

L. RANKE'S IMAGE IN THE ENGLISH-SPEAKING LITERATURE OF NEW INTELLECTUAL HISTORY

Abstract. The article presents opinions on L. Ranke expressed by the representatives of new intellectual history. The discussions concerning the German historian prove to have a common aim – to underline the distinctive features of new historiography in the sphere of the researches on the history of historical science. While comparing the opinions, the American historians appeared to have a prejudiced attitude which is connected with their negative treatment of the period when Ranke's school in the USA had a dogmatic importance for the academic community. Constructive assessment of the European specialists direct the development of historiography to the succession of ideas and taking into consideration “a kernel of good sense” from the works of the historians of the previous periods. It is stated that most of the ideas expressed have a more unscientific character than those of Ranke.

Key words: new intellectual history, narrative, ideological position, professional competence, objectivity.

В контексте так называемого эпистемологического поворота в области истории исторической науки новая

интеллектуальная история успешно конкурирует с традиционной историографией. По-новому сформулированы задачи анализа исследовательской

деятельности историков, критически переосмысляются базовые теоретико-методологические установки, критерии профессионализма, вводятся новые понятия и принципы. Достаточно упомянуть, что зачастую многие новые интеллектуальные историки при рассуждении о таких основополагающих принципах, как объективность, реализм, историзм заключают их в кавычки. Суть их подхода – выявить регулирующие творчество историков рефлексии (риторические, философские, социокультурные и др.), которые не связаны с природой изучаемого объекта и, дав характеристику их функции, оценить адекватность конструируемых представлений. В целом весь проект исторической науки выглядит сплошной проблемой, где историк должен осознавать условность установки говорить от имени прошлого [2, с. 23]. Кардинальный разрыв с традиционной историографией выражается в полярно иной интерпретации понятий «историческое знание» и «познание», что свидетельствует об амбициях не просто разрабатывать полезные инновационные методики, но переписать историю исторической науки.

В качестве примера таких стремлений взята критика Ранке и его методологической школы. Фигура Ранке – любимый предмет нападков новых интеллектуальных историков, и его тезис – «описывать все, как было на самом деле», настолько часто упоминается в критическом контексте, что уже кажется анекдотичным. Общее впечатление после ознакомления с мнениями о Ранке – что это устаревший архаизм XIX в., запирающий историка в «башне из слоновой кости», абсолют-

ный антипод новой исторической науки, с ее тенденциями к плюрализму, междисциплинарности и пр. Особенно резкая критика идет от американских историков, европейская – более умеренная.

В США школа Ранке не имела философско-концептуального значения, только инструментальное – правила работы с источниками, оформление материала, составление образовательных программ. Акцент на эмпирии создавал иллюзию объективности и беспристрастности, что позволяло историкам дистанцироваться от европейских теоретических дискуссий. Приверженность ранкеанству прочно ассоциировалась с ортодоксальным академизмом и консерватизмом. Через критику этих положений и будет развиваться критика Ранке.

Х. Уайт, стоящий у истоков новой интеллектуальной истории, впервые теоретически исследовал роль нарративных рефлексий в конструировании исторических текстов. Опираясь на литературную критику и семиотику, Уайт провел анализ того, каким образом повествовательные и описательные механизмы конструируют смысловые значения в исторических текстах, и создал на этой основе так называемый риторико-тропологический подход. Несмотря на непривычность терминологии, цель подхода ясна – показать, что интерпретация событий формируется не от природы данных, а от структуры нарратива и риторические аргументы в нем подменяют собой функцию научных доказательств [6, с. 30-41]. В общем, с помощью этого подхода можно «доказать», что любой историк не более, чем литератор, но критика Ранке име-

ла особое значение. Во-первых, обосновать, что никакие точные данные и способы сбора информации не гарантируют реалистичных обобщений на их основе. Во-вторых, историзм – это проекция современности в прошлое, а не ретроспектива, которая на новом уровне развития позволяет увидеть то, что не было очевидно для людей живших прежде.

Анализируя то, как Ранке понимал объективность историков, которые должны избегать оценочных суждений и строго опираться на факты источников, Уайт рассмотрел, возможно ли вообще соблюдать эти правила. Степень реалистичности и незаинтересованности исследователя, по Ранке, характеризуется формой изложения – никакой лишней риторики в стиле В. Скотта и отказе обобщать свои суждения, отталкиваясь от телеологических и спекулятивных концепций, наподобие философии истории Гегеля. Таким образом, вся специфика исторического знания – в нахождении релевантного источника. Это звучит сомнительно для Уайта, поскольку сам Ранке – выдающийся нарративист своего времени. Он, независимо от особенностей описываемых явлений, излагал свои труды преимущественно в одном сюжете, где силы порядка (церковь и государство) одерживали триумф над силами хаоса и развивались в этой борьбе. Если использовать форму нарратива, то всегда, в той или иной степени, получится литературное произведение с разворачивающимся сюжетом. Избежать внеисточниковых обобщений Ранке тоже не удалось, так как, отказавшись от философских концепций, он повсюду насаждает религиозные смыслы. Сомнителен и сам способ и

критерии отбора источников. Якобы беспристрастные правовые, административные и дипломатические документы – не проблемы сами по себе, а достоверные факты, которые необходимо связать для объяснения становления европейской цивилизации в ее современном виде.

Здесь возникает вопрос о возможности ретроспективного взгляда адекватно отображать реальность прошлого. Ранке недолюбливал упрощенные абстрактные умозаключения и универсалии, подчеркивал самобытность эпох и событий, которые историк должен понимать, не упуская ничего плохого или хорошего. Создавая разнообразную композицию, он достигал реалистичного повествования. При этом он видел исторический процесс органичным, где разнородные общественные явления интегрируются в некую сущность. Для Германии второй половины XIX в. такая сущность – нация. Нация имеет божественную природу происхождения; и эта мысль в сочинениях Ранке пронизывает исторический процесс, обладает функцией объяснения причинно-следственных связей, группирования малых явлений вокруг масштабных, характеристики эпох. По мнению Уайта, у Ранке, что типично для консерваторов, прошлое застыло в его настоящем и через понятие «нация» он ничего не объясняет, а создает формальную связанность в произведении, которую маскирует вниманием к деталям. Уже в конце XIX в., под влиянием социологии, историки предпочитали делать обобщения на основе других понятий. Стремление создать исследовательское поле в форме связанного органического процесса неизменно ведет к накладыванию на

феномены прошлого неспецифические смыслы, которые являются производными конституирующих понятий [4, с. 200-220]. Таким образом, ретроспективный историзм становится переводом прошлого в систему значений дискурса настоящего.

Точное следование ранкеанским рекомендациям, как вытекает из рассуждений Уайта, не помогло самому Ранке достичь поставленных целей. Из этого можно сделать вывод, что у историков нет исследовательских методов, способствующих производить достоверное знание, равно как и критериев экспертной оценки качества. По степени реалистичности тогда работы Ранке ничем не отличаются от работ, к примеру, Мишле – они просто используют альтернативные нарративные и дескриптивные механизмы (формы сюжета, формальные доказательства, идеологические контексты, тропы), рефлексивное влияние которых должен осознавать историк в своей творческой деятельности. Но при отсутствии критериев любое исследование становится не более, чем игрой с этими механизмами.

Другой американский историк, П. Новик в монографии «Эта благородная мечта» исследовал влияние Ранке на профессию историка в США. С 1884 г. до Первой мировой войны идеал ранкеанской объективности был неоспорим и представлял собой функциональный миф, пользуясь которым историки-профессионалы отличали себя от любителей, и вокруг которого образовалась Американская историческая ассоциация. По мнению Новика, этот миф не имел никакого онтологического и эпистемологического обоснования, только идеологи-

ческое, так как придерживались его в основном консервативные историки, сохраняя за собой доминирующее положение в научном сообществе [5, с. 63-71]. Если следовать указаниям Ранке и беспристрастно констатировать факты (которые, якобы, должны сами за себя говорить), то происходит маскировка противоречивости самих фактов; и некритический эмпиризм всегда будет утверждать безальтернативную закономерность сложившихся обстоятельств. Таким образом, под объективностью легитимизировался консервативный идеологический дискурс, который несколько десятилетий выражал согласие по вопросам дисциплинарной компетенции. Это было удобно по методологическим причинам, так как позволяло игнорировать разницу между событиями и интерпретациями, создавать иллюзию о некоей автономности исторического знания от других видов знания и от литературы, а также верить в возможность написания полного и исчерпывающего варианта истории.

Профессиональное согласие и теоретико-методологическое единство разрушились, когда идеологические настроения историков перестали быть одинаковыми под влиянием войн и социальных конфликтов. Позднее, перед угрозами «холодной войны» на основе теории «согласованных интересов» удалось до конца 60-х гг. поддержать веру в миф об объективности, но затем процесс его распада становится необратим. Историческое знание перешло к необратимой фрагментации, где нет возможности утверждать о приоритете одних интерпретаций над другими.

Какой можно сделать вывод из монографии Новика? Вероятно, что, чем

настойчивее требование быть объективным, тем сильнее это связано с идеологическими мотивами. Нет методологических оснований объективности, и, как бы ни был тщателен Ранке в анализе самых мельчайших деталей, всему его исследовательскому проекту предшествует избирательный отбор данных в целях нужной интерпретации. Сам Новик не отрицает необходимости придерживаться принципа объективности, но этот принцип должен быть нейтральным, то есть некая установка – учитывать при работе влияние профессиональных, политических, социальных контекстов. Фрагментацию исторического знания он считает позитивным явлением, якобы, при рассеивании исследовательских полей нет возможности навязать универсальную идею об объективности и нормах профессиональной деятельности, что увеличит потенциал разнообразия творческого подхода.

С одной стороны, исследования Уайта и Новика имеют положительные стороны – анализ лингвистических форм и их роль в композиции произведения, анализ взаимосвязи идеологии и представлений о профессиональной компетенции и пр. Но все это косвенно относится к реальному анализу методологической значимости ранкеанских критических методов работы с документами, рассуждений об историзме, объективности, а данные авторы деконструируют их значение до такой степени, что они уже не содержат никакого смысла и становятся фикцией. Это заставляет задуматься о мотивах самих авторов. Уайта и Новика можно назвать самыми известными специалистами по истории историографии в США второй половины XX в. Учи-

тывая, что американская историческая наука начала предпринимать попытки разработки собственных представлений о природе и функциях исторического знания и познания, фигура Ранке стала заложником в процессе дискредитации европейского опыта, проводимого под маской преодоления европоцентризма. Конструктивная критика исследовательской программы возможна, только если предложена рациональная альтернатива, но этого нет. Критикуя историзм Ранке, Уайт предлагает свою концепцию «эстетического историзма», где стирается всякая граница между научной формой исторического знания и художественной, которая была обозначена в немецкой историографии. Новик, отождествив ранкеанскую объективность с консерватизмом, выражает удовлетворение, что американская историческая профессия идеологически более открыта, чем в других странах, хотя продемонстрировал некорректность в обращении с философскими понятиями, поскольку спутал объективность и объективизм.

Для сравнения представляют интерес критические суждения европейских новых интеллектуальных историков о Ранке, которые не игнорируют имевшегося у него рационального содержания. Ф. Анкерсмит, так же как и Уайт, работал в направлении нарративной философии истории, но указывал на необходимость приспособления опыта Ранке, в синтезе с идеями Р. Коллингвуда, к так называемой релевантной эпистемологии и когнитивному историзму, которые были бы альтернативой радикальному историзму постмодернизма. По мнению Анкерсмита, Ранке убедил историков в том, что их

задача – стремиться смотреть на прошлое, не упуская его самобытности. Его техника максимального внимания к деталям и привлечение в работе как можно большего количества данных составляет перспективу многогранного взгляда на предмет, а не только подчинение его определенной интерпретации. Метафизика Ранке может быть отвергнута без ущерба к фактическому содержанию его исследований. Предложенные им способы работы дисциплинируют историка в направлении ясности и конкретики, что предотвращает размывание изучаемых явлений [1, с. 159]. Анкерсмит не поддерживает те способы, которыми Ранке пытался связать факты в едином повествовании, но указывает, что преимущество историзма Ранке – это теоретический подход собственно практикующего историка, а не заимствование из философии, социологии и т.д.

Г. Иггерс не испытывает симпатий к Ранке, к его моделям объективного и законченного объяснения и характерного для XIX в. в целом европоцентризма. При этом Иггерс считает, что профессиональные историки руководствуются не только личными интенциями, но и попытками честного подхода, результаты которого требуют идентификации. Если нельзя утвердительно сказать, где истина, то, по крайней мере, критический подход позволяет раскрыть ложь. Развитие данной профессиональной культуры связано с именем Ранке. [3, с. 146-155]. К тому же Иггерс отмечает весомое и позитивное влияние ранкеанской школы на азиатские историографии, приобщавшиеся через нее к модернистским технологиям исследования, обогащавшиеся за счет культурного обмена.

Внимание к Ранке в работах новых интеллектуальных историков – это рассуждения о мере преемственности и разрыва исторической науки XIX в. с ее современным состоянием. Позиция американских историков в своем логическом завершении видится тупиковой, так как выражает радикальный конструктивизм, где знание принципиально не может соответствовать объективной реальности, являясь всецело конструктом мыслительных операций и индивидуального опыта. В таком случае их исследовательские программы также можно определить, как не имеющие отношение к действительности. Мало кто сейчас отрицает, что убежденность Ранке в возможности беспристрастного изучения прошлого, его идеологические мотивы и используемые им формы изложения материала не соответствуют реалиям современной исторической науки. Но представляется, что установка Ранке – не терять ощущения специфики своей дисциплины, – наиболее актуальна именно для новой интеллектуальной истории, излишне увлеченной междисциплинарными заимствованиями, особенно в вопросах, касающихся изучения развития исторического знания. Взвешенные мнения европейских коллег, ориентированные на диалог, убеждают, что продуктивное развитие истории историографии, зависит не от того, насколько новые методологические подходы способны перечеркнуть предшествующий опыт, а от их способности сохранить лучшее из него.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры./ пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломеец, В. Катаева.

- М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей: Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Coda, 1996. С. 11-23.
 3. Иггерс Г., Янг Г. Глобальная история современной историографии / пер. с англ. О. Воробьева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
 4. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
 5. Novick, Peter. That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 646 p.
 6. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. L.; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.

УДК 830(73)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-22-29

Рязанов А.И.*Московский государственный областной университет*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЁНЫХ-ПРОГРЕССИСТОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений К. Беккера, Ч. Линкольна, Э. Саймонса, Дж. Смита, Э. Селигмана. Рассмотрены как теоретико-методологические, так и конкретно-исторические взгляды упомянутых авторов на важные вопросы американской и мировой истории. Освещены понятия, которые использовали учёные, подходы к пониманию исторических фактов, оценки американских революций и Первой мировой войны, влияние корифеев-историков на историографию Соединённых Штатов Америки, а также некоторые другие вопросы. Определено место данных историков-прогрессистов между Ф. Тёрнером и Ч. Бирдом.

Ключевые слова: историография, американская историческая наука, прогрессистское направление, прагматизм, презентизм.

A. Ryazanov*Moscow State Regional University*

ON THE QUESTION OF HISTORICAL VIEWS OF THE AMERICAN SCIENTISTS OF THE PROGRESSIVE DIRECTION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the opinions of C. Bekker, Ch. Lincoln, A. Simons, D. Smith and A. Seligman. Their theory-methodological and concrete-historical views on the main questions of the American and world history are discussed. The ideas the scientists used are highlighted in the article, as well as their approaches to understanding historical facts. Besides, their appraisals of the American revolutions and World War I are given. The author also mentions their influence on the historiography of the United States of America and covers some other questions. The place of these scientists is defined to be between F. Turner and Ch. Beard. *Key words:* historiography, American historical science, progressive direction, pragmatism, presentism.

Среди историков прогрессистского направления в историографии США ведущие позиции занимали такие корифеи научной мысли, как Ф.Дж. Тёрнер и Ч.О. Бирд. Кроме них, к историкам-прогрессистам следует отнести и тех, кто занимал своеобразное промежуточное положение между упомяну-

тыми классиками: К. Беккера, Ч. Линкольна, Э. Саймонса, Дж. Смита, Э. Селигмана (хотя последний, конечно, не только историк, но и экономист).

Беккер утверждал, что “заявление об историческом событии и составляет... исторический факт”, причём последний “находится в чьих-то мыслях или ... не находится нигде” [12,

р. 124–125]. Он считал, что прошлое исчезло, поэтому история – результат мыслительной работы и воображения историка, который имеет дело с наследием и свидетельствами минувших времён, самостоятельно определяя их значение, исходя, прежде всего, из сегодняшних интересов. Таковые важны для проектирования грядущего. Недаром утверждалось, что “прошлое – некое подобие экрана, на который мы проецируем... видение будущего” [12, р. 128]. Все люди – разные, поэтому историки по-разному видят историю одних и тех же событий. Более того, с течением времени неизбежно меняются взгляды, оценки, установки и т.д., следовательно, “каждое поколение переписывает историю заново, привнося в неё новое содержание” [12, р. 132–133]. При таком подходе реальная действительность (в том числе та, которая существовала в прошлом) подменяется субъективными представлениями историков. Подобные взгляды принято считать разновидностью прагматистского презентизма (мнение А.Е. Куниной) [2, с. 50]. Американский исследователь К. Страут называл упомянутые воззрения К. Беккера “прагматистским релятивизмом” и “субъективно-релятивистским презентизмом” [17, pp. 5, 28]. Отметим, что речь идёт, прежде всего, о субъективно-идеалистической интерпретации понятия “исторический факт”, истоки которой – известные трудности исторического познания, а именно – двойственность понимания того, что такое исторический факт. В своё время М.А. Барг, рассуждая с позиций исторического материализма, отмечал, что исторический факт, с одной стороны, это фрагмент объективной реальности, а с другой –

отражение (в той или иной мере адекватное), этого “фрагмента” в сознании людей [1, с. 150–152]. В этом и заключается упомянутая двойственность; Беккер же сделал акцент на отражении прошлого в сознании и мышлении, что и привело его к субъективно-идеалистической трактовке.

Упомянутый американский историк сомневался в возможностях исторического познания. Например, размышляя о возникновении мировой войны 1914–1918 гг., он писал следующее: “Какое влияние оказали... исследования специалистов на общественную жизнь нашего времени? Во всяком случае, накопленные за целое столетие исторические знания не смогли предотвратить мировую войну... Я не хочу сказать, что историческая мысль несёт ответственность за мировой конфликт... Она вообще никак не повлияла на положение вещей” [12, р. 136–137].

Подобные сентенции привели К. Беккера даже к заключению о непознаваемости истории вообще. В связи с этим упомянем о его докладе “Каждый – собственный историк”, зачитанном на заседании Американской исторической ассоциации 28 декабря 1931 г. Исходя из того, что прошедшая действительность не существует как реальность в том смысле, что её нельзя непосредственно наблюдать, Беккер рассуждает в духе агностицизма: “Мы ничего не можем знать о большей части событий, даже то, что они произошли...” Вместе с тем историк не может игнорировать “материальный след, оставленный прошлым”. В качестве последнего выступают, прежде всего, “письменные документы”. Исходя из этого, учёные воссоздают “иде-

альную серию событий”. Но учёные – разные люди, отсюда и утверждение Беккера о том, что история “не может быть... одинаковой для всех...” Выходит, что у каждого – своя собственная история, “воображаемая реконструкция исчезнувших событий...”, которая, по сути – “неустойчивое изображение предметов воспоминаний, переделанное и заново окрашенное в интересах тех, кто ей пользуется” [6, р. 221–236]. Ценность истории, по таким меркам, – в “полезности для настоящего”. Очевидно влияние презентизма, прежде всего идей итальянского философа и историка Б. Кроче, у которого К. Беккер, по мнению Ч. Дестлера, почерпнул “чувство свободы от объективных, научных стандартов, а также скептицизм...” [10, р. 339]. Вместе с тем, у того же Беккера встречается мнение о том, что задача историка – “извлекать из прошлого пользу” [7, р. 243–259]. В этом сказывалось воздействие прагматизма, идей Ч. Пирса, У. Джемса, Дж. Дьюи, которые, впрочем, были весьма распространёнными в США конца XIX – середины XX вв.

Утверждение о том, что “каждый – собственный историк”, влечёт признание правомерности любых трактовок истории, а это, в свою очередь, ставит под сомнение саму историю как науку. Примечательно, что К. Беккер отвергал марксистский вариант исторической теории из-за присутствия в нём якобы “утопизма” и “фатализма” [6, pp. 116, 125, 128]. С другой стороны, Карл Лотус Беккер утверждал, что в истории можно наблюдать события и их соотношения, но невозможно установить их причины, во всяком случае, методом нарратива (описания). Поэтому же “причины явлений заключены

в них самих, и выделить какие-либо аспекты в качестве... главной причины невозможно” [9, р. VII–IX]. Здесь американский историк явно выступал с позиций не только агностицизма, но и индетерминизма.

Деятельность человека в истории, по Беккеру, определяется целями, обусловленными людской натурой и окружающей средой. При этом мысли имеют первичный, а материальные интересы – вторичный характер [9, р. 93–95]. В этом утверждении – выражение идеалистического подхода американского автора, по мнению которого пройдут века, а может быть, даже тысячелетия, пока “разумные взгляды просвещённых людей” приведут к качественному улучшению социальных отношений [9, р. 98].

Конечно, историческое прошлое недоступно непосредственному наблюдению. Воссозданием прошедшей действительности занимаются учёные-историки, опирающиеся на источники и отталкивающиеся, прежде всего, от интересов и запросов своего времени (т. е. современности). В этом состоит своеобразие исторического познания, что, однако, не отрицает его достоверности и научности, возможности поисков и нахождения объективной истины. Нельзя сбрасывать со счетов и момент релятивности (относительности), которая при этом присутствует. Но, как известно, достижение относительных истин есть приближение и к абсолютной истине. Сам процесс познания неотделим от личности учёного, чья общественная позиция определяет понимание и оценку анализируемых событий, а также процессов и т.п. Но субъективный взгляд историка, его позиция

не должны подменять собой объект изучения – факты прошлого. Несомненным является наличие причинно-следственных связей в истории, которые вполне реально выявить, как и “главную причину”, т.е. первопричину. Признание же определяющей роли идей, их примата в отношении материальных интересов может привести к социальному пессимизму, что, конечно, заслуживает критики.

Необходимо заметить, что именно К. Беккер назвал Первую Американскую революцию “двойной революцией”. Имелось в виду сочетание в ней как антиколониальных, так и внутриполитических аспектов [8, р. 5]. Историк разделил колонистов-патриотов на радикалов и умеренных по взглядам на необходимые преобразования. Однако Беккер не увидел разделения на умеренных и радикалов по их отношению к антиколониальной идее. С другой стороны, он верно указал на то, что противоречия между патриотами отражали особенности общественных отношений. Движение фермеров, арендаторов, ремесленников возникло на волне антиколониального протеста, а затем оно вылилось в борьбу против привилегий лендлордов, купцов и финансистов [8, р. 40].

Известно, что К. Беккер являлся одним из учеников Ф. Тёрнера, в письме к которому от 19 марта 1909 г. охарактеризовал вышеназванную “борьбу за демократизацию отношений политики и общества” как ведущую (“первичную”). Отсюда вытекала необходимость переписать (точнее – переосмыслить) историю социально-политических течений времён вызревания войны за независимость в Северной Америке [19, р. 11].

Понятие “двойная революция” использовал и коллега Беккера – Чарльз Линкольн. Есть мнение о том, что в историческую науку это понятие ввели они вместе [4, с. 28]. Именно под влиянием Ч. Линкольна дана была дефиниция указанного понятия, – и не кем иным, как Ф. Тёрнером: “Двойная революция” есть антиколониальная война и восстание в атлантических графствах неимущих против собственников” [3, с. 84; 18, р. 111].

Ч. Линкольн ввёл и другое понятие – “внутренняя революция”, направленная против привилегий лендлордов и финансистов и осуществлённая как фермерами-скваттерами западных поселений, так и бесправными горожанами колоний за облегчение доступа к земельным участкам и расширение избирательного права. Это означало восстание против политических и экономических позиций “верхов”, и только после этого – антиколониальное движение в борьбе с метрополией (Англией). Успех “внутренней революции” был закреплён в Конституции штата Пенсильвания – самого демократического акта конца XVIII в., в отличие как от Конституций других штатов того же времени, так и от “Декларации Независимости” и “Статей Конфедерации”. [11, р. 40–41, 189, 277–281].

Среди историков, занимающих место в прогрессистской историографии между Ф. Тёрнером и Ч. Бирдом, выделяется и Джон Аллен Смит, профессор Колумбийского университета. До него Конституцию США рассматривали сугубо как юридический документ, отражавший только идеи права. В свою очередь, Дж. Смит поставил задачу исследовать как “дух американского правительства”, так и экономическую

сущность Конституции 1787 года. Он пришёл к выводу о том, что принятие основного закона США было попыткой буржуазии и плантаторов “увечить свои права с помощью правовых гарантий”. Филадельфийский Конституционный Конвент “ставил своей целью организацию... центрального правительства, которое было бы способно обеспечить стабильность и неизменность сложившихся отношений” [16, р. 299]. Авторы Конституции исходили из доктрины “закреплённых законом имущественных прав”, по которой частная собственность понималась как неотъемлемая и священная. Этот подход Смита оказал влияние и на Ч. Бирда, создавшего, как известно, глубокое исследование о принятии Основного закона США и его экономической интерпретации [4, с. 37; 5].

Следует отметить также экономиста и историка Э. Селигмана, примыкавшего к прогрессистскому направлению. Касаясь вопроса об историческом детерминизме, он выделял два течения – нематериалистическое и материалистическое, относя к последнему приверженцев географического, биологического и экономического факторов. При этом ключ к объяснению “исторической причинности”, по его мнению, давала экономическая интерпретация истории [13, р. 3–4]. К последней, по Селигману, относились различные теории – от доктрины А. Лориа до учения К. Маркса и Ф. Энгельса, Кстати, он считал, что именно “Маркс, без всяких сомнений, должен быть признан подлинным создателем экономической интерпретации истории” [13, р. 24]. В свою очередь, Селигмана философия истории Маркса устраивала, ибо предполагала изучение развития

социально-политической структуры в связи с изменением экономических основ общественных отношений [13, р. 43, 67, 99, 107–109]. Кстати говоря, с таким подходом был согласен и Чарльз Остин Бирд.

А вот доктрину итальянца Лориа Селигман критиковал за преувеличенное внимание к аграрным отношениям и земельному вопросу [13, р. 149]. Как известно, концепция А. Лориа являлась одним из истоков взглядов Фредерика Джексона Тёрнера, и, критикуя её, Э. Селигман тем самым косвенно высказывал своё отношение к теории “подвижных границ”.

К прогрессистскому направлению в американской историографии примыкает также Элджи Саймонс, который порой именовал себя марксистом, хотя на самом деле находился под большим влиянием своего учителя Тёрнера. Именно этим обусловлены высказывания Саймонса: “Последовательные ступени заселения американского Запада надвигающейся армией первопроходцев-пионеров воспроизводят перед нами историю социального развития”, к тому же, “пока существовала... подвижная пограничная полоса, Соединённые Штаты Америки являлись единственной страной в мире, где жители могли по собственному усмотрению выбирать, в какой из исторических эпох общественного развития им жить”, в таких условиях “раздавленный конкуренцией безработный... мог двинуться вперёд в географическом смысле и назад... в историческом, вернувшись к быту первых оседлых поселенцев” [14, р. 14–19]. Под воздействием взглядов ближайшего последователя Тёрнера О. Либби Саймонс писал о “географическом распределении

голосов избирателей во время ратификации Законодательными собраниями штатов федеральной Конституции США” [14, р. 21–23]. Указанный процесс имел место сразу после принятия Основного закона Соединённых Штатов (в 1787–1789 гг.). Однако, в отличие от Либби, Саймонс подмечал и подчёркивал роль классовой борьбы в Американской революции XVIII в. [15, р. 46–47, 92, 98]. Кстати, у Саймонса выходило, что победа последней была во многом predeterminedена предшествовавшей ей Английской революцией XVII в. [15, р. 70]. Нельзя, конечно, отрицать известную взаимосвязь вышеназванных революций, при этом памятуя об особенностях и своеобразии каждой из них.

Испытав влияние Ч.О. Бирда, Элджи Саймонс трактовал историю США XIX в. через призму борьбы “аграрных” и “промышленных” интересов, что, кстати говоря, было вообще характерно для историков-прогрессистов. “Джефферсоновская демократия” для Саймонса была компромиссом между демократией “подвижной границы” и влиянием плантаторов-рабовладельцев, которые превратились в политическую силу из-за “хлопкового бума”. Поэтому Томас Джефферсон – не только плантатор, но и творец союза рабовладельцев с фермерами [15, р. 120, 123–124]. А вот “джексоновская демократия”, по Саймонсу, была не столько порождением “границы” и фермеров Запада, сколько результатом воздействия рабочего движения Северо-Востока США [15, р. 213]. В этом отношении очевидно существенное отличие от взглядов Тёрнера. Саймонс объявляет “джексоновскую демократию” временем рабочих, мелкой буржуазии

и “потенциальных капиталистов” [15, р. 215]. Оно продолжалось, согласно Саймонсу, с 1829 по 1844 гг. [15, р. 204]. Очевидна условность поздней хронологической границы уже хотя бы с той точки зрения, что президентство Эндрю Джексона завершилось в 1837 г. Но Саймонс увязывает вышесказанное с главной, по его мнению, причиной Гражданской войны в США 1861–1865 гг., а именно – соперничеством плантаторов Юга и буржуазии Северо-Востока из-за экономических разногласий и контроля над федеральной властью.

Гражданскую войну Саймонс понимал как борьбу двух больших “секций”, причём одна из них была основана на рабском подневольном труде, а другая – на свободном найме рабочей силы. Такая трактовка навеяна влиянием Ф.Д. Тёрнера и предвосхищала концепцию Ч.О. Бирда. Упомянутые секции боролись за перераспределение собственности, богатства и власти в стране. Однако Саймонс не раскрывает прогрессивного значения борьбы Севера против рабства. Соответственно, умалчивается значение подлинно исторических решений об отмене рабства, принятых в 1862 – 1865 гг. К тому же, по Саймонсу, сами негры были якобы не способны подняться на борьбу за освобождение, не восставали во время Гражданской войны, что откровенно противоречило известным историческим фактам. Что же до рабовладельцев, то они-де не имели агрессивных намерений, хотели мирно отделить Юг и т. д. О намерениях плантаторов распространить свою “хозяйственную систему” на Запад Саймонс умалчивает, игнорирует агрессивный характер действий южан и фактическое развязывание именно ими Гражданской

войны, не говоря уже о планах экспансии Конфедерации вплоть до намерения захватить обширные территории в Латинской Америке. С другой стороны, Саймонс проходит мимо прогрессивной роли капитализма Северо-Востока, действий северян, системы свободного найма и промышленной буржуазии. Он даже объявляет пропагандистским мифом оценку великого президента США Авраама Линкольна как борца с рабовладением. Этот миф был призван, по Саймонсу, “обелить плутократию” республиканской партии и её лидеров. Впрочем, и восстание под предводительством Джона Брауна у Саймонса именуется “методом самой легкомысленной, нелепой пропаганды действием” [14, р. 61, 63, 66–67]; [15, р. 268–269]. Подобные суждения не только идут вразрез с устоявшимися в исторической науке мнениями, но и находятся в прямом противоречии с важнейшими фактами.

Наряду с этим, Э. Саймонс вполне адекватно оценивал значение Гражданской войны в США, когда указывал, что именно она предварила Реконструкцию, а вместе с тем “открыла эру гигантских промышленных предприятий”, что, в свою очередь, привело к появлению “крупных капиталистов” и “большой индустрии”, формированию основ индустриального общества [15, р. 275, 284]. Такая трактовка итогов и последствий Гражданской войны 1861–1865 гг. перекликалась с интерпретацией её Ч. Бирдом и его последователями. Попутно заметим, что большие промышленные предприятия в США появились уже и до Гражданской войны – на Севере и Северо-Востоке, после неё этот процесс затронул и Юг.

В целом взгляды Саймонса отличны, конечно, от взглядов других историков-прогрессистов. Несомненным является то, что в его трудах история США неразрывно сопряжена с присутствием и развитием социальных конфликтов на разных её этапах.

Таким образом, между корифеями Ф.Д. Тёрнером и Ч.О. Бирдом существовала целая плеяда историков-прогрессистов, занимавшихся как теоретико-методологическими, так и конкретно-историческими исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1987. 342 с.
2. Кунина А.Е. США: методологические проблемы историографии (практика исследований). М.: Наука, 1988. 212 с.
3. Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до Гражданской войны 1861–1865 г. г. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 1971. 375 с.
4. Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М.: Наука, 1987. 268 с.
5. Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y.: Macmillan, 1913. VII, 330 p.
6. Becker C.L. Everyman His Own Historian // The American Historical Review. – 1932. January. Vol. 37. № 2. P. 116 – 259.
7. Becker C.L. Everyman His Own Historian. Chicago, 1966. 270 p.
8. Becker C.L. The History of Political Parties in the Province of New York. 1760–1776. Madison, 1960. 230 p.
9. Becker C.L. Progress and Power. Stanford, 1936. IX, 156 p.
10. Destler Ch. M. The Crocean Origins of Becker’s Historical Relativism // History and Theory. 1970. Vol. 9. № 3. 330–352 p.
11. Lincoln Ch. H. The Revolutionary Move-

- ment in Pennsylvania. 1760–1776. Coscob, 1968. 493 p.
12. The Philosophy of History in Our Time / Ed. By H. Meyerhoff. N.Y.: Doubleday, 1959. 176 p.
13. Seligman E.R. A. The Economic Interpretation of History. N.Y.: Knopf, 1907. 109 p.
14. Simons A. M. Class Struggle in America. Chicago, 1903. 122 p.
15. Simons A.M. Social Forces in American History. N. Y., 1911. 284 p.
16. Smith J.A. The Spirit of American Government. N.Y.: Knopf, 1907. 312 p.
17. Strout C. The Pragmatic Revolt in American History: Care Becker and Charles Beard. New Haven: Yale, 1959. XII, 182 p.
18. Turner F. J. The Frontier in American History. N.Y.: Knopf, 1920. 119 p.
19. What is Good of History. Selected Letters of Carl L. Becker. 1900–1945. Ithaca, London, 1973. 260 p.

УДК 94(4)»1939/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-30-39

Бруз В.В.*Московский государственный областной университет*

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЧТО ОНА ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ РОССИИ?

Аннотация. В статье рассмотрена либеральная концепция Второй мировой войны. Хотя официально данная концепция не формулировалась, анализ взглядов, оценок, суждений представителей и сторонников либерализма по ряду вопросов истории Второй мировой войны свидетельствует о том, что существует единая трактовка этих событий, общая точка зрения и руководящая идея для их освещения. Это даёт основание утверждать, что де-факто либеральная концепция существует. Она предполагает радикальный пересмотр истории Второй мировой войны, которая рассматривается как столкновение либеральных государств с тоталитарными (к последним, наряду с нацистской Германией и фашистской Италией, отнесён и Советский Союз).

Ключевые слова: либерализм, Вторая мировая война, тоталитаризм, идеология, Великая Отечественная война.

V. Bruz*Moscow State Regional University*

LIBERAL CONCEPT OF WORLD WAR II HISTORY. WHAT DOES IT MEAN FOR RUSSIA?

Abstract. The article discusses the liberal concept of World War II. Although officially this concept was not formulated, the analysis of the beliefs, judgments, and opinions of the representatives and supporters of liberalism on a number of issues of the history of World War II suggests that there is a unified interpretation of those events, a common point of view, and the guiding philosophy for describing them. It enables to state that de facto liberal concept exists. It implies radical revision of World War II history, which is seen as a clash of liberal States with totalitarian (the latter, along with Nazi Germany and fascist Italy, includes the Soviet Union).

Key words: liberalism, World War II, totalitarianism, ideology, the Great Patriotic war.

История Второй мировой войны – крупнейшей и самой кровопролитной войны в истории человечества, оказавшей огромное влияние на судьбы народов нашей планеты, на протяжении многих десятилетий привлекает внимание учёных, политических, общественных деятелей, журналистов,

простых граждан во многих странах. Памятные даты, связанные с событиями этой войны, приобретают в последние годы не только историческое, но весьма важное политическое, идеологическое значение. Великая Победа, одержанная странами антифашистской коалиции над странами оси (Германией, Италией, Японией) и их

© Бруз В.В., 2015.

сателлитами, при решающем вкладе Советского Союза, несомненно, стала событием, имеющим всемирно-историческое значение.

В последнее время появляется большое количество материалов в периодической печати, теле- и радиопередачах, интернет-изданиях, блогосфере, авторы которых предлагают по-новому взглянуть на историю Второй мировой войны. Само по себе стремление к расширению и углублению исторических знаний, переосмыслению исторических событий, особенно в связи с введением в научный оборот новых, ранее недоступных широкой научной общественности архивных материалов, представляет собой естественный, объективный процесс. Без этого историческая наука не может развиваться. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в оценочных суждениях, касающихся событий Второй мировой войны, некоторых историков, журналистов, политических и общественных деятелей – участников телевизионных ток-шоу и радиопередач, а также изложенных в ряде работ, публикаций в периодической печати, и преподносящихся как личное мнение автора, просматривается общая направленность, выражающая вполне определённую тенденцию.

Представляется, что здесь имеет место не просто чьё-то особое мнение, а определённая, целенаправленная интерпретация событий Второй мировой войны, сопровождаемая зачастую подтасовкой, искажением фактов, прямой фальсификацией и откровенной ложью. По сути, речь идёт о реализации глобального либерального проекта, одна из важнейших задач которого заключается в том, чтобы пересмотреть

историю XX в. с позиций либерализма. Центральное место здесь отводится истории Второй мировой войны. Принципиальными, применительно к освещению истории Второй мировой войны, представляются основополагающие суждения теоретика либерализма Ф. фон Хайека¹: «Мировая война началась с идеологической борьбы между либерализмом² и тоталитаризмом³ в рамках единой европейской цивилизации и переросшей в военный конфликт» [13, с. 39].

Это положение находит подтверждение в том, что Великобритания, с самого начала Второй мировой войны, рассматривала её как войну идеологическую, в которой либерализм противостоял тоталитаризму. Об этом свидетельствуют заявления предста-

¹ Фридрих Август фон Хайек (1899-1992 гг.) – один из наиболее известных теоретиков либерализма XX в., экономист и социальный философ, лауреат Нобелевской премии, награждённый в 1991 г. высшей наградой США – Президентской медалью Свободы. Наиболее известный труд «Дорога к рабству», изданный в 1944 г.

² Либерализм – политическая доктрина, которая предполагает обеспечение и приумножение свободы личности, как центрального вопроса политики [18].

³ Термин «тоталитаризм», впервые употребил Дж. Амендола в 1923 г. для критической характеристики режима Муссолини. В последующем этот термин стал использоваться также по отношению к режимам Германии и СССР. Ряд политологов считают тоталитаризм политической метафорой, клише, смысловое содержание этого понятия постоянно менялось в угоду политической конъюнктуре. В американской «Энциклопедии социальных наук» 1968 г. тоталитаризм назван «ненаучной концепцией». По сути, термин «тоталитаризм» имеет вполне очевидную конъюнктурную идеологическую цель – приравнять советский режим к нацизму. Никакого иного научного, позитивного значения данный термин не содержит.

вителей всех партий в палате общин Великобритании в день объявления войны 3 сентября 1939 г. Так, лидер консерваторов У. Черчилль подчеркнул, что: «Речь идёт не о войне из-за Польши или из-за Данцига. Мы сражаемся за то, чтобы спасти мир от чумы нацистской тирании, защищаем всё то, что есть святого у людей» [21]. Взгляд на Вторую мировую войну как на войну в защиту демократических ценностей от ужасов тоталитаризма разделяют и современные российские либералы. Так, один из главных идеологов «перестройки», А.Н. Яковлев убеждён, что итогом Второй мировой войны стала победа демократии, разгром гитлеризма, сплочение Запада перед большевистской угрозой, исходящей от России, феодально-большевистский хребет которой приходится долаживать до сих пор [16]. Вот какие метаморфозы иногда происходят с людьми. Фронтовик, проливавший свою кровь в борьбе с гитлеровским фашизмом, жалеет о том, что и Россию (так, на западный манер, Александр Николаевич называет Советский Союз) не разгромили в этой войне.

Мнение А.Н. Яковлева, по сути, отражает либеральную позицию по этому вопросу. Она тесно связана с суждением Ф. фон Хайека, что *тоталитарные режимы Германии, Италии и России – противники государств с традиционными либеральными ценностями* [13, с. 39], *теми ценностями, «... которые сделали Англию и США странами, где живут независимые и свободные, терпимые и благородные люди»* [13, с. 209]. Необходимо отметить, что это мнение Ф. фон Хайека совпадает с официальной точкой зрения США. Так, на пресс-конференции

исполнявшего обязанности государственного секретаря США С. Уэллеса, проходившей 23 июня 1941 г. было заявлено, что для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры [17, с. 768]. США, рассматривая Советский Союз как враждебный тоталитарный режим, приняли решение об оказании ему помощи только потому, что Германия к этому времени уже оккупировала почти всю Европу и представляла реальную угрозу для США, армия которых в тот момент не была готова к войне.

Следующее положение, не вызывающее, по мнению Ф. фон Хайека, сомнений, состоит в *сходстве худших проявлений режимов в коммунистической России и фашистской Германии* [13, с. 33]. Более того, Ф. фон Хайек полностью разделяет точку зрения Макса Истмена, утверждавшего, что *сталинизм хуже фашизма, ибо он гораздо более беспощаден, жесток, несправедлив, аморален, антидемократичен, и полагавшего, что сталинизм – это и есть социализм* [13, с. 52]. Исходя из этого следует, что *Гитлер и Сталин преступники, равно как и возглавлявшиеся ими тоталитарные режимы*. В этой связи необходимо напомнить, что гитлеровская нацистская идеология и основанный на ней режим были осуждены от имени народов мира, а организации НСДАП, Гестапо, СС и СД признаны преступными Международным военным трибуналом, проходившем в Нюрнберге в 1945-1946 гг. Трибунал был сформирован на паритетных началах союзниками по антигитлеровской коалиции – представителями четырёх великих

держав: Великобритании, СССР, США, и Франции [8, с. 564-565].

По поводу И.В. Сталина и советского государства никаких международных легитимно-правовых решений никогда не принималось. Хотя попытки осуждения И.В. Сталина и советского режима периодически поднимались как российскими либералами¹, так и некоторыми государствами [20]. О противоправных, преступных действиях Соединённых Штатов либералы, как правило, умалчивают. Более 40 лет в США на официальном уровне не комментировали события, связанные с депортацией времён Второй мировой войны, когда около 120 тысяч японцев (из которых 62% имели американское гражданство) были насильственно перемещены с Западного побережья США в специальные лагеря. И только в 1988 г. президент Р. Рейган подписал документ, в котором от имени Правительства Соединённых Штатов Америки приносились извинения за интернирование, вызванное «расовыми предрассудками, военной истерией и ошибками политического руководства».

Можно привести и другие примеры из истории США или Великобритании, которые, мягко говоря, не согласуются с представлениями о странах, где, по словам Ф. фон Хайека, «живут независимые и свободные, терпимые и благородные люди». Видимо, поэто-

¹ Например, один из главных «архитекторов перестройки» А.Н. Яковлев писал о том, что его неоднократные обращения к российской и мировой общественности, к Президенту России, к Правительству, Генеральной прокуратуре, Федеральному собранию, в Конституционный суд с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и её носителей остались без ответа [15, с. 11].

му былые и нынешние преступления, совершённые этими «свободолюбивыми» странами, в российских либеральных кругах либо не вспоминают, либо обосновывают необходимостью борьбы за свободу и демократию. Иными словами, говорят о них так, как обычно принято говорить о покойниках: либо хорошо, либо ничего.

В этой связи представляются весьма примечательными откровения российского политического деятеля, правозащитника, основателя либеральных партий «Демократический союз» и «Западный Выбор» В.И. Новодворской, которыми она поделилась в статье, опубликованной в газете «Новый взгляд» в 1993 г. Без тени сомнений Валерия Ильинична заявила: «... меня совершенно не ужасает неприятность, приключившаяся с Хиросимой и Нагасаки. Зато смотрите, какая из Японии получилась конфетка. Просто «сникерс». Семерка в Токио заседает, парламент либеральный имеется. Игра стоила свеч. Я была бы просто счастлива, если бы США сохранили все мыслимые и немыслимые приоритеты и не забывали вовремя что-нибудь бросать на тех, кто уклоняется от либерального пути и плохо себя ведёт. Невозвратимость наказания – единственное, что может удержать человечество от политического и нравственного регресса...» [6]. Эти человеконенавистнические взгляды принадлежат современному российскому либералу! Крайняя степень цинизма, готовность оправдать любые, даже самые чудовищные преступления, совершаемые США, звучащие из уст правозащитника, пожалуй, красноречивее всего демонстрируют истинное лицо современного российского либерализма.

Тезис о якобы преступном советском государстве находит поддержку и у современных российских либералов. Так, А.Н. Яковлев, по сути, цитирует президента США Р. Рейгана¹, когда заявляет, что большевизм и фашизм – две стороны одной и той же медали вселенского зла [15, с. 5], что преступником был не только Сталин, но и сама система была преступна [15, с. 14].

Российский политик, президент Общероссийского общественного движения «Союз правых сил» Л.Я. Гозман, разделяет точку зрения Ф. фон Хайека о том, что гестапо, СД и СС аналогичны соответствующим службам в Советском Союзе [13, с. 155]. По мнению Л.Я. Гозмана, СМЕРШ не менее преступна, чем СС. И само это слово – СМЕРШ – должно стоять в одном ряду со словами «СС», «НКВД» и «гестапо» [1]. В этой связи необходимо напомнить г-ну Л.Я. Гозману и его соратникам, что только суд вправе признать организацию преступной. Именно такое решение принял Международный Нюрнбергский трибунал, признав, в частности, СС и Гестапо преступными организациями. Самым страшным тираном в русской истории, таким, как Гитлер для евреев, считает Сталина академик РАН Ю.С. Пивоваров. По его мнению, война, Великая Победа – один из этапов 70 лет советского коммунизма, и нельзя концентрироваться только на нём, забыть про всю советскую историю, преступления во время войны против собственного народа [2]. Иными словами, по мнению Ю.С. Пивоварова, войну следует рассматри-

вать только в контексте преступного советского режима. Если так, то о какой Великой Победе может идти речь?

Во второй половине 1980-х гг., в период гласности, российские либералы были в первых рядах тех, кто заговорил о «белых пятнах» в нашей истории, о том, что советская история представлена чёрно-белой, а она, как история любой страны, имеет множество цветов и оттенков. Появилось огромное количество публикаций, касавшихся ранее закрытых тем. Однако очень скоро выяснилось, что все «белые пятна» выкрашивают исключительно в «чёрный» цвет. Более того, весь советский период предложено признать преступным и вычеркнуть из нашей истории. Фактически, реализуя такой подход, (заменяя «+» на «-» и наоборот), современные российские либералы ничем не отличаются от так люто ими ненавидимых большевиков. Вместо взвешенного, объективного, конкретно-исторического взгляда на историю предлагается набор клише времён «холодной войны», позаимствованных у западных коллег. Применение подобной методологии изначально предполагает получение заранее определённого результата и не имеет ничего общего с объективностью.

Следующее положение либеральной концепции касается *войны между Германией и Советским Союзом, которая рассматривается как вооружённая борьба двух тоталитарных режимов за мировое господство*. Современные российские сторонники либерального подхода исходят из того, что Сталин с момента прихода к власти готовился к войне за мировое господство, принёс Россию в жертву собственной идее за-

¹ Р. Рейган говорил о Советском Союзе как аморальном, тоталитарном государстве, империи вселенского зла [19].

воевания мира, но к счастью для мира, проиграл [3]. По мнению члена-корреспондента РАН историка А.Н. Сахарова, сегодня уже никто не сомневается в наличии у Сталина намерения превентивной войны против Гитлера. Яростные споры идут лишь в отношении возможных её сроков [12]. Видимо, А.Н. Сахаров имеет в виду сторонников либеральной концепции, которые действительно не сомневаются в том, что Сталин готовился к превентивному удару по Германии. Однако приписывать данную точку зрения всему историческому сообществу – глубокое заблуждение. Кроме того, необходимо напомнить, что впервые тезис о том, что Гитлер якобы был вынужден напасть на СССР, чтобы опередить Сталина, сосредоточившего «...на германской границе все свои вооружённые силы, готовые к броску...» [14], был предложен в ноте МИД Германии переданной утром 22 июня 1941 г. Советскому Правительству. Это факт ничуть не смущает современных российских либералов. Развивая этот тезис, они приходят к выводу о том, что *никакой Великой Отечественной войны не было*.

Так, старший научный сотрудник ИНИОН РАН И.И. Глебова полагает, что «... в идентификации постсоветского общества существенную часть занимает *так называемая Великая Отечественная война* (выделено мной – В.Б.)... Миф, созданный вокруг советской победы над нацистской Германией...» [5]. По мнению И.И. Глебовой, «миф о победе в мировой войне», равно как и «...Миф о священной народной войне, завершившейся яркой победой, нужен русскому народу после распада советской империи и утра-

ты статуса великой державы...» [5]. Эту точку зрения разделяет Ю. Латынина, которая полагает, что Сталин, в его понимании, Вторую мировую войну проиграл. Он стремился к мировому господству, однако появление у США атомной бомбы, которой ещё не было у Сталина, положило конец его планам покорения Европы [3].

Примечательно, что президент Украины П. Порошенко уже называет Великой Отечественной войной анти-террористическую (карательную) операцию, которую он проводит на востоке страны [9]. Такая кощунственная подмена понятий отнюдь не случайна и преследует вполне конкретные идеологические цели – вытравить из сознания молодого поколения память о Великой Победе нашей общей страны – Советского Союза, над фашистской Германией и внедрить миф о том, что, даже не будучи независимым государством, Украина де-факто была важным участником Антигитлеровской коалиции, т.е. самостоятельно воевала, причём не в Великой Отечественной, а во Второй мировой войне [11].

Таким образом, нам предлагается относиться к Победе Советского Союза в Великой Отечественной и Второй мировой войне как к мифу. Иными словами, никакой Победы, никакой Великой Отечественной войны не было! Такой подход полностью соответствует либеральной концепции, в соответствии с которой война шла между тоталитаризмом и либерализмом. США, Великобритания и их союзники, используя тоталитарный СССР, разгромили нацистскую Германию. Однако, с либеральной точки зрения, это была ещё не полная победа. Остался Советский Союз, против кото-

рого и была начата «холодная война». Видимо, поэтому в Великобритании и США День победы над нацизмом не вошёл в перечень официальных праздников, хотя его отмечают ветеранские организации и воинские союзы.

В соответствии с этим подходом *все, кто боролся против преступного сталинского, советского режима – подлинными борцы за свободу*. В рядах «подлинных борцов» оказались созданные немецким командованием летом 1941 г. в оккупированной Латвии местные добровольческие батальоны, а также две латышские дивизии Ваффен-СС, предназначенные для борьбы с советскими партизанами, охраны стратегических объектов, тюрем и концлагерей, где содержали и уничтожали евреев и советских военнопленных. Была сформирована и эстонская дивизия Ваффен-СС. На Украине были созданы 201-й охранный батальон СС («Украинский легион»¹), сформированный на основе объединённых ОУНовских² «дружин украинских нацио-

¹ Руководили «Украинским легионом» майор абвера Евген Побегущий и его заместитель гауптман Роман Шухевич. Указом президента Украины 12 октября 2007 г. Шухевичу было посмертно присвоено почётное звание «Герой Украины» с формулировкой «за выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины и в связи со 100-летней годовщиной со дня рождения и 65-летней годовщиной создания Украинской повстанческой армии».

² ОУН (Організація українських націоналістів) – украинская националистическая ультраправая политическая организация, действовавшая в основном на территории Западной Украины (период наивысшей активности – конец 1920-х–1950-е гг.). Рассматривала террор как приемлемое средство борьбы за достижение своих целей. Носила антипольский, антисемитский, антисоветский и антикоммунистический характер.

налистов» – «Роланд» и «Нахтигаль»³, для вооружённой борьбы с белорусскими партизанами, а также украинская дивизия СС «Галичина».

С весны 1943 г. на оккупированных территориях действовала Украинская повстанческая армия (УПА – вооружённое крыло ОУН). В 1943–1944 гг. отряды УПА действовали против советских партизан, отрядов польского подполья – Армии Людовой и Армии Крайовой, а также против германской оккупационной фашистской администрации и её вооружённых формирований. Отряды УПА осуществили Волынскую резню, жертвами которой стало 50–60 тысяч поляков. В постановлении Сейма Польши, принятом в 2009 г., отмечено, что ОУН и УПА осуществили «антипольскую акцию – массовые убийства, имевшие характер этнической чистки и обладавшие признаками геноцида». Но разве могут «борцы за свободу Украины» быть преступниками? Для того чтобы снять с них любые обвинения, весной 2015 г. Верховная Рада Украины признала членов УПА «борцами за независимость Украины». Главное, как считает представитель Украинского института национальной памяти С. Бутко, что теперь впервые на законодательном уровне государство признаёт ОУН, УПА и другие украинские национально-освободительные организации и формирования, их участников как борцов за независимость Украины, которых необходимо уважать [4]. 14

³ 30 июня 1941 г. в оккупированном Львове батальон «Нахтигаль» во главе с гауптманом Романом Шухевичем (ближайшим сподвижником руководителя ОУН Степана Бандеры) принял активное участие в страшном погроме, уничтожив несколько тысяч человек, преимущественно евреев.

октября – день официального образования Украинской повстанческой армии в 1942 г., Президент Украины постановил ежегодно отмечать как День защитника Украины. Теперь факельные шествия бандеровцев стали государственным праздником, так же как и шествия бывших легионеров СС и их сторонников, проходящие ежегодно в Риге 16 марта, а в Эстонии – 24 февраля. Это полностью соответствуют либеральному подходу.

Покаяться за СМЕРШ и отдать дань уважения подвигам и славе Степана Бандеры и Романа Шухевича призывала В.И. Новодворская [7]. Для современных российских либералов определяющим в этом вопросе является то, что и Бандера, и Шухевич боролись с советским государством, поэтому они – герои. А то, что в ходе борьбы они осуществляли этнические чистки, уничтожали мирных жителей, совершили преступления против человечества, не имеет никакого значения. Вот такой либерализм.

Как считает советский диссидент, российский правозащитник, журналист и общественный деятель А.П. Подрабинек, настоящие герои, достойные уважения – это ветераны борьбы с советской властью [12]. Исходя из этого, настоящими героями, подлинными борцами за свободу против советского тоталитаризма были воевавшие на стороне гитлеровской Германии: Русская освободительная армия Власова, Русская освободительная народная армия, 15-й казачий кавалерийский корпус СС, 29-я гренадерская дивизия СС, 30-я гренадерская дивизия СС, Русский корпус, 1-я русская национальная бригада СС «Дружина», а также «ост-батальоны», которые вели борьбу

с партизанами, выполняли карательные, охранные и другие функции. Что касается Красной Армии, то, по мнению либерала А.П. Подрабиника, все, кто защищал свою Родину, Советский Союз заслуживают презрения, и это – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима. Зло должно быть наказуемо [10]. Подобные кощунственные утверждения столь явно и цинично звучат из уст современных российских либералов пока не часто. Как правило, они маскируются под более благовидные. Например, насаждается миф о том, что в войне победил народ, вопреки Сталину и бездарному командованию. Нелепость подобного утверждения очевидна, как и цель – противопоставить народ государству.

Таким образом, есть основания говорить о существовании либеральной концепции Второй мировой войны, которая основывается на двух основных постулатах: – это была война между тоталитаризмом и либерализмом; – Советский союз, как и нацистская Германия, преступные тоталитарные режимы. Эта идеологическая концепция является составной частью либерального американского проекта, обеспечивающего достижение США мирового господства. По сути, она направлена, прежде всего, против современной России и предполагает пересмотр всего послевоенного мироустройства.

Очевидно, что не все положения данной концепции могут быть сразу реализованы. Не может народ в одночасье отказаться от Великой Победы, за которую заплачено миллионами жизней советских людей, от Великой Отечественной войны, ставшей символом

стойкости и мужества нашего народа, и принять в качестве героев – власовцев и полицаев. Однако опыт Украины свидетельствует о том, что либеральная идеология, реализуемая государственной пропагандой, опирающаяся на зарубежную помощь и современные технологии, в течение одного поколения вполне успешно решает такую задачу. Бандеры и шухевичи становятся национальными героями. Вместо Победы в Великой Отечественной войне, Украина начинает новую традицию празднования 8 и 9 мая в европейском духе памяти и примирения, по сути, примирения жертв с палачами. Такой путь, в рамках реализации либеральной концепции истории Второй мировой войны, предлагается и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гозман Л. Подвигу солдат СС посвящается... [Электронный ресурс]. URL: <http://leonid-gozman.livejournal.com/150225.html>(дата обращения: 23.04.2015).
2. Исторический процесс: Великая Отечественная [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/istoricheskij-process-velikaya-otechestvennaya-tekstvideo/#ixzz3YE9uXtRP>(дата обращения: 26.05.2015).
3. Код доступа. Авторская передача Ю. Латыниной. Радиостанция «Эхо Москвы». Эфир 08.05.2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/code/677955-echo/>(дата обращения: 30.04.2015).
4. Конференція у Чернігові: «Україна у Другій світовій війні: міфи і реальність» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/u-chernigovi-proveli-konferentsiyu-ukraina-u-drugii-svitovii-viini-mifi-i-realnist>(дата обращения: 27.04.2015).
5. Международная конференция «Великая Отечественная война – 70 лет нападения нацистской Германии на СССР» Будапешт, 10-11 июня 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1415885.html>(дата обращения: 20.04.2015).
6. Новодворская В. Не отдадим наше право налево! // «Новый взгляд» N46 от 28 августа 1993 г.
7. Новодворская В., Запад, возьми нас на ручки [Электронный ресурс]. URL: gran1.ru(дата обращения: 30.04.2015).
8. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. – Т. 8. Приговор Международного трибунала. – М.: Юридическая литература, 1999. – С 564-655.
9. Пётр Порошенко кощунственно назвал карательную операцию на Донбассе «великой отечественной войной» [Электронный ресурс]. URL: <http://rusvesna.su/news/1433503442>(дата обращения: 05.07.2015).
10. Подрабинек А. Как антисоветчик антисоветчикам... [Электронный ресурс]. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?t=413>(дата обращения: 23.04.2015).
11. Порошенко сравнил АТО с Великой Отечественной войной [Электронный ресурс]. URL: <http://tengrinews.kz/other/poroshenko-sravnil-ato-s-velikoy-otechestvennoy-voynoy-264187/>(дата обращения: 15.07.2015).
12. Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ateism.ru/forum/viewtopic.php?p=229993>(дата обращения: 13.05.2015).
13. Хайек, Фридрих Август фон Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005.
14. Нота германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/dokum/194_dok/1941nota.php(дата обращения: 15.04.2015).
15. Черная книга коммунизма престу-

- пления, террор, репрессии (перевод с французского) авторы: С. Куртуа, Н. Верт, Ж-Л Панне и др. Вступительная статья Большевик – социальная болезнь XX века А.Н. Яковлева. – М.: Издательство «Три века истории», 2001. 2-е издание.
16. Яковлев А. Сумерки [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/8348536/?page=1> (дата обращения: 03.05.2015).
17. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1941, v. I. Washington. 1958, p. 768.
18. Liberalism / Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <http://www.britannica.com/> (дата обращения: 14.04.2015).
19. President Reagan's Speech before the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida on March 8, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20040609055415/http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm> (дата обращения: 04.06.2015).
20. Public Law 86-90 Закон о порабощенных нациях 17.07.1959. Подписан президентом Д. Эйзенхауэром [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusidea.org/?a=25071710> (дата обращения: 30.04.2009).
21. The Times, 4th September, 1939.

Всеобщая история

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-40-46

Павлов Е.С.

Московский государственный областной университет

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ДОРИЙСКИХ КОЛОНИЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос основания и некоторые особенности развития древнегреческих колоний - Каллатиса на Западном берегу Понта и Херсонеса в Северном Причерноморье. Автор проводит сравнительный анализ существования этих колоний на протяжении архаического и эллинистического периодов. В основе анализа лежат данные, полученные в результате исследований отечественных и зарубежных историков. В результате анализа источников и специальной литературы, автор приходит к заключению, что эти дорийские колонии, кроме единой метрополии, прошли и сходный исторический путь развития.

Ключевые слова: полис, метрополия, колония, элевтерия, эпиграфический источник, артефакт.

E. Pavlov

Moscow State Regional University

ON SOME ASPECTS OF EVOLUTION OF DORIAN COLONIES IN THE BLACK SEA REGION

Abstract. This article discusses some aspects of the foundation and development of the ancient Greek colonies - Callatis in the West Bank of Pont and Chersonese in the northern Black Sea region. The author makes a comparative analysis of the existence of the colonies during the Archaic and Hellenistic periods. The analysis core is based on the data obtained from domestic and foreign historians' studies. Having analyzed the sources and special literature, the author concludes that these Dorian colonies, except one metropolis, passed a similar historical way.

Key words: polis, metropolis, colony, eleutheria, epigraphic source, artifact

Результатом дорийской колонизации в бассейне Черного моря стало появление нескольких греческих полисов, среди которых такие известные колонии, как Каллатис на Западном побере-

© Павлов Е.С., 2015.

жье Черного моря и Херсонес на юго-западном побережье Крыма. Прежде, чем перейти к истории этих полисов, рассмотрим ситуацию колонизационной деятельности Мегар Нисейских в районе Пропонтиды и Понта.

Современный исследователь Л.А. Пальцева, посвятив особую главу своей диссертации колонизационной деятельности Мегар в районе Босфора и на Понте, отмечает, что история Мегар в отечественной историографии пока еще не получила достаточно полного освещения [13].

Причин возникновения такого феномена VIII-IV вв. до н.э. вв. до н.э., как Великая греческая колонизация, несколько. Это и ожесточенная борьба за контроль над новооткрытыми торговыми путями, и обретение ресурсных баз. Это и сложная демографическая ситуация, сопровождавшаяся нехваткой земель, и острая конкурентная внутривосточная борьба словенных группировок в самих полисах и между полисами Средней Греции.

Для начала рассмотрим колонизационную деятельность Мегар Нисейских. Этот полис, наряду с Коринфом, Халкидой, Афинами и Милетом, был одним из наиболее развитых в Древней Греции. Существует мнение, что VII в. до н.э. был периодом наивысшего расцвета Мегар, когда они могли претендовать на расширение сферы своего влияния в Средней Греции, конкурируя со своим извечным соперником – соседними Афинами.

Нацеленность Мегар на районы Босфора и Малой Азии диктовалась желанием приобретения ими выгодных морских торговых путей. Наряду с Мегарами, в этом регионе активно действовал Милет, который уже основал в проливах и Пропонтиде свои колонии: Кизик, Артака, Проконнес, Парион. Такая колонизационная деятельность Милета была возможна потому, что он вместе с Мегарами состоял в коалиции греческих полисов.

В итоге Пропонтида и зона Черноморских проливов во 2-й пол. VIII – нач. VII вв. до н.э. стали сферой исключительного влияния этих двух полисов. Милет контролировал Геллеспонт и южную Пропонтиду, а Мегары – север и северо-восток Пропонтиды.

Первую колонию *Астак* в Пропонтиде Мегары основали в период расцвета Фригийского царства. Место богато рыбой [18, VII, 6, 2, с. 320] и имеет хорошие плодородные земли [18, XII, 8, 11, с. 575; XIII, 1, 12, с. 587]. Восточнее от него расположены земли мариандинов, находившихся в пятистах стадиях от центра Фригии [5, III, 187; 17, XII, 3, 7, с. 543].

Другая мегарская колония, *Калхедон* в районе Босфора, согласно Евсевию, основана в 685 г. до н.э., и её появление обусловлено наличием здесь медной руды, что для метрополии имело немаловажное значение.

Позже, в 660 г. до н.э., на Золотом Роге Мегары основали *Византий* [4, IV, 144], предназначением которого был контроль морских путей между Эгейей и важнейшими для Греции районами Понта Эвксинского.

Очень скупы сведения античных авторов об еще одной мегарской колонии на Понте – *Селимбрии*. Псевдо-Скимн сообщает, что Селимбрия была основана раньше Византия и находилась в 70 км к западу от него, на высоком холме в бухте [18, 7, 301]. Одолев в борьбе местных фракийцев и македонян, город попал затем в зависимость к царю Филиппу и превратился в незначительное поселение Селиврия [8, VII, 3,5; 4, VI, 33].

На западном побережье Понта, на севере Бургасского залива, дорийцы из Мегар проводили основание *Месем-*

бри в два этапа (610 – 593 гг. до н.э), поскольку автохтонные фракийцы изгоняли их и присоединившихся к ним колонистов из Калхедона и Византия с этого места [18, VII, 6; 1, с. 319].

Причиной для основания здесь колонии могли быть рудные залежи меди и железа в окрестностях Бургасского залива. Этим можно объяснить участие переселенцев из Калхедона, знающих с разработкой медных руд и их переработкой. Торговля медью стала, затем, ведущей отраслью в экономике Месембрии.

По поводу основания дорийцами Месембрии Д.И. Смирнов считает, что ее возникновение имело связь с походом Дария. Он предположил, что выведение апойкии к берегам Понтийской Фракии произошло в тот момент, когда в акватории Черного моря находился флот, который должен был обеспечить персидскому войску переправу через Дунай [10]. Поскольку переправу персов через Босфор осуществляли дорийские колонии Византии и Калхедон, то именно на них опирались персы и во время своей скифской компании. Корабли этих городов, должно быть, входили в состав эскадры, идущей к Дунаю [11, с. 28-37]. Под прикрытием этих сил и была возможна высадка колонистов из Мегар и Калхедона на Несебрийском полуострове.

Необходимо заметить, что появление греческих полисов на Черном море стало возможным в результате достигнутого древними греками уровня развития морского дела и мореплавания, что отчетливо проявилось в освоении ими морских путей и побережий Понта Эвксинского в VI—V вв. до н.э.

В 560 до н.э. удобная бухта, находившаяся на морском пути к Синопе и

другим городам Южного Понта, привлекла колонистов-мегарцев, и они поселились в *Гераклее Понтийской*, потеснив уже живших здесь милетцев. Мариандинов, чьи земли простирались к востоку от реки Сангарий, как полагает Л.А. Пальцева со ссылкой на Павсания, колонисты сделали зависимыми [12, V, 26, 6].

Неудивительно, что основатели Гераклеи Понтийской, прекрасные мореходы, открывшие кратчайший путь от южного понтийского побережья к северному и оттуда на западное побережье, пришли к выводу о необходимости создания портов в этих местах. В итоге это и завершилось основанием ими в конце VI в. до н.э. колоний Каллатис и Херсонес, создание которых объяснялось как действия, выполняемые по воле оракула из Дельф. Таким образом, дорийские колонии замкнули т. н. «черноморский треугольник»: Гераклея – Херсонес – Каллатис – Гераклея. Создав ключевые пункты этого треугольника, они повысили эффективность функционирования торговых путей и стали их контролировать. Для гераклейцев открылись широкие перспективы.

Уже в V в. до н.э. Гераклея Понтийская становится процветающим полисом. Находясь на северном берегу Малой Азии, эта дорийская колония за сравнительно короткий период стала одним из важнейших портов Боспорского региона. Однако в археологическом отношении город (совр. Эрегли) до сих пор остается практически неисследованным. Лишь изучение материалов, найденных в гераклейских колониях – Каллатисе и Херсонесе, помогает устанавливать отдельные черты социально-полити-

ческой и экономической жизни метрополии.

С другой стороны, история Гераклеи Понтийской, благодаря факту существования в городе своей исторической традиции, нашла неплохое отражение в литературных источниках того времени. Так, в сочинении “О Геракле” автор Нимфид, живший в конце IV – 1-й пол. III вв. до н.э., описывает историю города с момента его основания и до 246 г. до н.э.

Впоследствии труд Нимфида был использован и другими историками Гераклеи – Домитием Каллистратом и Мемноном. По местной гераклейской традиции, историки Нимфид и Проматид, опираясь, по-видимому, на раннюю гераклейскую хронику, рассматривали Гераклею как смешанную мегарско-беотийскую колонию. На информацию этой хроники опирались также Эфор и Павсаний. Павсаний говорит, что в основании Гераклеи, наряду с выходцами из Мегар, участие принимали и жители Танагры из Беотии [12, V, 26, 6].

Причины выведения мегарцами новой колонии были обусловлены внешнеполитическими обстоятельствами. В результате войны с Афинами Мегары потеряли, в 565 г. до н.э., остров Саламин, а его жители вынуждены были вернуться в метрополию. Озабочившись их судьбой, около 560 г. до н.э. Мегары организуют группу переселенцев для отправки в Понт.

Местом для поселения была избрана бухта в устье реки Ахеронт, защищенная обрывистым мысом, с плодородными землями и пастбищами в округе [8, VI, 2, 1; VI, 4, 6; 15, I, 103; 14, VI, 1, 4; IX, 57, 176; XV, 30, 131; XXI, 13, 74], что позволило колонистам Ге-

раклеи Понтийской быстро наладить продуктивное сельское хозяйство [16].

Псевдо-Скимн считает, что Гераклея Понтийская была основана ко времени завоевания Мидии персидским царем Киросом (560 г. до н.э.). В основанной колонии установился демократический строй, хотя вскоре аристократия захватила власть в полисе в свои руки [3, V, 4, 2].

Гераклея Понтийская начинает соперничать с милетскими городами на Южном побережье Понта и, в первую очередь, с Синопой. Будучи экономически развитым полисом, Синопа начала чеканить свою монету уже в VI в. до н.э. Гераклея Понтийская начинает чеканить свою монету с конца V – начала IV в. до н.э. Это были серебряные драхмы, для которых была использована весовая система Эгины, которую применяли Византий и Синопа.

Хотя мы не располагаем конкретными данными по колонизационной политике Гераклеи Понтийской, но тот факт, что она, уже через небольшой отрезок времени после её основания, выводит две свои колонии – Херсонес и Каллатис, заставляет искать причины и факторы, обусловившие это явление.

Вопросы колонизационной политики Гераклеи Понтийской поднимает в своей статье И.Е. Суриков [19]. Он указывает на то, что колонизационная политика Гераклеи является одной из дискуссионных проблем, которая тесно связана с определением даты основания Херсонеса Таврического. Предложенная в XIX в. Г. Шнейдервиртом дата его основания (422-421 гг. до н.э.), была впоследствии аргументирована А.И. Тюменевым [20].

Исследователь считал, что, принимая во внимание сообщения Псев-

до-Скимна, можно синхронизировать такие исторические события, как очищение Делоса афинским тираном Писистратом и основание Херсонеса. Предложенная Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым датировка – 528 г. до н.э. – время третьей тирании Писистрата в Афинах, ознаменовавшаяся очищением Делоса [4, I. 64; 8, III. 104. 1], продолжавшаяся только один год, с 529/8 по 528/7 г. до н.э. В целом, И.Е. Суриков солидарен с такой датировкой.

Против этой точки зрения выступила исследовательница Н.Б. Чурева. Пытаясь определить характер взаимоотношений Херсонеса с его метрополией, она решает выяснить причину выведения Гераклеей колонии в Таврику, что тесно связывается со временем и обстоятельствами основания Херсонеса. Подвергнув анализу ранние археологические материалы из Херсонеса, она приходит к выводу, что основание Херсонеса могло произойти не ранее начала V в. до н.э. [22]. При этом, она не отрицает того факта, что место, где был основан Херсонес, было заселено еще в VI в. до н.э. В то же самое время исследовательница, не приводя никаких обоснований, мимоходом указывает, что колония *Каллатис* была основана в 520 г. до н.э.

Считается, что *Херсонес Таврический* был основан в 30-х гг. VI в. до н.э., а *Каллатис* – в конце VI в. до н.э. на территории современной Добруджи.

Каллатис упоминается в работах многих античных авторов – Страбона [18, 7, V, 12-7, VI, 1], Овидия, Мемнона Гераклеяского [9] и Плиния Старшего [14, IV, 44]. По свидетельству древних авторов, Каллатис был одной из немногих греческих колоний в регионе,

основанных дорийцами. О том, что обе эти колонии были основаны именно гераклеяцами, упоминает еще Страбон в своей “Географии” [18, XII, 3, 6].

Вначале оба этих города представляли собой небольшие греческие поселения, занимавшие весьма ограниченные территории. Они обладали властью лишь внутри самих городов, окруженных крепостными стенами. Однако, благодаря активному взаимодействию с местным аборигенным населением, налаживались мирные взаимоотношения и выгодный для греков-колонистов товарообмен. Уже через сто лет территории колоний значительно выросли. Так, Херсонес стал занимать почти всю территорию Гераклеяского полуострова, а Каллатис контролировал территорию от озера Текиргёл (Эфория Норд, Румыния) на севере и до мыса Шабла (Болгария) на юге.

Имея общую прародину и метрополию и будучи, по своей сути, частью дорийской общности, население Каллатиса и Херсонеса поддерживали постоянные торгово-экономические и культурные связи между собой, не порывая при этом своих отношений и с Гераклеей Понтийской. Торговля между этими родственными полисами развивалась весьма эффективно. Мы считаем справедливой идею современных исследователей, которые выделяют особый торговый “Черноморский треугольник” – Гераклея – Херсонес – Каллатис [1, с. 15].

Этот факт лишь подтверждает гипотезу о том, что Каллатис в тот период уже существовал и что для быстро развивавшегося Херсонеса, как и для своей метрополии Гераклеи, он был полноценным и равноправным торго-

вым партнером. Любопытно отметить, что известный исследователь археолог М.В. Агбунов высказывает предположение не только о существовании “Черноморского треугольника”, но и о возможности существования прямого морского пути между этими колониями, при этом ссылаясь на ряд географических особенностей строения каллатийской гавани [1, с. 15]. Он также подчеркивает исключительно выгодное географическое положение обоих городов и масштабность их торговых связей.

Пик развития этих городов пришелся на IV в. до н.э. В Херсонесе и в Каллатисе в этот период чеканится собственная серебряная монета. Монеты из Каллатиса получали распространение на территории Добруджи и нынешней Молдовы [21, с. 174-175].

В эллинистический период своего развития Каллатис становится полисом, в котором получают развитие культура и науки. В качестве примера приводят сведения о гражданине Каллатиса, историке и географе – Деметрии Каллатийском, знаменитом среди современников своим историческим трудом “История Азии и Европы” в 20 томах [17, 1, III, 20]. Кроме того, источники говорят и о других выдающихся личностях, среди которых грамматик Гераклеид, долгое время живший при египетском дворе в качестве историка, а также Аполлоний, проводивший реформу гимназии [14, с. 22]. Диоген Лаэртский упоминает “весьма вычурного” ритора Фалеса [6, с. 90]

Что касается культурного развития Херсонеса, то известно, что в III в. до н.э. в городе проживал историк Сириск, оставивший записки об истории города [17, с. 14]. Следует сказать, что

для изучения истории Херсонеса монеты являются важным источником. Монетной системе Херсонеса посвятил свою работу Владлен Анохин [2]

Таким образом, мы видим, что в истории двух дорийских колоний на берегу Эвксинского Понта – Каллатиса и Херсонеса – есть немало общего. Проанализировав определенные периоды древней истории этих городов, убеждаешься в том, что в культурном и экономическом развитии Каллатиса и Херсонеса Таврического имеются сходные черты, в том, как похожи у них исторические пути.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М, 1987. 160 с.
2. Анохин В.А., Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.— XII в. н. э.). Киев: Наукова думка. 1977. 206 с.
3. Аристотель. Политика. М., 2006. 393 с.
4. Геродот. История. М., 2006. 696 с.
5. Гомер. Илиада. М., 1949. 551 с.
6. Диоген Лаэртский О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 570 с.
7. Дион Кассий. Римская история. XXXV. [Электронный ресурс]. URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio/38*.html (дата обращения: 5.05.2015).
8. Ксенофонт. Анабасис. М., 2003. 642 с.
9. Мемнон Гераклеяский. О Гераклее. XXI, 1. ВДИ. 1951. №1.
10. Никулице И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н. э. Кишинев: Штиинца, 1987. 270 с.
11. Огненова-Маринова Л. Някои проучивания на културата и изкуство в Тракия през втората половина на I хил. пр. н.е. // Археология. 1974. № 4. С. 28-37.
12. Павсаний. Описание Эллады. М., 2002. 990 с.
13. Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские ко-

- лонии. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб. 2000.
14. Плиний Старший Естественная история. М., 2008. 755 с.
15. Помпоний Мела. О положении Земли. [Электронный ресурс]. URL: http://annales.info/ant_lit/mela/01.htm#086 (дата обращения: 5.05.2015).
16. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., Наука, 1986. 248 с.
17. Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь: Таврия, 1990. 112 с.
18. Страбон. География М., 1964. 957 с.
19. Суриков И.Е. Черноморское эхо катострофы в Сардах. (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович. М. : Наука, 2006. С. 47-72.
20. Тюменев А.И. Херсонесские этюды. I: К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ. 1938. № 2. С. 245-264.
21. Федоров Г.Б., Полевой Г.Г. Археология Румынии. 1973 412 с.
22. Чурекова Н. Б. Гераклея и Херсонес: к проблеме взаимоотношений. // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 332-341.

УДК 904, 94, 293.11

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-47-52

Сеничев В.*Московский государственный областной университет*

ПОЕДИНОК КАК РИТУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ НА ПРИМЕРЕ САГИ О КОРМАКЕ

Аннотация. Статья рассматривает поединок в германской культуре раннего Средневековья как частный случай военных действий. Ритуальные особенности проведения судебной дуэли позволяют взглянуть на отношение личности к военному конфликту, особые ритуалы и правила, связанные с подготовкой и проведением боя. Статья основывается на материале саги о Кормаке в сравнении с дошедшими описаниями судебных поединков в правовых документах.

Ключевые слова: раннее Средневековье, древние германцы, оружие, саги, Исландия.

V. Senichev*Moscow State Regional University*

HOLMGANG AS SACRED RITUAL IN KORMAK'S SAGA

Abstract. Article is considering holmgang in germanic culture of early Middle Ages as case of private war. Ritual features of trial combat demonstrates personal attitude to war and conflict, specific rules and regulations considering preparation and actual combat. Article is based on Kormak's Saga in comparison to legal documents considering trial by combat.

Key words: early Middle Ages, Germanic tribes, weapon, saga, Iceland

Поединок в культуре раннего Средневековья следует рассматривать как частный случай военных действий, индивидуальную войну, войну в миниатюре. На примере поединка можно наблюдать процессы, порой незаметные на более крупном уровне, в походах или столкновениях феодальных армий. Именно индивидуальная война позволяет взглянуть на отношение личности к военному конфликту, особые ритуалы и правила, связанные с подготовкой и проведением боя, с реакцией на его последствия. Рассмотрение устойчивых форм «малой войны» может раскрыть более архаичные её

черты, утраченные в процессе активного развития военных технологий в Античности и раннем Средневековье. Формальность и ритуализированность подобных поединков рассматривается как сохранившийся элемент архаического восприятия воинского ремесла в индоевропейских обществах.

В Хеднелаген (Hednalagen), так называемом «Языческом Праве», записанном в Швеции в XIII в., поединок, или дуэль, также обозначаемый термином *hólmgang*, являлся одним из способов определения правоты одной из сторон в споре или на суде, либо способом защиты чести. Он описан следующим образом:

«Для вызова на бой истец должен сказать: “Ты не ровня мне, и не мужчина в своём сердце”, на что получает ответ: “Я настолько же человек, насколько и ты”. Затем они должны встретиться на перекрёстке трёх дорог. Если обвинитель придёт, а обвиняемый не явится, то этим он подтвердит обвинения и потеряет право клясться на суде или быть свидетелем в защиту мужчины или женщины. Если придёт тот, кто был обвинён, а обвинитель не явится, то он должен трижды назвать обвинителя нидингом (потерявшим честь) и пометить это на земле. Пусть тот, кто говорит вещи, которые не может выполнить, будет известен как недостойный муж. Если же оба явятся в полном вооружении и падет тот, кому нанесли оскорбление, то вира за него будет вполтину меньше обычной. Если падёт тот, кто нанёс оскорбление, то следует оставить его на том поле и не платить за него виру» [2; р. 379].

В обществе древних германцев подобные поединки имели широкое распространение, и материал саг показывает, что подобный способ разрешения конфликтов имел под собой и религиозную основу. Воинская культура раннего средневековья была пропитана религиозно-магическим символизмом и часто война или любое её проявление воспринимались в том числе как ритуальный акт. Оружие и снаряжение воина, его поведение, даже то, с какой ноги он ступает на поле боя – всё это являлось важными факторами в индивидуальном сознании древнего германца. Часто война велась не ради победы, а ради индивидуальной или групповой славы и чести. В таком случае формальное выполнение правил или обетов, данных воином,

придавали его действиям больше внутреннего смысла. Так, традиция хольманга, существовавшая в Скандинавии, в раннем Средневековье является ярким примером такого восприятия и формализации агрессии. Важно отметить, что в исландских сагах эпизоды бесконтрольного насилия встречаются нечасто, и большинство конфликтов решалось на тингах или в личных поединках, что, возможно, помогало избежать большого кровопролития. Даже когда герои саг прибегают к сбору дружины, обычно сражения заканчиваются ранениями и редкими смертями, а чаще и не начинаются совсем, так как собранные сторонники той или иной фракции просто являются залогом её правоты на тинге, символизируя своим присутствием согласие с позицией собравшего их человека.

Важным источником, повествующим об особенностях проведения судебных дуэлей, являются исландские родовые саги. Сага о Кормаке – часть большого пласта исландских саг, записанных ок. XIV в. Сага существует в записи в манускрипте *Möðruvallabók* (AM 132 fol). Она описывает архаичный ритуал дуэли, где место боя является священным пространством, а поведение противников регламентируется особыми правилами, не разрешающими выходить из священного пространства. Описания хольмангангов примечательны ещё и тем, что такие поединки были запрещены в Исландии в 1004 г., однако автор, записавший сагу в XIV в., описал происходящее достаточно детально и был знаком со всеми ритуальными процедурами, что может говорить о качественной передаче устной традиции, как и в случае со Старшей Эддой, записанной в

то же время, а также о сохранении памяти о старой религии и её ритуалах даже в христианскую эпоху, что вполне возможно для отдалённых регионов Европы. Скандинавский полуостров и Исландия, как изолированные территории, имели большой шанс сохранить и передать не только биографии своих предков и память о старой религии, но и стать пространством, где старые индоевропейские воинские традиции могли бы продолжить своё существование и развитие долгое время после того, как континентальные германцы приняли христианство и активно начали перенимать южноевропейскую культуру.

Стоит отметить, что убийство на хольмганге случалось нечасто и являлось скорее исключением, так как главным условием победы и доказательством правоты одной из сторон в споре являлась пролитая на поле кровь, что далеко не всегда означало смертельное ранение.

Само название *hólmgang* происходит от слова *hólm*, что значит «остров». Площадкой для него мог служить как маленький остров, на котором могут встать только двое поединщиков, так и огороженное пространство. Для соблюдения ритуальной чистоты поле поединка огораживалось и выделялось как пространство, где действуют божественные законы, в которые людям не стоило вмешиваться. Поле, описанное в «Саге о Кормаке», представляет собой разложенную шкуру в 5 локтей длиной с узелками на концах, в которые продеты колышки. По краям её располагаются шести из орешника, и само поле от этого называется ореховым полем. Также вокруг него делались три ряда черт, каждая на расстоянии фута

друг от друга. Были описаны правила, по которым боец, вышедший обеими ногами за черту, считался бежавшим с поля. В таком случае он должен был заплатить три марки серебром и быть отпущен. Каждому бойцу давалось три щита, и с этим они выходили на поле для боя [3.1]. Победу же в таком поединке приносила кровь, пролитая на шкуру. Можно сравнить это описание с «Сагой об Эгиле»: «Местом суда было ровное поле, окружённое вехами из орешника. Между вехами была протянута верёвка. Она называлась границей суда» [6]. Перед боем соперники проделывали особый ритуал, именуемый Тьолснурблот: «Каждый выходящий на поле должен был встать возле колышков так, чтобы видеть небо у себя между ног, взять себя за уши и произнести Тьолснурблот (жертвоприношение Тьоснур)» [4]. В саге о Кормаке один из поединков окончился тем, что отрубленный конец меча ударил по руке героя и порезал его палец, на чём бой был остановлен и было сказано, что правосудие свершилось. В такой ситуации наблюдается формальный, и в то же время, вполне соответствующий ритуалу подход — любая рана была показателем правоты или неправоты. Подобные дуэли встречаются в сагах часто, и далеко не всегда они проводятся так формально, однако правило о том, что бой проходит на особой огороженной площадке, соблюдается повсеместно. В саге об Эгиле площадка была размечена кругом из камней, также намекая на то, что выход за этот круг означал просьбу о пощаде — в ходе поединка противник Эгиля, Льот, вышел за камни и попросил передышки. Вмешиваться в ход сражения могли только щитонос-

цы бойцов — люди, которые держали запасные щиты на случай поломки. Они могли только закрыть упавшего, не давая его добывать. Случаев, когда кто-либо врывается на поле и пытался мешать поединку, в саге не описано.

В саге о Кормаке упоминаются судебные поединки, и в одном из них оба противника имеют волшебные мечи. Меч Кормака, Скофнунг (Sköfnungs) достаётся ему от родича и требует особого ритуала обращения с ним перед поединком. Так он описан в саге:

«...На нём надета мошна, не снимай её и не давай солнцу освещать навершие меча до того, как ты ступишь на поле боя. А когда ступишь на него, сперва сядь в одиночестве, а только потом вынь его из ножен. Разверни лезвие на себя и подуй на него. Из рукояти появится небольшая змейка. Наклони меч и дай ей забраться обратно в рукоять.

– Это настоящее колдовство, – ответил Кормак.

– И только так, – сказал на это Скегги, – меч сослужит тебе хорошую службу»[4].

Меч, доставшийся герою саги, казалось бы, требует сложного ритуала и обладает странными свойствами, однако мы можем интерпретировать их так: во влажном климате любой железный предмет подвергается опасности быстро заржаветь и потерять свои качества, для этого меч не просто постоянно носят в ножнах, но и закрывают навершие чехлом, создавая нужный микроклимат. Вероятнее всего, предостережение о том, чтобы не давать солнцу светить на меч, связано с тем, чтобы его не вынимали из ножен слишком часто и не давали подвергаться погодным воздействиям.

Змейка, живущая в рукояти, вероятнее всего, является аллегорией воздушно-го конденсата, который должен осесть на клинок в правильной форме и показать, что внешние условия вполне пригодны для использования меча. Однако Кормак поступает с оружием не так, как завещает его родственник. Вместо бережного отношения он сразу же пытается вынуть его из ножен, отчего те начинают трещать и ломаться. Перед самым поединком меч отказывается выходить из ножен и его приходится вынимать, уперев ногу в перекрестье. Подобное обращение с мечом в саге было названо недостойным и признано за недобрый знак. Именно его герой называет причиной своего последующего поражения, хотя и регулярно заявляет, что не верит ни в колдовство, ни в магию.

Традиция судебного поединка продолжала существовать у континентальных германцев и после того, как хольмганг был запрещён в Исландии и Норвегии. В своде законов «Саксонское Зерцало» (Sachsenspiegel), составленном в 1221—1225 гг., судебный поединок является одним из предпочтительных способов доказательства вины и невиновности. Формализация правил судебной дуэли, записанная в «Саксонском Зерцале», отсылает к древним германским обычаям:

«§ 4. Судья должен дать двух посланцев каждому из тех, которые должны сражаться, и они должны следить за тем, чтобы те были вооружены по правильному обычаю. Кожаной и полотняной одежды они могут надеть столько, сколько они хотят. Голова и ноги спереди должны быть обнажены, а на руках они могут иметь лишь тонкие перчатки; обнажённый меч в

руках и один подпоясанный или два — это предоставляется их свободному выбору; круглый щит в другой руке, на котором допускается только дерево и кожа, кроме оковки, которая может быть из железа; кафтан без рукавов поверх нижней одежды. Мир должен быть обеспечен на поле под страхом смертной казни, чтобы никто не мешал их поединку. Каждому из них судья должен дать человека, который имеет палку [жезл]. Они ни в коем случае не должны мешать, кроме как если один из них упадёт, тогда он должен простереть между ними [сражающимися] палку; то же [должны сделать], если один из них будет ранен или будет просить о палке, — этого он не может сделать, если он не имеет разрешения от судьи. После того как на поле установлен мир, они должны по праву испросить поле, которое судья им должен предоставить. Они должны снять с ножен наконечники, ибо они имеют разрешение от судьи. Оба они должны вооруженными предстать перед судьёю и присягнуть; один — что обвинение, которое он предъявил ответчику, правильное, и другой — что он невиновен, что бог им поможет в их поединке. Когда они впервые сходятся, к солнцу они должны быть поставлены в равном положении. Если будет побеждён тот, против кого жалуются, то его будут судить, если же он победит, то его освобождают от штрафа и возмещения.

§ 5. Обвинитель должен первым выйти на поле. Если другой слишком долго медлит, то судья должен потребовать его через судебного исполнителя в том доме, где он вооружается, и должен послать с ним двух шеффенов. Точно так же его нужно вызывать

во второй и в третий раз. Если он не явится после третьего вызова, то обвинитель должен встать и просить о поединке и сделать два взмаха [мечом] и один толчок по воздуху. Этим он победил его в споре по обвинению, против него выдвинутому, и судья должен его [обвиняемого] судить так, как если бы он был побеждён в поединке» [7].

Интересным изменениям подвергся обычай судебных поединков в эпоху составления свода лангобардских законов. Обычай судебных поединков уже заменяется римско-христианской практикой третьей степени суда, тем не менее, использование поединка не могло быть упразднено насильственным путём. Нужно было, чтобы этот обычай отмер сам по себе. Отменить же его постановлением верховной власти не представлялось возможным хотя бы потому, что идея немедленного и имманентного божьего суда, делавшего более сильным того, на чьей стороне истина, исключала саму возможность торжества несправедливости. Идея того, что оружие в бою подведёт неправого человека, нарушившего закон, конечно же, восходит к языческим временам, когда в оружии видели живое существо, способное определять правоту поступков. Традиция судебных поединков была распространена у германоязычных народов вплоть до конца Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байок Д. Л. Исландия эпохи викингов. М.: Астрель: Corpus, 2012. 912 с.
2. FOOTE P.G., WILSON D.M. The Viking Achievement: A Survey of the Society and Culture of Early Medieval Scandinavia. New York: St. Martin's Press, 1989. 455 p.
3. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 365 с.

4. The Saga of Cormac the Skalol [Electronic resource]. Chapter 10 – The Fight On Leidarholm // Icelanolic Saga Database. 2015. – URL : http://www.sagadb.org/kormaks_saga (Дата обращения: 17.06.2015).
5. The Saga of Cormac the Skalol [Electronic resource]. Chapter 9 – Of Another Witch And Two Sords (Дата обращения: 17.06.2015).
6. Сага об Эгиле [Электронный ресурс]. Гл. 56. // *Norraen dýrð* : Сканд. инф. центр. 2015. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/egil/ru.html#LXXX> (Дата обращения: 17.06.2015).
7. Саксонское Зеркало [Электронный ресурс]. Ч. 1: Земское право. Кн.1. Ст. 63 / Пер. Л.И. Дембо // *Восточная литература: Средневеков. истор. источники Востока и Запада*. 2003. URL : <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frametext1.htm> (Дата обращения: 17.06.2015).

УДК 9 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-53-59

Туганова К.А.*Московский государственный областной университет***ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В БРАКЕ В АНГЛИИ XVIII в.**

Аннотация. В статье рассмотрены исторические проблемы положения женщины в браке. Приведены особенности вступления в брак, взаимоотношения супругов, обязанностей жены по дому, положения мужчины в семье, а также отношения женщин к институту брака и семьи. Брак в Британии XVIII в. оставался самым главным институтом, т. к. семья являлась основой жизни всего общества. Показано, что при свободных нравах 18 века у женщины было явно подчиненное положение в семье. В результате анализа источников автор показывает, что отношение женщин к своему положению в семье было чаще всего отрицательное.

Ключевые слова: брак, эпоха просвещения, XVIII в., Англия, дворянство.

K. Tuganova*Moscow State Regional University***MARRIAGE STATUS OF ENGLISH WOMEN IN THE XVIIIth CENTURY**

Abstract: This article discusses historical problems of the marriage status of women. The specifics of getting married are given, as well as husband and wife's relationship, a wife's family responsibilities, a husband's position in the family, and women's attitude to the institution of marriage and family. Marriage in the XVIIIth century Britain considered to be the most important institution, as family was the basis of the whole society. It is shown that no matter to what extent the XVIIIth century morals were loose, a woman had a subordinate position in the family. Having analysed the sources, the author shows that women more often negatively accepted their position in the family.

Key words: marriage, the Age of Enlightenment, XVIIIth century, England, nobility.

В XVIII в. женщина в семье имела много обязанностей и практически никаких прав. В обязанности дворянок входило: присмотр за домом, поддержание престижа семьи, воспитание детей. Женщина не была самостоятельной единицей, она полностью зависела от своего мужа, но все же были жены, которые были не собственностью своих мужей. В браке закон полностью состоял на защите супруга. Часто во

многих спорных делах суд был на стороне мужчин.

Для дворянок брак был порой спасением от полунищего существования, когда им приходилось находиться на попечение своих братьев, дядь или опекунов. Поэтому некоторые леди выходили замуж без благословения своих родителей, несмотря на то, что женщину лишали возможности заключать брачный договор с супругом без участия родителей или опекунов.

Брак в XVIII в. у аристократии представляет собой систему особых отношений, который отличался от других европейских моделей. Прежде всего, нас интересует роль и значение женщины в семье. Представители незнатного и неродовитого дворянства путем брачных союзов или через получение наследства, или благодаря заслугам могли пробиться в аристократическую среду. В то же время дочери и младшие сыновья знатных семейств, которые не имели возможности претендовать на титул и поместье, могли оказаться на более низкой ступени социальной лестницы.

Между помолвкой и венчанием чаще всего проходил период от двух недель до шести месяцев [15, с. 339]. Нередко помолвка и венчание были заключены в самые короткие периоды, а многие влюбленные, не дожидаясь лицензии, выдаваемой на брак церковью, бежали в шотландскую деревушку Грета-Грин, где браки заключались без согласия родителей и лицензий [15, с. 340]. Но такое положение было не всегда. Отметим, что в XVIII в. браки устраивались, как правило, при посредничестве родных, знакомых и друзей, пределы допустимого влияния родственников не всегда были ясны, но, исходя из личной переписки, дневников и журналов, влияние присутствовало. До принятия акта лорда Хардвика в 1753 г. существование не согласованного друг с другом церковного и светского законодательства запутывало молодых людей, создавая возможности для многоженства, тайных свадеб и вовлечения в брак обманом, одновременно затрудняя доказательство состояния в супружестве в силу отсутствия контроля над сохра-

нением соответствующих документов и наследственных актов. Поэтому положение осложнялось трудностью получения развода.

Согласно акту лорда Хардвика, свадебная церемония для представителей всех конфессий (за исключением квакеров и тех, кто исповедовал иудейскую религию) должна была проходить в англиканской церкви, где за несколько недель до того вывешивались объявления о предстоящем событии. Альтернативой вывешиванию объявлений была покупка лицензий на брак у архиепископа Кентерберийского, которые позволяли миновать многие правила согласно акту лорда Хардвика. Однако это требовало значительных затрат. После свадьбы молодые супруги получали соответствующее свидетельство о браке, сведения о заключении союза заносились в специальные книги.

Свадьба в конце XVII в. не являлась грандиозным событием, все происходило наполовину в таинственной обстановке, порой – без священника, пара давала клятвы, и после этого они считали себя мужем и женой. Церковь же запрещала вступать в брак людям моложе 20 лет, но на деле практика и этот закон постоянно нарушались. К примеру, в 1678 г. Сара Дженкинс и Джон Черчилль сочетались браком в гостинице герцогини Йоркской [14, с. 44]. Такое было вполне не редкостью. В 1712 г. по специальной лицензии обвенчались Эдвард Уортли Монтегю и леди Мэри Пиерронт, этот брак тоже являлся тайным и без согласия родителей [9, с. 119-120]. После принятия акта Хардвика церемонии все также проходили в домашней интимной обстановке, где присутствовали самые близкие родственники, родители, а

невеста шила простое платье любого цвета, которое она могла носить в обычной жизни позже.

Именно в XVIII в. в английском языке и у аристократии появляется понятие «медовый месяц» [15, с. 334]. Из писем начала XVIII в. можно сделать вывод, что под медовым месяцем, а вернее – днем, принималась первая брачная ночь и утро после нее, и только к концу столетия возникает практика путешествий. Но под медовым месяцем понимались и длительные визиты к родственникам, и уютная жизнь в своем поместье, пока любовь и страсти не успели утихнуть [15, с. 334]. Элизабет Робинсон вышла замуж за Эдварда Монтегю в 1742 г. и сразу же после свадьбы они отправились к ее сестре Саре [15, с. 336].

После заключения помолвки, а в протестантской Англии это уже считалось заключением брака – лишь венчание окончательно закрепляло союз, пара вступала в интимные отношения, что считалось вполне допустимым, несмотря на то, что помолвки иногда разрывались. Об этом свидетельствует рождение детей после пяти-шести месяцев после венчания.

Показываемый в романах образ жизни и поведения отразился на восприятии себя женами высшего класса общества. Сняв с себя ключевые обязанности супруги, женщины постепенно превращались в леди, ведущих безмятежную жизнь, полную удовольствий [16, с. 24]. Разрушение поддержки извне повлекло за собой уменьшение контактов и эмоциональных связей с внешними представителями обоих супругов [1, с. 74].

Несмотря на официальные договоренности и моду на ранний брак,

удачное замужество зависело от послушания женщины, что явилось причиной недовольства и разочарования женщин в XVIII в. Нововведением, на наш взгляд, является то, что зарождается новый тип независимых женщин, осознавших, что финансовое доминирование мужей даёт им также и возможность распоряжаться личностями своих жен. Этому нововведению способствовали труды ранних феминисток. Существовал большой процент незамужних женщин, которые по тем или иным причинам не вышли замуж, которые и составили новый тип независимых женщин. Во второй половине XVIII в. большинство представителей обоих полов комфортнее ощущали себя в компании собственного пола [2, с. 74].

Супруги подписывали брачный договор, который, прежде всего, фиксировал денежные и имущественные отношения. До замужества девушка находилась под опекой родителей, опекунов, братьев; становясь супругой, муж брал под свою опеку девушку и ее состояние. Также в договоре была прописана сумма, например, присуждающаяся после рождения каждого сына [2, с. 101]. Также следует выделить еще одно понятие – «pin-money», т.е. «карманные деньги» или «деньги на булавки», что тоже прописывалось в договоре, как сумма, которую муж будет выдавать супруге на личные расходы в год. Суммы были самыми различными: £ 50, £ 300 или даже £ 1000, сумма могла доходить и до £ 5000 в год [2, с. 103].

Женщины, дети, слуги находились в подчиненном положении, поскольку мужчина был главой семьи. Муж должен был отвечать за все, что про-

исходит в доме, если кто-то совершал преступление, то только в его праве было вызвать служителей порядка. Жены, слуги, дети не имели права выступать в суде, особенно против главы семьи, лишь только в исключительных случаях. Мужчины имели множество преимуществ: начиная от романов на стороне, заканчивая распоряжением деньгами. Жена, конечно, занимала в семье второе место. Она имела доступ к деньгам мужа, и не было ничего хуже для мужчины, чем расточительная жена.

В отсутствие мужа дворянка становилась полноправной хозяйкой поместья. Первая герцогиня Мальборо после двух инсультов мужа взяла на себе обязанности управления поместьем «Блейхем». В течение одиннадцати лет Сара Черчилль занималась обустройством своего владения, после смерти мужа и до самой своей смерти продолжала заниматься поместьем, несмотря на то, что титул перешел ее внуку [14, с. 121].

Женщина вела хозяйство в доме, будь то загородный дом или лондонский особняк. Она назначала прислугу (правда, с одобрения мужа), отдавала указания об обедах и ужинах, следила за порядком в доме. Верхом идеала считалась жена, что вела экономно хозяйство, но при этом дороговизна дома и безупречный внешний вид супруги бросались в глаза [15, с. 397].

Хорошая хозяйка должна была заниматься не только обустройством дома, организацией вечеров, но и знать рецепты блюд и некоторых лекарств. Существовало очень много подобной литературы, которая должна была быть у многих дворянок. Такой вывод мы можем сделать исходя из пе-

реписок между дворянками [5]. Также хозяйка дома должна была оказывать минимальную медицинскую помощь своим домашним, потому что это было одним из проявлений добродетели. Шитье и вышивка тоже входили в умения дворянки. Шитье называли «*lady-work*», что дословно можно перевести, как работа для леди. Шить в Англии умела практически любая женщина, но только изысканная работа была присуща дворянкам, потому что шелковые нити и тонкий хлопок были доступны только высшему классу.

Многие исследователи, такие, как Линда Колли, отмечают, что существовала теория разделения сфер – женщина была «хозяйкой своего королевства» [4, с. 268]. Данная теория предполагала, что женщина должна была создавать правильную атмосферу в доме, чтобы мужу было легче бороться за процветание семьи во внешнем мире, находя в доме тихое пристанище. Другая исследовательница, Аманда Викери говорит, что данная теория не может применяться ко второй половине XVIII в. [18, с. 7]. Она пишет о том, что дом высшего класса Британии очень часто становился местом приемов, поэтому женщина занималась не только домом, но и поддержанием престижа семьи в обществе. Об этом может свидетельствовать, что во второй половине века женщины постоянно занимались организацией приемов, очень часто путешествовали, где тоже были вовлечены в общественную жизнь.

Любви в браке никто ни от кого не требовал, но дружеские отношения между супругами должны были быть. Еще в XVII в. супруги в письмах обращались друг другу «сэр» и «мадам», а в начале XVIII в. нередко в письмах

супругов, особенно в благополучных браках, можно было заметить уже другое обращение, мужчины обращались к своим женам «Дорогой человек» или «Мой любимый человек», а позже и «Моя дорогая», позднее появляются ласковые сокращения имен. Подписывали «Твоя», «Многоуважаемая» и т. д. На публике и при прислуге муж и жена обращались друг к другу на «вы», и употребляли широко распространенное «милорд» и «миледи», а также принятые обращения положенные титулу и рангу занимаемую в обществе. В интимной обстановке супруги обращались друг другу на «ты».

Муж и жена жили в отдельных спальнях. Комната аристократки делилась на две части: будуар, где располагалась кровать и диваны, где дама могла принимать своих гостей, вторая же часть представляла собой гардеробную комнату. Муж мог приходить на ночь в комнату жены, когда пожелает, исполнение супружеского долга входило в обязательство супругов друг пред другом. Редко женщина имела свой кабинет, консоль стояла рядом с кроватью, почти в том же месте, что и трюмо. Рядом с комнатой жены находились детские комнаты.

Те женщины, что жили в счастливых браках, редко отзывались о нем плохо. В начале XVIII столетия леди Мэри Монтегю признавала, что брак «приятен лишь вначале, со временем же он теряет свою привлекательность», она уверяла в том, что брак не выдерживает «реальностей будней» так же, как пренебрежения, неуважения, лицемерия, адюльтера, раздражительности, сварливости, развязности и неодобрения со стороны супруга [13, с. 230]. «Брак это самое худшее, что мог-

ли придумать для женщины», – писала леди Мери Кокс [11, с. 321]. С ней соглашалась леди Луиза Стюарт, называя «брак – тюрьмой и кладбищем для женщины» [10, с. 201].

По мнению другой светской леди – Сары Леннокс, брак был нужен для того, чтобы женщина выглядела солидной в глазах общества: «В обществе считается неприличным оставаться незамужней, тогда как брак приносит уважение женщине, такой женщине легко заводить романы, проматывать состояние, и лишь изредка видеть и слушать осуждение общества» [17, с. 4]. Похожее мнение можно увидеть у леди Дианы Беакларк, в одном письме к своей дочери она советует «быть доброй, сердечной женой» [7, с. 226].

Неудачные браки всегда отражались на мнении леди, в своем романе «Сульфиды» Джорджина Кавендиш, герцогиня Девонширская, отзывалась о браке, как «удачном предприятии», которое дает великолепные возможности, но не любовь [3]. С этим же мнением соглашалась подруга Джорджины? леди Элизабет Мельбурн, считавшая, что «от брака нужно получить все блага» [8, с. 73]. Несмотря на свой неудачный первый брак, баронесса Голланд обрела свое счастье во втором браке: «Если между супругами нет дружбы, то брак становится адом для них двоих. Хорошие дружеские отношения – необходимость в браке» [6, с. 177].

Несмотря на обеспеченное положение жены, леди понимали, что их положение в браке отнюдь не равное, единственное, что ей оставалось – получить развод. Закон никак не защищал женщину, она могла стать свободной лишь при некоторых условиях, например, если муж ее бил, что угрожало здоро-

вью, либо если муж лишал ее чего-то главного – крова, одеяний, свободы. Даже уход к другому избраннику не всегда способствовал желаемому, это привело к появлению типа женщин, которые предпочли вообще не выходить замуж. Леди Луиза Стюарт, обжегшись в любви, предпочла вообще никогда не выходить замуж [11, с. X].

Такой выбор дамы можно обусловить стремлением к свободе, брак предполагал зависимость, а возникновение любовных отношений без брака считалось у женщин проявлением ее свободы. Но можно увидеть еще одно стремление женщины к свободе – это развод. Такая процедура была дорога даже для имущих классов, поскольку нужно было нанимать адвокатов, давать взятки [2, с. 162]. Но все мужчины были в состоянии обеспечить свободу женщине, чтобы она могла вести жизнь по своему разумению, или выйти замуж за другого. Муж был обязан отдать женщине ее приданое, которое чаще всего было уже потрачено, также он был обязан выплачивать ей годовое пособие, если она не находила нового покровителя [1, с. 168]. Дети же в случае развода оставались чаще с отцом, особенно старшие сыновья, мать могла навещать детей, даже в случае смерти бывшего мужа она не могла получить опеку над детьми. «Сейчас я свободна, в отличие от многих женщин Англии, я дорого заплатила за эту свободу, но только так я освободилась от мужского эгоизма» [13, с. 399], – писала леди Мэри Монтегю. В 1739 г. она развелась со своим мужем, устав от измен мужа, и поняв, что ее брак тяготит. Условия ее развода для Мэри были болезненными, она должна была уехать из страны и не иметь возможность видаться со

своими детьми. Она уехала за границу, второй раз уже без мужа, совершив вояж по Европе, и вернулась благодаря просьбе дочери? герцогини Бьют и ее мужа, премьер-министра Англии. Через год после своего возвращения, в 1762 г. леди Мэри умерла.

Для леди появление любовника в их жизни означало не следование морали или приобретение наслаждений, а возможность изменить свое положение – избавиться от мужа-тирана, мужа-ревнивца, получить свободу выбора в любви, и еще найти нового мужа, с которым можно обрести свое счастье. Тем и отличается развод в Англии от развода в Европе, что эта процедура намного проще, а женщина не теряет свое положение в обществе, поскольку спустя некоторое время скандал забывался, и леди возвращалась в общество, например уже в новом статусе – жены [12, с. 198].

Брак в Британии XVIII в. остается самым главным институтом, так как семья является основой жизни всего общества. Брак стал неотъемлемой частью жизни аристократки, несмотря на отказ некоторых особ от замужества, для них брак олицетворял все не свободы. Многие женщины признавали свое неравное положение в браке, только мужчина имеет полные права, а у – жены подчиненное положение. Безусловно, мнения леди о браке основывались не только на своем личном опыте, но и на морали XVIII в., которая шла вразрез с идеями о романтической любви, которые прививали девушке. Итак, вступая в брак, юная леди приобретала положение в обществе, состояние, защиту и солидность. Такое положение женщины в браке привело к целому ряду романов и памфлетов о

женской гордости и самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bailey J. *Unquiet lives: marriage and marriage breakdown 1660-1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 262 p.
2. Cannon J. *Aristocratic century: The peerage of eighteenth-century England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 204 p.
3. Cavendish G. *The Sylph* [V. 1-2]. L.: Girlebooks Presents, 2001 [Kindle Edition]. 189 p.
4. Colley L. *Britons: Forging the Nation 1707-1837*. L.: Yale University Press, 1998. 469 p.
5. de Goncourt E., de Goncourt J. *The Woman of the Eighteenth Century: Her Life, from Birth to Death, Her Love and Her Philosophy in the Worlds of Salon, Shop and Street* [Volume 18 (Routledge Library Editions: Women's History)]. L.& N-Y: Taylor and Francis, 2013 [Kindle Edition]. 345 p.
6. Earle of Ilchester. *Journal of Lady Elizabeth Holland (1791-1799)* [Vol. 1]. L.: Longmans, Green, 1908. 320 p.
7. Ericson L.A. *Women and property in England, 1550-1750*. L. & N-Y.: Taylor & Francis e-Library, 2003. 357 p.
8. Gross D.J. *Life and Letters of Lady Melbourne*. College Station, TX: Texas A&M University Press, 1998. 456 p.
9. Grundy I. *Lady Mary Montagu: comet of enlightenment*. Oxford: Oxford university press, 2001. 714 p.
10. Home A.J. *Lady Louisa Stuart: Selections from her manuscripts*. N-Y& L.: Hakper & Brothers Publishers, 1899. 322 p.
11. Home A.J. *The Letters and Journals of Lady Mary Coke*. Bath: Kingsmead Bookshops, 1897. 601 p.
12. Kinservik M.J. *Sex, Scandal, and Celebrity in Late Eighteenth-Century England*. N-Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 272 p.
13. Lord Wharnccliffe. *The letters and work of lady Montagu* [Vol. 2]. L.: Henry G. Bohn, 1896. 572 p.
14. Spenser-Colville O. *Duchess Sarah*. L.: Longmans, Green, 1901. 589 p.
15. Stone L. *The Family, sex and marriage in England 1500-1800*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1977. 800 p.
16. Tadmor N. *Family and Friends in Eighteenth-Century England: Household, Kinship and Patronage*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 324 p.
17. *The Countess of Ilchester and Lord Stovordale: The life and letters of Lady Sarah Lennox* [Vol. 2]. L.: Murray 1901. 467 p.
18. Vickery A. *The gentleman's daughter: women live in Georgian England*. – New Haven & L.: Yale University Press, 1998. 436 p.

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-60-68

Рябота М.А.*Московский городской педагогический университет***ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
В 90-Х гг. XIX ВЕКА. АНГЛО-РУССКОЕ СБЛИЖЕНИЕ**

Аннотация. В статье проводится анализ состояния международного положения, кризисов на Ближнем Востоке в конце XIX в. и англо-русского сближения. В статье подробно анализируются направления и особенности взаимоотношений ведущих европейских держав по решению «восточного» вопроса, пристальное внимание автор уделяет различным аспектам политики Великобритании в Ближневосточном регионе, вступающей в конфликт с интересами Российской империи – другим крупнейшим игроком в этом регионе. Проанализировав специфику британской политики на Ближнем Востоке, автор проводит параллели с современным состоянием внешнеполитического курса Великобритании на ближневосточном направлении.

Ключевые слова: Великобритания, Османская империя, Российская империя, Ближний Восток, внешняя политика, дипломатия.

M. Ryabota*Moscow City Teacher Training University***FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE MIDDLE EAST IN THE 90-S
OF THE XIX CENTURY. BRITISH-RUSSIAN RAPPROCHEMENT**

Abstract. In the article the state of the international situation and the crises in the Middle East at the end of the XIX century and the British-Russian rapprochement are analyzed. The article analyzes in detail the trends and characteristics of the relationship of the leading European powers to address the «Eastern» issue, the author pays attention to various aspects of British policy in the Middle East, being in conflict with the interests of the Russian Empire - the other major player in the region. After analyzing the specifics of British policy in the Middle East the author draws parallels with the current state of the British foreign policy in the Middle East.

Key words: Great Britain, the Ottoman Empire, the Russian Empire, the Middle East, foreign policy, diplomacy.

Кризисы на Ближнем Востоке и их разрешение при прямом участии европейских стран — часть современной внешнеполитической картины. Ближневосточный регион сегодня, как и более ста лет назад, является очагом напряженности и ареной соперничества

европейских государств, усугубленного непосредственным присутствием здесь интересов Соединенных Штатов Америки. И задачи у каждой из сторон остаются прежними — усиление своего влияния в этом регионе. Не изменились и методы решения поставленных задач.

© Рябота М.А., 2015.

Международная практика последних десятилетий выявляет тревожную тенденцию – состояние и развитие международных отношений напрямую зависит от политики стран-лидеров на международной арене, которая оказывается порой не просто неадекватной, а преступной. Опыт «холодной войны» и международные кризисы конца XX – начала XXI вв. показали, что надежных механизмов предотвращения и разрешения международных конфликтов по-прежнему не создано. Кроме того, национальный эгоизм и военно-силовое решение конфликтов, характерные для мышления лидеров ведущих стран в XIX в., не изжиты и сейчас, в XXI в.

Поэтому очевидно, что четкое понимание исторических корней, причин и обстоятельств конфликтов на Ближнем Востоке, влияние на них «большой политики» ведущих европейских держав дает возможность с помощью исторического опыта избежать многочисленных ошибок, совершенных европейской дипломатией в конце XIX в.

Ближний Восток занимает особое место в истории европейской дипломатии. Он был и остается ареной соперничества между ведущими державами мира, а в конце XIX в. для двух великих держав – Великобритании и России – регион представлял наибольший интерес и во многом определял их внешнеполитический курс.

Вторая половина, в частности, конец XIX в. – весьма насыщенный событиями период, в котором русская и британская дипломатия занимали одно из центральных мест. Эти внешне дружественные друг другу мировые державы вели постоянную дипломатическую войну, пытаясь захватить мировое лидерство, оказывали значи-

тельное влияние на жизнь и развитие почти всех больших и малых стран и народов. Англо-русское соперничество более всего проявилось на Балканах и Ближнем Востоке.

При проведении своего внешнеполитического курса Россия активно пользовалась своими экономическими и религиозными связями, давно и крепко сложившимися между Россией и балканскими народами, входящими в состав Османской империи.

Иной позиции придерживались британские правящие круги – еще к середине XIX в. утверждается устойчивый внешнеполитический курс Британии на сохранение баланса сил в Юго-Восточной Европе – т.н. «политика статус-кво», направленная на сохранение существовавшего там положения и расклада сил.

«Фактор России» был определяющим в политике Великобритании в отношении Османской империи – она была прежде всего АНТИрусской, а затем уже ПРОтурецкой. Отношения с Османской империей находились в прямой зависимости от состояния англо-русских и русско-турецких отношений.

Противоречивость английской политики на Ближнем Востоке в конце XIX в. также выразилась в сочетании политики уменьшения роли России со стремлением к улучшению англо-русских отношений.

90-е гг. XIX в. принесли очередной ближневосточный кризис и обострение англо-русского соперничества, на этот раз связанного с борьбой армян за освобождение от османского гнета.

Международная картина конца XIX в. выглядела таким образом, что далеко не каждый подъем национально-ос-

вободительного движения приводил к международному кризису. Последует он или нет – целиком и полностью зависело от интересов ведущих держав в том или ином регионе. Поэтому нередко возникала такая ситуация, когда в одних районах могли уничтожаться целые народы и никакого внимания эти события к себе не привлекали, державы не вмешивались во внутренние дела другой страны. Иначе выглядели действия стран, заинтересованных во вмешательстве в дела ослабшей Османской империи. В этом случае во всех возможных на тот момент СМИ распространялась информация об османских зверствах и выражении симпатии к угнетаемому христианскому населению империи. СМИ тем самым готовили почву для действий основного орудия внешней политики стран – дипломатии.

Подъем армянского национально-освободительного движения конца XIX столетия, безусловно, относился к числу тех внутренних осложнений в Османской империи, которые привели к новому международному кризису. Главной причиной очередного кризиса стало решение британского правительства воспользоваться сложившейся ситуацией в Османской империи и с помощью вмешательства во внутренние турецкие дела решить некоторые вопросы в своих интересах.

Берлинский трактат, ставший следствием Берлинского конгресса, подведшего итоги русско-турецкой войны 1877-1878 гг, оставил большую часть армянского населения под властью османских властей, политика которых вызвала новую волну освободительной борьбы армян, после чего незамедлительно следовали новые каратель-

ные меры султанского правительства. В 1895 г. султан Абдул Хамид II организовал массовую резню армянского населения в ряде местностей Малой Азии, а затем и в самом Константинополе.

Назрел новый кризис, воспользоваться которым в первую очередь захотела Великобритания, которая выдвинула идею раздела Османской империи, сначала дипломатическим путем, а при невозможности разрешить этот кризис таким путем, – с помощью военного вмешательства. Интересы Англии были более чем прозрачны: забрать себе Египет и Месопотамию, чего не скрывал даже премьер-министр Великобритании Солсбери в разговоре с германским послом в Лондоне Гатцфридом еще летом 1895 г. [10, р. 80].

В связи с этим британская дипломатия активно и упорно искала пути раздела Османской империи. В своих поисках она пыталась использовать военно-политические комбинации с двумя основными группировками европейских держав на тот момент — с русско-французской и Тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии, которые также оказались втянутыми в международный кризис в Ближневосточном регионе. В конце 1895-начале 1896 гг. между европейскими державами велись активные переговоры и дипломатическая переписка, в ходе которых все очевиднее становилось, что под видом озабоченности состоянием армянского народа в Османской империи скрываются интересы европейских правительств, стремящихся к разделу Турции и опасующихся действий со стороны своих соперников, могущих эти интересы

ущемить. Так, в англо-германских переговорах по вопросу раздела Османской империи важной тенденцией было стремление переговорщиков втянуть друг друга в серьезный конфликт с Россией и Францией. Однако, вопреки ожиданиям и планам Солсбери, ему не удалось этого сделать.

Безуспешной оказалась и попытка Солсбери спровоцировать на активное вмешательство в османские дела и решение «армянского вопроса» и русско-французскую группировку. Российское правительство четко показало Британии, что оно категорически против идеи ширококомасштабного иностранного вмешательства в Турцию и, кроме того, решительно возражает также против британской морской демонстрации в Черноморских проливах. Россия также отвергла предложение Солсбери об установлении русско-английского кондоминиума, т.е. владения, управления, в столице Османской империи – Константинополе.

К началу 1896 г. премьеру Солсбери стало окончательно ясно, что России в ближайшее время не присоединится к мерам, направленным на европейское вмешательство в османские внутренние дела. Еще одним доказательством этого факта стала и твердость русских правящих кругов в этом вопросе осенью 1896 г., когда произошло новое обострение кризиса в Османской империи, после очередной акции султанского правительства против армян в Константинополе. Кроме того, от силового решения вопроса отказалась и Франция.

Английской дипломатии не удалось добиться совместного выступления всех или группы держав в Турции. Наряду с этим дипломатическим пора-

жением – примириться и с другой неприятностью. Султан Абдул Хамид II, почувствовав, что остальные державы не поддерживают Англию, сместил в ноябре 1895 г. проанглийски настроенного великого визиря Кямиль-пашу.

Таким образом, британской дипломатии не удалось добиться совместного выступления всех или хотя бы группы европейских держав против Османской империи. Сразу же после того, как британское правительство не смогло извлечь для себя выгоду из армянского вопроса, оно быстро потеряло интерес и к армянам, и к их бедственному положению. Это подтвердил сам Солсбери в своей речи 9 ноября 1895 г., решительно отвергнув всякую мысль о единоличном вмешательстве Великобритании в турецкие дела в пользу армян [1, с. 58].

В связи с этими неблагоприятными событиями для Британии и опасениями, что продолжение прежнего антиосманского курса грозит полной потерей британского влияния в Османской империи, британское правительство с начала 1896 г. резко меняет вектор своей политики на Ближнем Востоке и отказывается от давления на Порту, стремясь вернуть себе расположение султана. В январе 1896 г. Солсбери заявил, что международные обязательства Великобритании по армянскому вопросу не дают права Англии на вмешательство «физическое или материальное в пользу угнетенных подданных султана». Более того, Солсбери отверг прежние нападки ряда ответственных британских деятелей на султана и Турцию за дальнейшее истребление армянского населения [3, с. 246].

26 августа 1896 г. армянские националисты (дашнаки) акцией по за-

хвату здания Оттоманского банка в Константинополе попытались снова привлечь внимание европейских стран к армянскому вопросу и вызвать их вмешательство. Выступление было жестоко подавлено, но эти события вызвали новый международный кризис на Ближнем Востоке, использованный державами, как и в 1895 г., в своих интересах.

На этот раз действия Британии были куда решительнее – на «помощь» британским дипломатам с Мальты в восточную часть Средиземного моря была направлена мощная английская эскадра.

Султан обратился к русскому послу Нелидову с просьбой о посредничестве. Нелидов был сдержан, но в донесении в Петербург выразил опасения: «Я не могу не обратить самым настойчивым образом внимание императорского правительства на огромную опасность, которую представила бы для нас европейская акция на Босфоре, которая навсегда заперла бы нас в Черном море» [2, с. 241]. В столице сочли опасения посла небеспочвенными — утверждение Британии в проливах было недопустимым. Поэтому российское правительство сообщило британскому, что при вмешательстве в турецкие дела Черноморский флот немедленно войдет в Босфор.

Правительство Франции заняло выжидательную позицию – с одной стороны, интересы французского капитала желали присутствия иностранных кораблей в Золотом Роге, с другой стороны – не одних только британских. Идти против своей союзницы оно не желало.

Англия не решилась действовать в одиночку. О соглашении держав заго-

ворил британский посол в Османской империи Карри. Он встретился с русским и французским послами, прощупывая почву для сближения с Россией и Францией, целью которого должно было стать общее давление на султана – либо заставить его сменить великого визиря, либо установить в Турции «порядок, гарантированный Европой». Эти предложения не встретили понимания и сочувствия ни российской, ни у французской стороны. Установление вместо власти султана «порядка, гарантированного Европой» абсолютно не отвечало интересам России. «Я решительно против подобного соглашения с Англией, – писал Николай II, – это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции» [4, с. 137].

Солсбери снова попытался выработать общую линию с Германией, а через нее и со всем Тройственным союзом. Неудача постигла его и здесь. После этого премьер-министр предложил более чем рискованную идею – британский посол в Османской империи должен получить такие полномочия, чтобы в случае необходимости вызвать в проливы британский флот и свергнуть султана. Авантюристость этой идеи, грозившей серьезнейшими международными последствиями, была очевидной и была отвергнута британским кабинетом министров. Военно-морские специалисты после оформления русско-французского союза утверждали, что стратегическое положение в Средиземном море радикально изменилось, причем однозначно в его пользу. Желчно пройдясь по поводу «фарфоровых кораблей британского флота», Солсбери смирился с поражением, но ненадолго [5, с. 59].

В конце сентября 1896 г. молодой российский император Николай II совершил визит в Шотландию, где встретился с королевой Викторией. Солсбери попытался использовать этот визит с целью навязать России свои планы в отношении Османской империи. И королева, и премьер-министр попытались внушить российскому императору идею англо-русского сближения, не без выгоды обеим сторонам:

- султан должен быть смещен;
- Египет остается за Англией;
- Россия получает ряд уступок в вопросе о проливах [6, с. 259].

Очевидно, что предложение отдать Британии Египет было направлено на развал союза России с Францией, которая имела там свои интересы.

Николай II отверг предложение о смещении султана, но принял предложение британского премьера о разработке проекта реформ, которые должен был провести султан, а при его отказе европейские державы должны были принудить сделать это силой [7, с. 187].

Из Лондона российский император отправился в Париж.

У французского правительства в связи с положением в Османской империи были свои заботы. Ближний Восток вслед за Российской империей был важнейшим регионом экспорта французского капитала. В одной только Османской империи было вложено более 2,5 млрд. франков, поэтому интересы французского капитала в империи были весьма значительны. Политика сохранения статус-кво, которой придерживалась Россия, полностью отвечала как интересам капитала, так и властей Франции.

Британский кабинет, не имея под-
держки для выступления против Порты,

искал другие пути для реализации своих интересов в регионе. На этот раз правительство Великобритании прибегло к методу «европейского концерта».

20 октября 1896 г. британское правительство обратилось с нотой к другим европейским державам, предлагая поручить их послам в османской столице выработать проект реформ — не только для армянских вилайетов, но и для всей Османской империи. После того, как с проектом реформ предварительно согласятся правительства всех шести ведущих держав, его следовало навязать султану даже посредством «мер принуждения».

Россия, однако, снова отказалась от применения подобных мер. Тем не менее на совещании министров с императором 5 декабря по инициативе посла Нелидова было принято решение о высадке десанта и захвата входа в Босфор в случае, если державы, приняв британский проект реформ, решат напасть на Османскую империю и введут в пролив свои флоты.

Через неделю после принятия этого решения французское правительство выдвинуло три условия своего согласия на обсуждение проекта реформ, предложенного Великобританией:

- 1) сохранение целостности Османской империи;
- 2) исключение кондоминиума шести держав над ней;
- 3) исключение сепаратных действий со стороны великих держав [8: с. 77].

Последнее условие делало невозможным выполнение плана Нелидова, однако, русское правительство приняло предложения Франции.

В конце 1896 г. британское правительство выдало султану гарантии

финансовой помощи для поддержания османской экономики в обмен на подчинение британскому руководству, но султан отверг эту помощь, придерживаясь позиции поддержания отношений с франко-русской группой и Германией. Вообще, стоит заметить, что дипломатия Османской империи на протяжении почти всей второй половины XIX в. ввиду своего тяжелого положения основывалась на использовании противоречий между великими державами. Так произошло и в этот момент.

В итоге ближневосточного кризиса 1894-1896 гг. в Османской империи все осталось по-прежнему, проект реформ был выработан послами, но так и не вручен султану, Великобритания снова не достигла поставленной цели – привлечь на свою сторону Россию и осуществить раздел Османской империи. Кроме того, Британия не смогла извлечь какой-то значительной выгоды из кризиса и прочно укрепиться в Османской империи [11, р. 172].

В начале 1897 г. Ближневосточный регион снова оказался в центре внимания европейских держав и оказал влияние на международное положение и дипломатию. В феврале 1897 г. поднялось антитурецкое восстание греческого населения на о. Крит. Основным требованием восставших было полное освобождение от османского ига и присоединение к Греции. Существенный момент — Крит не хотел довольствоваться автономией в рамках Османской империи, а именно это навязывала им дипломатия западноевропейских держав.

Грецию охватил национальный подъем, король и правительство Греции отправило в критские воды во-

енные корабли и высадило десант на помощь повстанцам. Европейские державы, в особенности Германия, выступили против Греции. Было понятно, что благодаря большому перевесу турецких сил и военной слабости Греции, Османская империя нанесет поражение грекам.

Великобритания выступила с новой инициативой вмешательства держав для перемирия сторон. Германский кайзер выдвинул условие Греции – убрать свои войска с Крита и согласиться с его автономией в составе Османской империи. Греческое правительство приняло это условие, но султан решил пойти дальше, потребовав передачи Турции Фессалии и уплаты значительной контрибуции за нанесенный ущерб. Николай II отправил личное письмо султану, склоняя его к уступкам. Султан согласился, и 19 мая было заключено перемирие.

Французское правительство также внесло предложение о введении автономии Крита, состоявшее из 6 пунктов:

- 1) немедленное назначение великими державами временного правительства, предпочтительно из нейтрального государства;
- 2) провозглашение автономии и нейтралитета;
- 3) реорганизация финансов, несмотря на гарантии держав;
- 4) организация полиции;
- 5) отзыв турецких войск или, по крайней мере, ограничение их числа на острове;
- 6) созыв критской ассамблеи для работы с новым правительством [9, с. 119].

Британское правительство со своей стороны немедленно отреагировало на французские предложения, слег-

ка изменив их очередность – премьер Солсбери настоял, что провозглашение автономии и нейтралитета Крита должно стоять первым номером, а не вторым. В середине июня и другие державы поддержали французские предложения.

18 сентября 1897 г. было подписано мирное соглашение:

- произошло незначительное изменение границы в Фессалии в интересах османской стороны;

- создана международная комиссия для обеспечения уплаты контрибуции Грецией, которая получила в свое распоряжение все доходы греческих таможен и поступления от госмонополий (на соль, табак, керосин, спички и т.д.), что поставило экономику Греции под еще более жесткий, чем раньше, иностранный контроль;

- Криту предоставлена широкая автономия, но европейские державы сохранили там свои воинские контингенты, которые должны были поддерживать статус-кво, то есть препятствовать воссоединению острова с Грецией. В 1898 г. принц Георг Греческий был назначен комиссаром острова с мандатом от четырех стран – Великобритании, России, Франции и Италии.

В связи с этим Германия и Австро-Венгрия выразили свой протест: отозвали с острова свои корабли и войска и вышли из «концерта» европейских держав. Дальнейшего развития событий с их стороны не последовало, так как на тот момент задача сохранения статус-кво имела первостепенное значение.

Очевидно, все заинтересованные стороны стремились заморозить этот конфликт: Россия в этот период основной целью своего внешнеполитиче-

ского курса выбрала Дальний Восток и стремилась для решения назревших дальневосточных проблем иметь свободные руки; Германия, в свою очередь, была заинтересована в раздувании конфликта на Дальнем Востоке для ослабления влияния России на Балканах; Австро-Венгрия осталась в стороне от внешнеполитических авантюр из-за тяжелого внутреннего кризиса.

Хотя султан фактически потерял Крит, его маленькая победа показала Европе, что у него по-прежнему есть боеспособная армия; тем самым продлевалось существование Османской империи и режима Абдул Хамида II.

Ближневосточный кризис 90-х гг. XIX в. подошел к концу. Итоги его были разными для европейских держав и самой Османской империи. Национальное движение армян было подавлено, Македония осталась под властью Османской империи, однако экономика империи все так же уверенно деградировала и ускоряла окончательный распад страны, произошедший уже в начале XX в.

Русско-британское сближение в начале 90-х гг. XIX в. носило временный, конъюнктурный характер, не устраняя коренных противоречий между ними, взаимного недоверия и подозрений. И самый острый ближневосточный кризис 90-х гг. XIX в. – армянский – вновь привел Великобританию и Россию к соперничеству. Британия всячески противодействовала разрешению армянского вопроса, делая все, чтобы Западная Армения оставалась в составе Османской империи, тем самым продолжая служить важной военно-политической базой против Российской империи и торговой артерией для

британских товаров. Что касается последнего кризиса конца XIX в – греко-турецкой войны, то в его разрешении Великобритания практически не принимала участия.

Кроме того, несмотря на то, что британскому правительству не удалось извлечь из этого кризиса существенной выгоды и прочно утвердиться в Османской империи, тем не менее Великобритания путем экономического, политического, а зачастую и силового давления на Османскую империю сумела достичь некоторых успехов на Балканах и Ближнем Востоке.

Стоит учитывать и тот факт, что концу XIX в. британский кабинет министров мог занести себе в актив и успешное выполнение своей главной задачи — нанесение удара по позициям России на Балканах, подрыв ее влияния в Болгарии, что имело последствия уже в начале XX в. и в ходе Первой мировой войны. Британский премьер-министр и его кабинет также немало поспособствовали расколу Союза трех императоров (России, Германии и Австро-Венгрии), которого так опасались британские правящие круги.

Однако главный вопрос так и не был решен. Вмешательство Великобритании и других европейских держав в политику Османской империи сыграло значительную роль в попытке решения «восточного вопроса» образца XIX в. Но был ли он решен? Как показывают события XX в. – нет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айрапетян М.Э. Первая мировая империалистическая война 1914-1918 гг. М.: Знание, 2008. 250 с.
2. Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908-1918). М.: Наука, 2007. 263 с.
3. Альдерванди Марескоти Л. Дипломатическая война: Пер. с итал. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Приор, 2007. 459 с.
4. Барсегов Ю.Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Ч. 3. М.: Гардарики, 2005. 608 с.
5. Беспалова Н.Ю. Британская империя. Харьков: Фолио, 2015. 430 с.
6. Серебряков Э. Год в Болгарии (1885-1886 гг.) // Заветы. СПб. 1913. № 4. С. 56-69.
7. Станкевич Н.И. Англия и переселенческие колонии: проблемы оборонительного союза в 70-80-е годы XIX в. // Внешняя политика и международные отношения в новое и новейшее время. М., 1894. С. 238-245.
8. Сърбско-българска война 1885 г. // Сборник документи. София: Воениздат, 1985. С. 240-252.
9. Съдилепието на Северна и Южна България и Сърбско-българска война // Дипломатически документи 1885-1886. София: Наука и изкуство, 1989. 569 с.
10. An economic history of modern Britain 1850-1886. Cambridge: University Press, 1932. 145 p.
11. List of British diplomatic records for Balkan history 1876-1905. L., Sofia, 1984. 278 p.

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-69-75

Мишин А.В.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В 1929–1930 гг. ЮГОСЛАВСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье анализируются германо-югославские отношения в один из сложных моментов европейской истории – в 1929–1930 гг. Мировая экономическая система переживала в то время великую депрессию, а в Королевстве Югославия была установлена диктатура короля Александра. Этот период наглядно демонстрирует переход Европы к недемократическому пути развития. Рассмотрены такие аспекты взаимоотношений, как экспорт-импорт продукции, совместные проекты, репарационные выплаты.

Ключевые слова: Веймарская республика, Королевство СХС, экономический кризис, репарации, положение немецкого меньшинства.

A. Mishin*Lomonosov Moscow State University***THE BALCAN POLITICS OF THE WEIMAR REPUBLIC IN 1929–1930.
YUGOSLAVIAN ASPECT**

Abstract. In this article the German-Yugoslavian relations during one of the difficult moments of European history, 1929–1930s, are analyzed. The world economic system passed through the Great Depression during that time and in the Kingdom of Yugoslavia the king dictatorship was established. That period clearly demonstrates Europe's transition to the non-democratic way of evolution. Such aspects of communication as export-import of goods, joint projects, and reparations are studied.

Key words: Weimar Republic, SCS Kingdom, economic crisis, reparations, status of the German minority.

1929 г. является рубежным не только в мировой политике и экономике в целом, но и в истории германо-югославских отношений. В Германии в 1929 г. заканчивается «эра Штреземана» – период относительной экономической стабильности и взвешенных политических решений. Изменение внешнеполитического курса Германии связано прежде всего с осложнением международной обстановки и

нараставшим кризисом Веймарской системы [4, с. 120], однако нельзя сбрасывать со счетов и утрату такого выдающегося государственного деятеля, каким являлся Штреземан, бессменно занимавший пост министра иностранных дел в течение шести лет. Уже через несколько месяцев после смерти Штреземана «распалась» правившая с 1928 г. коалиция, одной из главных опор которой он был. К 27 марта 1930 г. был исчерпан потенциал взаимопони-

мания этого правительства, ни один из министров не обладал авторитетом и силой личности Штреземана, способными удержать вместе политические группы, с самого начала устремленные в разные стороны [2, с. 144-145].

В Югославии в 1929 г. начинается период единоличной власти короля Александра, который последовал за громкими событиями в Скупщине – убийством сербским националистом П. Рачичем лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича, – и характеризовался коренными изменениями как во внешней, так и во внутренней политике. Этот этап югославской истории практически совпал с мировым экономическим кризисом (1929-1933 г.), принесшим большие перемены во все сферы международной жизни. Таким образом, начиная с 1929 г. отношения Германии и Югославии выстраиваются с учетом новых обстоятельств. В статье предпринята попытка рассмотрения одного из важнейших эпизодов практически не изученных в отечественной исторической науке германо-югославских отношений 1920-1933 гг.

К 1929 г. экономическое и политическое положение Германии укрепляется. Одним из факторов, способствовавших этому процессу, явился план Дауэса. «План Дауэса знаменовал поворот к отказу от дискриминации Германии в европейской политике» [5, с. 160]. Укрепившись на этих позициях, Германия, идя к своей цели стать доминирующей силой в Европе, добивается пересмотра плана Дауэса. С февраля 1929 г. репарационными проблемами Германии занимается специальный комитет, председателем которого был назначен президент электротехническо-

го треста Моргана О.Д. Юнг, один из разработчиков плана Дауэса. Новый план, все договоренности по которому были подписаны 20 января 1930 г., получил название «план Юнга». План Юнга по многим параметрам облегчал положение Германии. Ежегодные репарационные выплаты уменьшались с 2,5 млрд. до 2 млрд. марок. Банк международных расчетов, созданный специально для контроля за движением репарационных средств, на практике своей основной функцией имел финансирование германской тяжелой промышленности и военного производства [3, с. 90-91].

Эти события явились тяжелым ударом по Версальской системе – в Европе началась активная перегруппировка сил. Цель, от которой Германия никогда не отказывалась, но которая не акцентировалась в течение десяти лет после окончания Первой мировой войны, – вернуть страну к состоянию до 1914 г., – приобретает все более явственные очертания. «Начиная с 1929-1930 гг. Германия демонстрирует, что в своей внешней политике она стремится отойти от сотрудничества с Францией и формировать новую политику в другом направлении. В первую очередь это означало – в направлении Австрии и Балканского полуострова» [1, с. 169].

В германо-югославских отношениях 1929 – начала 1930-х гг. активизируются как экономическая, так и политическая составляющие. В развитии сотрудничества двух стран значительна роль нового немецкого посланника в Белграде – А. Кёстера, который сменил на этом посту Ф. Ольсхаузена. А. Кёстер, ранее занимавший должности министра иностранных дел и ми-

нистра внутренних дел, доминантой своей деятельности в Югославии сделал экономический аспект, на основе которого решались и политические проблемы. Новый посланник считал, что Балканы – это такой регион Европы, в котором немецкий экспорт, при условии концентрации усилий и систематической проработки вопроса, может быть значительно больше [10, s. 104]. В своем докладе от 23 июля 1929 г. А.Кёстер просит экономическое доверенное более результативно выстраивать стратегию в отношении Югославии и прямо заявляет, что немецкая экономика должна быть средством достижения политических целей. По его мнению, важнее заключить на Балканах сделку с выгодой в 7 %, чем в любом другом месте мира с выгодой в 10 %, поскольку, во-первых, названный регион находится на сравнительно небольшом расстоянии от Германии, во-вторых, сближение с Балканскими странами поможет Берлину решить многие свои внешнеполитические проблемы [10, с. 104].

Германия в конце 1920-х гг. настойчиво стремится патронировать и внешне-, и внутривнутриполитическую деятельность государства югославян. Эта идея отчетливо звучит в донесениях А. Кёстера, в частности, датированном 18 января 1929 г. А. Кёстер обращается к истории создания Югославии и приходит к выводу, не раз звучавшему в сфере европейской дипломатии: «... Поспешное образование государства под эгидой Антанты явилось причиной будущего кризиса» [8, В. В XI]. Дипломат анализирует положение малых государств, в частности, и Югославии в европейском контексте. Создание подобных государств породило беспо-

койство великих держав, что не принесло первым ни материальной, ни моральной помощи. Фактом образования Югославии были недовольны и соседи – Болгария, Венгрия, Италия. А. Кёстер приходит к закономерному выводу о том, что враждебное окружение заставляло власти нового государства с самого начала выделять большие средства на вооружение и, следовательно, отдавать приоритет военной политике по сравнению с гражданской. Перечисленные обстоятельства, а также зависимость Югославии от Франции, по мнению автора документа, не дают возможности молодому государству проводить свою собственную, югославскую, политику. А. Кёстер касается и положения Малой Антанты, в частности, зависимости военного бюджета этой организации от внешних сил [8, В. В XI].

Экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 г. в США и затем захвативший Европу, усилил и без того глубокие проблемы хозяйственной жизни Югославии. С 1929 г. центральноевропейские страны стали больше ввозить сельскохозяйственной продукции из Австралии, Аргентины, Канады и США, что привело к снижению спроса и цен на весь перечень этой продукции из европейских государств. Чтобы поддержать своего производителя, власти последних шли даже на запрет импорта [10, s. 55, 57]. Как аграрная страна Югославия сильно страдала от значительного падения цен на сельскохозяйственную продукцию и от сокращения своего экспорта. Тем не менее данное государство, не знавшее бескризисных периодов своей истории, переживало потрясения начала 1930-х гг. легче, чем индустриаль-

но развитая Германия. Историки единодушны в мнении о том, что мировой экономический кризис поставил страну на грань катастрофы: резкоросло число безработных, падал уровень промышленного производства, увеличивалась иностранная задолженность, назревал коллапс денежной и кредитной системы. Эти обстоятельства, однако, не повлияли на стратегические цели Германии. Несмотря на Версальские ограничения, страна с начала 1920-х гг. усиленно вооружается.

Экономические и политические интересы Германии в этот период ее истории теснейшим образом переплетены. В отношениях с Белградом для Берлина равно важны и экономическая выгода, и политическое влияние. В 1929 г. английские дипломаты отмечают усиление немецкого проникновения в Югославию. Подозрения югославских властей остались в прошлом, и теперь немецкие предприниматели, ученые и военные находят здесь сердечный прием. В донесении сообщаются факты межкультурного взаимодействия государств – это состоявшийся прошлой весной пробег около ста автомобилей из Германии по маршруту «Загреб-Сараево», получивший воодушевленный прием, а также посещение Дубровника большой – около 200 человек – группой немцев [9, s.122].

Сближение Германии с Югославией в эти годы идет с одинаковой интенсивностью и во внешнеполитической, и в экономической сфере. Как в импорте, так и в экспорте Германия постепенно оттесняет другие страны в экономическом взаимодействии с Югославией. С 1927 г. по 1930 г. место Германии в югославском импорте менялось следующим образом: 1927 г.

– 12,07 %, 4-е место; 1929 г. – 15, 29 %, 3-е место; 1930 г. – 17,55 %, 2-е место [9, s.124]. Для германской экономики были важны практически все статьи югославского экспорта. Немецкая индустрия остро нуждалась в поставках меди, алюминия, железа, хрома. Сельскохозяйственная продукция, крайне необходимая сама по себе, была важна и как материал для переработки в химической промышленности. Так, растительное масло является важным ингредиентом в производстве пластика, синтетических масел, взрывчатых веществ, а отходы производства могут использоваться в качестве корма для скота [11, s. 31].

Экономику Германии и Югославии связывали и репарационные выплаты. По плану Юнга в результате получения репараций Югославия имела сальдо в размере 70 млн. золотых марок. Эта сумма была использована для конкретных ежегодных платежей по займам восстановления [7, с. 402]. Благодаря немецкой активности в Югославии укреплялась производственная база, увеличивалось количество рабочих мест. «Немцы пришли в страну с техническими специалистами, которые открывали и совершенствовали шахты, строили шоссейные и железные дороги, находили более легкие и дешевые способы обработки и транспортировки сырья», – пишет Ф. Литтлфилд в работе «Германия и Югославия. 1933-1941» [11, р. 33]. Югославские власти считали экономическую политику Германии благом для себя и надеялись, что на этой основе страна в будущем пойдет самостоятельным путем.

Одним из важнейших во взаимодействии двух стран оставался вопрос о положении немецкого меньшинства

в Югославии. Документы свидетельствуют о том, что наиболее остро этот вопрос стоял в 1929-1930 гг. Именно тогда немецкие посланники практически еженедельно посылали в Берлин донесения о результатах встреч с ведущими деятелями Королевства или о сообщениях в СМИ по этой проблеме. Установившаяся в Югославии сербская диктатура воспринималась Берлином как потенциальная угроза существованию немецкого меньшинства в этом балканском государстве. Нетрудно понять, что дружеские отношения Югославии и Германией были невозможны при бесправном положении немцев в Королевстве. Тема национальных меньшинств в Европе стала столь актуальной, что обсуждалась на заседании Лиги Наций в Цюрихе. Сотрудник немецкого посольства в Белграде Виндекер сообщает 8 апреля 1929 г. в Берлин о состоявшемся на заседании выступлении В. Маринковича. Министр иностранных дел Югославии заявил, что его страна «опекает свои меньшинства больше, чем Германия», в Королевстве пользуются привилегиями все меньшинства, даже албанцы, не говоря уже о немцах¹.

Отход от «линии Штреземана» в политике Германии явственно ощущается в 1930 г. Изменение курса было связано с ростом влияния национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Неожиданный успех нацистской партии на общегерманских выборах сентября 1930 г. убедил не только миллионы рядовых граждан, но и ведущих представителей делового мира и армии в том, что появилась сила, которую невозможно одолеть» [6,

¹ PAAA (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin), №2 OT 8.4; 2012415

s. 173]. В этой ситуации правительство, возглавляемое Г. Брюнингом, вынуждено было, дабы не быть обвиненным в предательстве национальных интересов, ужесточить принципы ведения внутренней и внешней политики.

Изменение внешнеполитической концепции хронологически совпало с назначением нового немецкого посланник в Белграде. На смену А. Кёстеру, социал-демократу, «проводнику линии Штреземана», в начале 1930 г. приходит У. фон Хассель, типичный представитель прусского консервативного дворянства. Обширные донесения Хасселя построены на следующих стратегически важных идеях балканской политики Германии в этот момент: защита идеи «срединной Европы»; избавление от влияния Франции в регионе; политический альянс с Италией и Венгрией; превращение Германии в Дунайскую монархию, Австро-Германию [10, s. 104].

Одним из первых докладов У. фон Хасселя в Берлин был отправленный 28 мая 1930 г.² Посланник информирует МИД о том, что с королем он еще не встречался, но нанес визит вежливости министру иностранных дел В. Маринковичу. Однако визит вежливости, как можно судить по сообщению, вышел за рамки дипломатического протокола и был посвящен важным тактическим вопросам: формированию позитивного общественного мнения в обоих государствах по поводу их взаимодействия, положению немецкого меньшинства. В. Маринкович обеспокоен тем, что в немецкой прессе, как и в итальянской, искажается образ Югославии. Эти публикации, по мнению

² PAAA (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin), L 012534 – до 37

министра, оказывают «отпугивающее воздействие на немцев», в частности, на те круги в Германии, которые настроены сотрудничать с Югославией. У. фон Хассель передает в сообщении свои возражения В. Маринковичу, заключающиеся в том, что торговля с Королевством входит в сферу интересов делового мира Германии, а увеличивающееся число немецких путешественников в Югославию свидетельствует о растущей популярности этой страны среди масс населения. Таким образом, У. фон Хассель, как и его предшественники, стремится выровнять баланс сил и убедить югославские власти в лояльности и немецких СМИ, и немецкого общественного мнения. В достижении стратегических целей это был важный тактический ход.

Датированное 1930-м годом донесение английских дипломатов о германо-югославских отношениях вносит новые акценты в предмет анализа. Так называемый болгарский кризис, имевший место в марте, вновь выявил разногласия между Белградом и Берлином. Югославия, как об этом сообщают авторы донесения, потребовала от Германии, чтобы та использовала свое влияние в Софии и уговорила болгарские власти принять энергичные меры к лицам, ответственным за беспорядки. Это требование было отклонено, но немецкий посланник заверил югославские власти в том, что Германия примет все усилия для поддержания мира. Английские дипломаты отмечают некоторое изменение югославской позиции в отношении Германии. По их мнению, укрепление итало-немецких отношений, успех на выборах Национал-социалистической рабочей партии А. Гитлера, ревизио-

нистские выступления Г. Куртиуса «заставили Югославию видеть в Германии важного участника итальянских антиюгославских комбинаций» [9, с. 667]. Так шаг за шагом, индуктивно, идя от конкретных фактов и событий к обобщениям, молодое югославянское государство выстраивало политическую концепцию в отношении Германии.

С 1930 г. в югославской экономике наблюдается падение как экспорта, так и импорта. В 1929, 1930, 1932 гг. экспорт соответственно составлял 7,9; 6,8; 3,1 миллиардов динаров; импорт в эти годы характеризуется следующими показателями: 7,6; 7,0; 2,9 миллиарда динаров (11, р. 28). В этой ситуации новые инициативы Германии воспринимались в Югославии как божья помощь. Большое удивление вызвал тот факт, что Германия начала инвестировать крупные суммы в добывающую и обрабатывающую промышленность Королевства [11, р. 31]. Между тем действия немецких политиков и экономистов соответствовали концепции расширения жизненного пространства, от которой Германия никогда не отказывалась, а лишь меняла формы ее воплощения – от мягких при Штресемане до более жестких в постштресемановский период. Политическая и экономическая активность Германии постепенно трансформируется в агрессивность, которая уже через несколько лет будет постулироваться открыто. Германо-югославские отношения 1929-1930 гг. дают возможность в деталях проследить эти изменения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ди Нольфо Э. История международных отношений 1918-1999. В 2 т. / Под

- ред. М.М. Наринского. Т. 1. М., 2003. 590 с.
2. Мёллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии / Пер. с нем. М., 2010. 311 с.
 3. Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. 800 с.
 4. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009. 432 с.
 5. Системная история международных отношений. В 2 т. Т.1. События 1918-1945 гг. М., 2006. 480 с.
 6. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2 т. / Пер.с нем. М., 1991. Т.1. 651 с. Т. 2. 526 с.
 7. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914-1936 / Пер. с фр. М., 1958. 156 с.
 8. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918-1945. Göttingen, 1972. 250 S.
 9. Avramovski Z. Britanci o kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1986. 295 S.
 10. Höpfner H.-P. Deutsche Südosteuropapolitik in der Weimarer Republik. Diss. Fr.-a-M. Bern, 1983. 395 S.
 11. Littlefield F. Germany and Yugoslavia. 1933-1941. N.Y., 1988. 287 p.

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-76-85

Васильев Д.В.

*Институт государственного управления, права
и инновационных технологий (г. Москва)*

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ КАЗАХСКОЙ ОРДОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.*

Аннотация. В статье описывается политическая история Внутренней казахской орды в первой половине XIX в. Рассматривается история ее возникновения и становления административной системы. Обращается внимание на особое двойственное положение орды, которое заключалось в ее зависимости от оренбургской и астраханской администрации. Подчеркивается значительная роль хана и «кочевой бюрократии» в управлении регионом. Особое внимание уделяется стремлению российских властей к ограничению и ликвидации ханской власти. Изученные источники указывают на формирование у казахов уникальной административной модели и позволяют выдвинуть гипотезу о том, что российское правительство в первой половине XIX в. было занято поиском наиболее оптимальной модели управления казахским населением.

Ключевые слова: Казахстан, Внутренняя орда, Бокеевское ханство, Жангир, политика Российской империи, административная система, управление.

D. Vasilyev

Institute of State Management, Law and Innovative Technologies, Moscow

THE CREATION OF GOVERNING SYSTEM FOR THE INNER KAZAKH HORDE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article describes the political history of the Inner Kazakh Horde in the first half of the 19th century. It deals with the history of the origin and formation of the horde administrative system. Special attention is paid to the particular dual position of the horde, which lay in its dependence from Orenburg and Astrakhan administration. Significant role of Khan and “nomadic bureaucracy” in the management of the region is emphasized. Particular attention is paid to the Russian authorities’ desire to restrict and eliminate Khan’s power. The studied sources indicate the formation of the Kazakhs unique administrative model, and allow to hypothesize that the Russian government in the first half of the 19th century was busy searching the optimal model of the Kazakh’s control management.

Key words: Kazakhstan, Inner Horde, Bokey Khanate, Zhangir, policy of the Russian Empire, administrative system, management.

© Васильев Д. В., 2015.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Первая половина XIX века», проект № 11-01-00511.

Особым регионом империи, заселенным казахами, была Внутренняя (Бокеевская) орда в Волго-Уральском междуречье. Формирование этого особого административно-территориального образования началось в 1801 г. с переселением из приуральской степи юрт, верных султану Малой орды Бокею, на правую сторону Урала, давно являвшуюся частью империи. Российское правительство было заинтересовано в хозяйственном освоении заволжских степей, пожаловав их в удел Бокею и закрепив в 1812 г. за ним ханский титул. Однако история самостоятельной Бокеевской орды была весьма непродолжительной. В 1845 г., после смерти наследника Бокея Жангира, ханская власть в орде не восстанавливалась, а в середине 1850-х гг. была окончательно ликвидирована [10].

После смерти хана Малой орды Ералы (1794) в 1795 г. новым султаном был избран султан Есим. С целью сделать власть непопулярного хана более прочной, было принято решение создать при нем совет, на который (в составе шести советников, назначенных оренбургским военным губернатором бароном О.А. Игельстромом) под председательством сына Абулхаира и дяди Есима Айшуака было возложено управление Малой ордой после смерти Есима. В октябре 1797 г. Айшуак был избран ханом, а в следующем году император Павел I утвердил его в ханском достоинстве. Совет сохранил свои функции и получил наименование Ханского совета. Председателем совета стал султан Бокей [3, с. 277-281]. Зная, что в пределах Астраханской губернии есть значительные пространства для кочевания (в т.ч. оставленные калмыками), столь необходимые для расту-

щих казахских родов, и понимая, что это открывало возможность для укрепления единоличной власти, Бокей в 1799 г. обратился к командующему Кавказской линией и Астраханскому губернатору генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу с просьбой о переселении верных ему казахских родов в междуречье Волги и Урала [1, с. 28-29]¹.

11 марта 1801 г. последовал указ Павла I, удовлетворявший просьбу Бокея [8, с. 571-572]. Таким образом, казахи Бокея попали под управление астраханского начальства. А осенью того же года начались организованные перекочевки казахов на зимовку на правую сторону Урала [1, с. 32]. 17 июля 1808 г. император издал указ, устанавливавший новые правила перехода зауральских казахов на внутреннюю сторону р. Урал [8, с. 435-438]. Закон упорядочивал положение бокеевских казахов, подчиняя их «наравне со всем киргизским народом» Оренбургской пограничной комиссии. Однако, учитывая то, что бокеевские казахи постоянно кочевали на территории Астраханской губернии, местное губернское начальство должно было стать своего рода промежуточным звеном между Бокеем и Оренбургом. Астраханские власти должны были обо всех событиях в среде казахов своевременно докладывать в Оренбург, передавая на места все распоряжения главного над казахами начальства. На Астрахань возлагалось также наблюдение за степными (зауральскими) казахами во время их зимовок в Нарын-песках, что допускалось теперь по билетам, выдававшимся уже не Бокеем, а исклю-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 25. Д. 38843. Л. 56.

чительно Оренбургской пограничной комиссией. При этом в зимнее время подвластным Бокея запрещалось кочевать в Нарын-песках, отведенных для зимовок степным казахам. Таким образом, новый закон заметно ограничивал привилегии султана Бокея и астраханского начальства, вместе с тем возвращая Оренбургу значение главного центра по управлению казахами Малой орды, что, безусловно, нельзя не считать прогрессивным административным преобразованием. Можно спорить о том, какая (оренбургская или астраханская) традиция отношений с кочевниками являлась более перспективной с точки зрения гомогенизации империи, но нельзя отрицать положительного значения централизации управления имперской окраиной. Следует обратить внимание на одну весьма характерную деталь. Обычно губернские административные учреждения вели переписку с подчиненными им структурами низшего уровня, направляя им предписания. В Ставку же хана астраханских казахов Оренбургская пограничная комиссия направляла предложения, что означает определенный автономный статус ордынского управления.

После гибели хана Жанторе (1809) 25 сентября 1811 г. [9, с. 290-298] близ Оренбурга состоялись выборы нового хана Малой орды. 1 мая 1812 г. султан Бокей был утвержден императором в ханском достоинстве как хан казахов, кочующих в зауральских степях, при Нижнеуральской линии и в Астраханской губернии [1, с. 171-172]. Таким образом, пределы власти Бокея даже расширились. Одновременно оренбургский военный губернатор назначил управляющих родами бокеевских

казахов и обязал их получать наставления и печати из Пограничной комиссии [1, с. 174-175].

В мае 1815 г. один за другим скончались состоявший при хане в качестве представителя российской администрации генерал-майор П.С. Попов и сам Бокей. Временным правителем стал брат покойного хана Шыгай. Ему было адресовано письмо, составленное в январе 1819 г. другим оренбургским военным губернатором П.К. Эссенем, в котором тот, учитывая удаленность от Оренбурга как центра управления всеми казахами, предлагал по примеру соседних калмыков учредить местное управление и должность главного пристава, которые должны будут лишь «...способствовать правителю... в сохранении порядка, и быть, так сказать, ходатаем в правительстве как по отношениям к оренбургскому, так и астраханскому начальству» [1, с. 202]. Примечательно, что, возражая против подобной меры, султан Шыгай обращал внимание на реакцию простого люда: «...увидев пристава..., добровольно удалившегося из города, от жены и детей... для того только, чтоб преподавать... советы, немудрено подумать им, что через него хотят ввести русские права, хотят естественную вольность их поставить в границах» [1, с. 203]. Военный губернатор отказался от своей идеи [1, с. 208]. Иными словами, оренбургская администрация, с одной стороны, добивалась централизации управления казахами, а с другой, не смогла реализовать калмыцкую модель местного управления кочевниками. Однако само стремление учитывать опыт управления иными народами юго-востока империи демонстрирует наличие тенденции к

поиску некой основы для унификации управления кочевыми народами юга России вообще.

Летом 1822 г. в Бокеевском ханстве в связи с приближающимся совершеннолетием султана Жангира между ним и султаном Шыгаем разгорелась борьба за ханское достоинство. Оренбургский, астраханский и саратовский губернаторы безоговорочно поддержали кандидатуру Жангира не только на том основании, что это соответствовало устному завещанию самого Бокея, но, в первую очередь, потому, что он был известен «...с лучшей стороны, как по способностям, равно по нравственности и образованию..., благоразумию и кротости султана Джангыра и приверженности к нему киргизцев. Особенно российское купечество остается ему признательным за оказываемое оному покровительство. <...> Благонравное поведение его, образованность и здравый ум приобрели ему здесь общее всех внимание» [1, с. 231].

Через год (1824 г.) султан Жангир получил высочайшее утверждение в достоинстве хана Бокеевской орды. Едва получив ханское достоинство, Жангир начал строить планы преобразования управления подведомственными ему кибитками и казахами вообще. Он вынашивал план создания при оренбургском генерал-губернаторе совета из представителей всех четырех частей казахов, подчиненных администрации Оренбурга [1, с. 231].

Неурегулированность правовых и поземельных отношений между казаками, местными помещиками, казахами и калмыками серьезно беспокоила правительство. И в августе 1827 г. была назначена ревизия Астраханской губернии, целями которой были опреде-

лены выяснение реального положения казахов и калмыков, а также выработка предложений по совершенствованию управления кочевников, проживавших на территории губернии [1, с. 296-298]. В начале следующего года ревизовавший губернию сенатор Ф.И. Энгель докладывал в МИД свои предложения по реорганизации управления Бокеевской ордой [4, с. 292-296]. Во-первых, он предлагал восстановить силу императорских указов 1800 и 1806 гг. и вернуть казахам надлежащие земли, прекратить допуск зауральских казахов в астраханские степи на зимовку и предоставить бокеевцам возможность пользоваться Каспийским побережьем во время зимовок. Предполагая в перспективе необратимость земельного голода в случае сохранения традиционного для казахов кочевого скотоводства, даже при самом благоприятном решении земельного вопроса в настоящем, сенатор считал необходимым всячески содействовать переходу бокеевцев к оседлому образу жизни. Отмечая, что привлечение казахов к русскому суду вызывает у них непонимание и неприятие, Ф.И. Энгель предлагал гражданские разбирательства и следствия по уголовным делам максимально приблизить к кочевникам, а в присутственные места, разбиравшие соответствующие дела, считал необходимым направлять депутатов от казахского населения. Поэтому сенатор предлагал учредить специальную должность особого чиновника – «защитника посторонних людей в суде ордынском и киргизов – в судах русских».

Более того, Ф.И. Энгель считал необходимым учредить при ханской ставке в Бокеевской орде особый совет

из султанов и старшин по народному выбору в количестве 12 человек [2, с. 373], а указанный выше чиновник от правительства должен был получить власть прокурора. При этом сенатор считал, что его следует именовать депутатом при хане или его совете, но никак не приставом, ибо «название сие ордынцам ненавистно». Совет должен был руководствоваться Правилами для Ханского совета Зауральской орды 1806 г., и его ведению должны были подлежать полицейские и гражданские дела¹. Делопроизводство в совете следовало максимально ограничить. Его решения должны были приводиться в исполнение после утверждения ханом. Обо всех своих решениях совет обязан был докладывать в Пограничную комиссию, которая, не отменяя этих решений, должна была при необходимости его «вразумлять». Налгать взыскания на виновных в явной несправедливости мог только военный губернатор. На совет предлагалось возложить обязанность наблюдения за тем, чтобы на территории Бокеевской орды не находились посторонние лица. Поэтому ему предлагалось предоставить право высылки посторонних и подозрительных.

Особым шагом стало наименование бокеевских казахов Внутренней ордой, что, с одной стороны, как бы отражало их географическое положение, а с другой, подчеркивало особую близость к империи и ставило в приоритетное положение хана Жангира в сравнении с другими казахскими ханами [1, с. 317].

Предложения сенатора Ф.И. Энгеля были приняты Азиатским комитетом [1, с. 319-321]. Бокеевские казахи полу-

чали все не принадлежавшие никому на законном основании земли, но не навсегда, а во временное пользование. Переходы зауральских казахов на внутреннюю сторону р. Урал, вследствие их «непокорности и хищничества», запрещались. Совет при хане Жангире получал официальное утверждение. Во Внутреннюю орду назначался особый чиновник – попечитель, на которого возлагалась обязанность защищать интересы сторонних людей в суде казахском и казахов – в русском, а также наблюдение «...за спокойствием и благоустройством всей Внутренней орды». Назначение и увольнение этого чиновника возлагалось на Министерство иностранных дел, ведению которого подлежали бокеевские казахи вообще².

Однако введение должности попечителя вызвало резко негативную реакцию среди казахских старшин. И Николай I согласился с предложением МИДа на некоторое время отложить введение указанной должности во Внутренней орде. Вместо этого оренбургский военный губернатор должен был командировать в ханскую ставку ежегодно на несколько месяцев одного из чиновников для наблюдения за безопасностью казахов и справедливостью их менового торга [1, с. 323-324].

Власть хана Жангира значительно отличалась от власти других казахских ханов. Так, 15 января 1837 г. последовал указ, который утверждал за Жангиром власть суда и расправы во Внутренней орде, за исключением уголовных дел. Не довольствуясь этим, хан просил правительство предоставить ему в Ханском совете разбирательство краж

¹ Уголовные дела должны были оставаться в ведении суда Пограничной комиссии.

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161, I-1. Оп. 781. Д. 491. Л. 127-128.

казахов между собой и у сторонних лиц, оставив в подсудности военного суда лишь убийства, разбои и захваты русских для продажи в рабство [7, с. 55-57].

К концу 1830-х гг. во Внутренней орде сложилась следующая система управления. Во главе стоял возведенный в ханское достоинство султан Жангир. Совет при нем состоял из двенадцати представителей от каждого подведомственного Жангиру рода в звании бия или советника. Их кандидатуры подлежали утверждению Оренбургской пограничной комиссии. Советники имели право разбирать дела и выносить приговоры по мелким кражам среди казахов, обязаны были надзирать за безопасностью и порядком среди подведомственного народа и наблюдать за действиями старшин. Каждым родом управлял султан, избранный по усмотрению хана и утвержденный пограничным начальством. Родоправители были призваны наблюдать за благоустройством вверенных им частей орды, неукоснительно исполнять все повеления хана, доносить хану о неблагонамеренных действиях казахов, руководить подведомственными старшинами. Родоправителям разрешалось словесное разбирательство жалоб и незначительных проступков и претензий. Для письменного производства при каждом султানে состояли по одному письмоводителю. Если тяжущиеся оставались недовольны решениями старшин, советников и султанов, они могли просить суда у самого хана, решение которого считалось окончательным. Другие дела духовного и гражданского судопроизводства, в том числе по искам прочих подданных империи, под-

лежали разбирательству и решению ханом в совете, производившимся словесно. Лица, неподведомственные Жангиру, неудовлетворенные его решением, имели право обращаться в российские судебные инстанции для окончательного разбирательства. Несколько родов объединялись в отделения. На начальников отделений возлагалось взимание закята и сугума – традиционных сборов с казахов [1, с. 371-373].

Современники отмечали особую значимость этого хана в роли лидера казахов. По их мнению, Жангир вполне ясно сознавал необходимость сближения интересов казахов с интересами империи, но при этом всеми силами стремился обеспечить свою самостоятельность в пределах Внутренней орды. Российские чиновники считали, что ханы управляли ордой самовластно. При этом власть правительства была почти номинальной, сводившейся лишь к защите окрестного оседлого русского населения от противоправных действий казахов¹. Что касается упомянутых выше закята² и сугума³, то хан обратил их в денежную форму и самовольно устанавливал их размеры в пределах вверенной ему орды. Фактически эти сборы были введены тайком от правительства как особая подать в пользу хана лично. Кроме того, в нарушение изначально установленного принципа доступа казахов к земельным ресурсам в зависимости от численности рода и количества ско-

¹ РГИА. Ф. 3812 Оп. 44. Д. 20673. Л. 89об.

² Закят – налог в пользу нуждающихся мусульман составлял 1/10 урожая с продуктов земледелия и 1/40 со скота и прочего имущества.

³ Сугум – добровольное приношение казахов скотом в пользу своих владетелей.

та, хан Жангир стал раздавать своим родственникам и приближенным отдельные участки в личное владение, подтверждая права на землю специальными ярлыками, свидетельствами или записками.

Родоправители (султаны) и старшины (возглавлявшие несколько аулов) концентрировали в своих руках полицейскую и административную власть, назначались ханом и руководствовались его приказами или собственным произволом. Хан лично устанавливал содержание старшинам в зависимости от заслуг каждого, а родоправители собирали с вверенных им казахов тот самый сугум на свое содержание. В качестве судебной инстанции хан окончательно судил гражданские дела казахов. Его суду подлежало и большинство уголовных дел, за исключением захвата и продажи русских в плен, разбоя и убийства, которые передавались Оренбургской пограничной комиссии. Жангир практически свел на нет народный суд биев, все чаще и чаще передавая подсудные ему дела на разбирательство родоправителей и старшин.¹ В 1837 г. хану удалось добиться ограничения юрисдикции судов Астраханской губернии. Теперь они могли безоговорочно требовать высылки из орды лишь тех казахов, чье непосредственное участие в процессе было необходимо. Решение о возможности снятия показаний с других казахов, равно как и претензии на подведомственное население, Жангир принимал самостоятельно [6, с. 45-46]. И лишь ближе к концу правления Жангира правительство изъяло из юрисдикции хана дела по важным преступлениям, предав их общему поряд-

ку и ограничив судебные полномочия хана делами малозначительными [7, с. 794]. Несмотря на то, что Внутренняя орда состояла в прямом непосредственном подчинении оренбургскому начальству, «... сношения эти ограничивались или вопросами о разъяснении недоразумений по исполнению правительственных распоряжений, или же просьбами об оказании содействия к охранению в орде тишины и спокойствия; в прочих же делах хан действовал самостоятельно».²

В феврале 1838 г., по именному императорскому указу, управление казахами Внутренней орды перешло от Оренбургского губернского правления в ведение Министерства государственных имуществ, которое своей важнейшей задачей поставило создание предпосылок для сближения ее с остальной Россией и распространения на этот край общероссийского порядка управления.

В 1844 г. по предложению МИД было принято решение изъять Внутреннюю орду из ведения Оренбургской пограничной комиссии, сохранив прежнее положение в качестве временной меры на один год. Но, как водится, временная мера приобрела перманентный характер и на долгие годы ничего не изменила в местном подчинении астраханских казахов.

Наиболее взвешенный подход продемонстрировало, как и следовало ожидать, Министерство государственных имуществ (МГИ). Оно избрало вектор на постепенную ликвидацию ханского управления, что являлось очевидным препятствием в деле ликвидации самобытности Внутренней орды. Министерство считало необходимым если

¹ РГИА. Ф. 3812 Оп. 44. Д. 20673. Л. 56-57об.

² Там же. Л. 58об.

не упразднить ханскую власть совершенно, то сколь возможно ослабить ее. Проект министерства 1846 г. предусматривал следующие меры: поставить ханское управление в зависимость от главного попечителя астраханских инородцев (управляющего Астраханской палатой государственных имуществ), объединив таким образом управление астраханскими казахами и калмыками, и учредить в орде русскую канцелярию; назначить хану в качестве старшего советника Ханского совета чиновника МГИ с правом исполнения ханских обязанностей во время его отсутствия.¹ В случае смерти хана следовало всеми способами задержать утверждение его преемника с целью введения постоянного российского управления. От такого развития событий не должно было удержаться даже утверждение ханского наследника, ибо последнего предлагалось удерживать в столице каким-нибудь почетным назначением, оставив управление ордой в руках старшего советника.²

Министерский проект 1846 г. предусматривал учреждение во Внутренней орде особой управы для разбирательства дел между представителями пришлого населения и производства следствий по уголовным делам казахов. В нее должны были входить два российских чиновника (один в качестве председателя) и один член из казахов. Председатель должен был назначаться министром государственных имуществ по представлению главного попечителя, одобренному астраханским военным губернатором (пола-

галось, что Внутренняя орда вскоре полностью перейдет в астраханское ведение), российский член управы – военным губернатором по представлению главного попечителя, а член из казахов должен был назначаться ханом.³

Внезапная смерть Жангира (1845) ускорила действия правительства по трансформации ханской власти. Обстоятельства развернулись в сторону имперской администрации, которая, воспользовавшись ситуацией, решила упразднить власть хана, сопряженную не только с высочайшим доверием, но и со злоупотреблениями им (самовольный захват и раздача земель, установление сборов в свою пользу и т.п.).

В январе 1846 г. оренбургским военным губернатором был утвержден Временный совет для решения не только важнейших дел, но и для повседневного управления Внутренней ордой [1, с. 736]. Временный совет под председательством управляющего Ордой султана Адила Бокеева состоял из двух казахских советников (султанов Менглигирея Бокеева и Чуки Нуралиева) и советника от Министерства государственных имуществ. Совет был непосредственно подчинен Оренбургской пограничной комиссии [1, с. 745-746], и фактическим распорядителем в нем был российский чиновник [1, с. 751-752]. Этому органу предоставлялось право решать все дела, предоставленные прежде рассмотрению и решению хана. Внутренняя орда оставалась под непосредственным начальством Пограничной комиссии и оренбургского военного губернатора в ведении Министерства государственных имуществ.

¹ Эта мера как раз и имела целью подготовить в будущем упразднение ханской власти как таковой.

² РГИА. Ф. 3812. Оп. 44. Д. 20673. Л. 61-62.

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 78. Оп. 2. Д. 18. Л. 4-6об.

В связи с тем, что организация совета и необходимость опеки над малолетними наследниками хана Жангира и их имуществом значительно увеличили круг деятельности Пограничной комиссии, в 1847 г. при ней открылся особый временный стол по делам Внутренней орды в составе столоначальника, двух помощников, одного помощника бухгалтера, помощника регистратора и шести писцов [1, с. 787-788]. Временный стол входил в состав Оренбургской пограничной комиссии как часть ее судного отделения под руководством советника этого отделения. Возникшие в связи с этим неудобства и трудности вызвали потребность преобразования временного стола во временное отделение с особым начальником во главе.

26 января 1853 г. П.Д. Киселев уведомил оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского о том, что его предложения об уничтожении ханской власти во Внутренней орде и отстранении потомков Жангира от должностей внутри орды были приняты императором. Наследники последнего хана получили причитающееся им недвижимое и движимое имущество и были лишены права на какие-либо поступления от сборов, взимаемых с орды. Корнет князь Ибрагим Чингис был определен на службу в полк [1, с. 823-824].

Ради обеспечения единства управления с Малой ордой 8 января 1862 г. Внутренняя орда была передана из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство внутренних дел, сохранив при этом зависимость от оренбургского генерал-губернатора.

Краткий анализ российского законодательства о Казахской степи пер-

вой половины XIX в. показывает, что к середине столетия во Внутренней (Бокеевской) орде сложилась самостоятельная административная модель, основанная на комбинировании местных традиций и бюрократических реалий империи, что кардинально отличало ее от административных систем других частей подведомственных России казахских земель. Проведенное исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что российское правительство в Казахской степи шло по пути поиска оптимального образца для дальнейших административных преобразований в русле превращения региона в единое целое с государственным организмом, учитывая при этом особенности местной внутренней и внешнеполитической обстановки. Самостоятельность, замкнутость и определенная целостность бокеевской административной системы свидетельствует о целенаправленной административно-политической деятельности правительства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. История Букеевского ханства. 1801-1852 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
2. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771 – 1867 годы) (Сборник документов и материалов) / Ред. кол. М.О. Джангалин, Ф.Н. Киреев, В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Наука, 1964. 574 с.
3. Левшин А.И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
4. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.). Т. IV. / Отв. ред. М.П. Вяткин. М.; Л.: АН СССР, 1940. 543 с.

5. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. Наук КазССР, 1960. 441 с.
 6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. XII. 1837. СПб., 1838.
 7. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XIV. 1893. СПб., 1840.
 8. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXX. 1808-1809. СПб., 1830.
- Литература:
9. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Росспэн, 2014. 471 с.
 10. Ерофеева И.В. Внутренняя, или Букеевская, орда в первой половине XIX в.: история и историография // История Букеевского ханства. 1801-1852 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 3-23.
 11. Любичанковский С.В. Имперский опыт управления культурно-гетерогенным пространством в северной зоне Арало-Каспийского макрорегиона // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Мат-лы II Межд. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Респ. Казахстан. Алматы; Актобе: Арыс, 2011. С.86-90.

УДК 070.482

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-86-94

Архипов С.В.*Московский государственный областной университет***РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. В ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)**

Аннотация. В данной статье автор рассматривает отражение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в церковных периодических изданиях того времени, используя материалы газеты «Московские Епархиальные Ведомости». Основываясь не только на газетных статьях и заметках, но и задействовав пласт архивных источников, автор статьи в результате исследования приходит к выводу, что, несмотря на отдельные преувеличения и политическую ангажированность, газета, в целом, объективно освещала военные события.

Ключевые слова: русско-турецкая война, Московские Епархиальные Ведомости, православная периодика, колумнисты, журналистика, благотворительность.

S. Arkhipov*Moscow State Regional University***RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878 IN CHURCH PERIODICALS (ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER "THE MOSCOW DIOCESAN NEWS")**

Abstract. In this article the author examines the reflection of the Russian-Turkish war of 1877–1878 in church periodicals of the time, using materials of the newspaper "The Moscow Diocesan News". Based not only on newspaper articles and notes, but also having involved a great amount of archival sources, the author comes to the conclusion that despite some exaggerations and political partisanship, the newspaper, in general, highlighted the military events objectively.

Key words: Russian-Turkish war, The Moscow Diocesan News, Orthodox periodicals, columnists, journalism, charity.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была одним из самых главных этапов Восточного кризиса 1875–1878 гг. До этого помогавшая в обретении долгожданной независимости восставшим боснийцам и черногорцам, а затем и болгарам в 1875–1876 гг., Российская империя преследовала также и собственные внешнеполитические интересы и старалась, с одной стороны, не идти на поводу у т.н. «Европей-

ского Концерта», а с другой стороны, тщательно искать союзников в Европе для создания военно-политической коалиции.

За событиями русско-турецкой войны напряженно следили редакции большинства периодических изданий, существовавших на тот момент в России. Явно не оставалась в стороне и церковная периодическая печать. Несмотря на то, что к середине 70-х гг. XIX в., церковная периодика находи-

© Архипов С.В., 2015.

лась в начальной стадии развития (например, официальный печатный орган Святейшего Правительствующего Синода Православной Российской Церкви журнал «Церковный вестник», издаваемый при Санкт-Петербургской Духовной Академии, начал издаваться лишь с 1875 г.), новостные отделы газет и журналов старались знакомить читателей наиболее полно со сводкой последних новостей. Начиная с 1875 г., во многих журналах велась специализированная рубрика, посвящённая известиям с Востока, содержащая как новости из Болгарии, Сербии и Черногории, так и новости из Восточнохристианского мира, в особенности, из Иерусалима и Греции.

Церковная Газета «Московские Епархиальные Ведомости, издание при Обществе любителей духовного просвещения», а именно данное название этой газеты было полным, начала свое существование в 1869 году. Инициатором создания газеты являлось вышеупомянутое общество, созданное за 6 лет до этого по благословению митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), поставившего цель создать организацию, которая должна была «способствовать распространению и возвышению в духовенстве, а также в прочих классах народа, религиозно-нравственных и других, потребностям православной веры соответствующих, познаний» [22].

Первоначально членами общества являлись исключительно представители московского духовенства, но, со временем, доступ в Общество был разрешён, пусть и верующим, но светским лицам.

Главная задача газеты – «...заменять для духовенства светские еже-

дневные издания» [23, с. 24], при этом, «...отличаясь характером церковности, газета Общества каждое явление русской государственной и общественной жизни, каждый новый факт, еще не успевший найти себе место в других изданиях, старалась осветить церковным светом» [23, с. 14]

Газета выходила раз в неделю, стоимость годовой подписки, по состоянию на 1877-1878 г., составляла 3 руб. 50 коп., дополнительно взимался 1 руб. за доставку и пересылку.

В газете было 12 рубрик, присутствовавших, однако, не во всех номерах газеты: рубрика «Церковь и духовенство», содержащая как разнообразные сообщения о событиях из церковной жизни, так и выдержки из официальных документов Святейшего Синода; рубрика «Воскресные беседы, слова и речи», включающая в себя проповеди разных священников; рубрика «Богослужения и духовные торжества», оповещавшая читателей известиями о различных событиях духовно-богослужебной жизни; рубрика «Общества, советы и братства», в которой присутствовали отчеты, извлечения из протоколов собраний разных благотворительных, образовательных и иных обществ; рубрика «Историко-статистический отдел», в которой печатались как официальные распоряжения, указы, циркуляры, манифесты из «Правительственного вестника» и других официальных печатных органов светской власти, так и сообщения о деятельности Императора, а во время войн – последние сводки о сражениях, продвижении русских войск и прочих событиях. Рубрика «Духовно-учебные заведения» докладывала о событиях из духовных семинарий и академий;

рубрика «Народное образование» рассказывала о вопросах распространения грамотности и об открытии новых начальных и средних учебных заведений в Московской и иных губерниях; рубрика «Раскольники» знакомила читателей с информацией о различных новых течениях в старообрядчестве. Рубрика «Известия с Запада» доносила до читателей информацию о самых значимых переменах в духовной и политической жизни Западной Европы, а рубрика «Известия с Востока» ставила своей задачей знакомить подписчиков газеты с бедственным положением христиан в разных странах христианского Востока, в первую очередь, конечно же, с отношением к христианам в Османской империи. По линии этой рубрики «Ведомости» сотрудничали с рядом европейских, американских газет, а также периодических изданий Османской империи, и перепечатывали разные новости из них. Наконец, рубрика «Библиография» информировала о выходе в свет всевозможных книг и брошюр, а завершавшая каждый выпуск рубрика «Объявления» и вовсе мало чем отличалась от подобной рубрики в каком-либо секулярном периодическом издании.

Поскольку к 1 января 1877 г. война уже неофициально велась (ей предшествовала волна мобилизации, объявленная 2 ноября 1876 г. [3, с. 347], за 9 дней до начала войны была также объявлена мобилизация), а общественное мнение было должным образом подготовлено к началу боевых действий, всё внимание СМИ было приковано к восточному вопросу. В первом же номере за 1877 г. выходит статья «Религиозное значение Восточного вопроса» [2, с. 1]. В ней рассказывается о всеобъемлю-

щем характере «славянского движения», охватившего и воодушевившего большинство населения Российской империи. Сравниваются страдания болгарских, сербских и черногорских христиан с мучениями первых христиан.

«Политическое рабство отдельных народов есть следствие и выражение общественного рабства духовного, это есть борьба царства света и царства тьмы, и как первая и решительная победа добра над злом, ... совершена на кресте» [2, с. 1]. Проводится аналогия также с библейскими страдальцами, аналогия с Царством Израильским, постоянно притесняемым в ветхозаветные времена многочисленными захватчиками. Современная Османская империя представлялась своеобразным Египтом XIX в. [2, с. 1]. Высказывается мнение, что, фактически, массовое кровопролитие болгар во время Апрельского восстания стало веской причиной для возникновения решительного стремления к освобождению Балканских государств от иноземного ига, этим стремлением в то время была одержима отечественная общественная мысль [2, с. 3].

С начала апреля, ввиду неизбежности начала военных действий, активизировалась рубрика «Историко-статистический отдел», в которой, начиная с этого времени, неумоимо перепечатывался «Правительственный вестник» в каждом номере. В этом смысле, «Ведомости» стали крайне оперативно сообщать обо всех событиях войны, о продвижении русских войск, о погибших и раненых.

В № 17 Московские Епархиальные Ведомости сообщали про события 12 апреля 1877 г. Газета рассказывала,

как в торжественной обстановке, в Кишинёве, при полном параде войск, Государь Император Александр Николаевич присутствовал при чтении Высочайшего манифеста об объявлении войны Турции. За день до этого, в час пополудни, 11 апреля 1877 г., через город проследовал транзитом Царский поезд. После краткой остановки на городском вокзале поезд направился в Унгены для осмотра императором собранных там войск. К вечеру же поезд вновь приехал в Кишинев, где прибывшим был обеспечен достойный прием. В составе августейшей делегации, помимо самого императора, были также: наследник цесаревич Александр Александрович, будущий Император Всероссийский (1881-1894), главнокомандующий действующей армией, великий князь Николай Николаевич Старший, и Николай Николаевич Младший [4, с. 142]. Утром на следующий день император со свитой вошёл в Кафедральный Собор г. Кишинёва, где Епископ Кишинёвский и Хотинский, Преосвященный Павел, произнес пламенную и особо запомнившуюся речь. Во время выступления епископ назвал Порту «вратами адовыми» [4, с. 142], и, избилуя безмерно восхваляющими императора речами, призвал избавить народы Балкан от «адских мучений». После молебна Александр II, сопровождаемый Преосвященным, направился к Скаковому полю, на котором уже готовые войска собирались в любой момент ринуться в бой [4, с. 143].

И именно Преосвященному Павлу, епископу Кишинёвскому и Хотинскому, выпала роль впервые огласить Высочайший Манифест о вступлении российских войск в пределы Турции¹.

¹ Российский государственный историче-

ская реакция москвичей на объявление войны Турции была сверхэмоциональной: «В Москве весть о Высочайшем манифесте, разнеслась того же 12 апреля, в 5-м часу пополудни. Москвичи, к общему своему удовольствию, узнали из разосланных телеграмм Высочайший Манифест об объявлении войны Турции <...>. Бюллетени эти раскупались народом, если можно так выразиться, в драку; что запрашивали с публики разносчики, то им и давали; некоторые платили по 5 рублей за экземпляр и, обнаживши свои головы, читали их собравшемуся кружку людей, которые выслушав Высочайшую волю, осеняли себя крестным знаменем и кричали ура» [3, с. 131].

По истечении некоторого времени после начала войны император Александр II прибыл в Москву, чтобы в древней столице России получить поддержку своего решения. Результаты превзошли все его ожидания. «Московские Епархиальные Ведомости» красочно живописали это событие: «Еще задолго до прибытия Императорских поездов массы народа направились к станциям Курской и Николаевской железных дорог, и сплоченными рядами заняли улицы. Иллюминация Курского вокзала была великолепна, платформа представляла собою оранжерею тропических растений и живых цветов, среди которых красовался мраморный бюст Государя Императора. Вдоль вокзала, с его внутренней стороны, горел целый ряд газовых звезд и орлов, а на площади против вокзала, из газовых же рожков, горела лента «Боже царя храни», слева громадный щит с вензелем Государя

ский архив (далее — РГИА). Ф.796, Оп.158, Д. 1082, Л. 32.

Императора и с надписью: «Царствуй на славу нам, царствуй на страх врагам», а слева – большое электрическое солнце. Трудно себе вообразить несметное множество собравшегося еще засветло народа» [5, с. 160].

После прибытия в город государя народный восторг разгорелся с еще большей силой: «По обеим сторонам пути стояли сплошные массы народа, на площадях народ теснился живою стеной. Никогда такие массы народа не собирались на московских улицах. Трудно изобразить взрыв народного энтузиазма при виде Государя. Народная волна заколебалась порывисто, и громовый клик пронёсся по Москве. Весь путь от Курской станции до Кремля был великолепно иллюминирован и пестрел тысячами национальных флагов, торжественно развевавшихся в воздухе» [5, с. 160].

Весьма интересными являются статьи колумнистов газеты, часто не подписывавшихся или указывавших лишь инициалы и высказывавших свое личное мнение относительно тех или иных новостей. Разумеется, оно не только полностью совпадало с точкой зрения государственной периодики, но даже и во многом ее превосходило по проявлению верноподданничества перед Императором: «В религиозной и гражданской жизни русского народа есть особые, выдающиеся, светло торжественные минуты, какие едва ли можно найти в жизни других народов. В эти-то особые минуты все русские, без различия званий и состояний, под одним живым всеобъемлющим впечатлением или высокой, духовной радости, или могучего народного энтузиазма к своему Царю и отечеству, сливаются духом воедино,

в одну живую душу, в одну родную семью [6, с. 173]. Возьмем для примера чудную, единственную для всего христианского мира, спасительную ночь, с её ничем не сравнимую пасхальной утреней. Вот в один и тот же торжественный час священной полуночи, на всем громадном протяжении Российской империи от Черного и Балтийского морей до Северного и Восточного океанов, в бесчисленных православных храмах Божиих. <...> Разве это не есть высочайшее гражданское торжество, как бы народное русское Светлое Воскресение, во время которого все, как братья, сливаются духом воедино в одном высоком чувстве беспредельной любви и преданности к своему Царю и Отечеству? Разве это не есть высшее проявление народного энтузиазма, в котором, равно как в православии, кроется вся тайна силы и величия святой Руси? Да, подобные минуты незабвенны. Они принадлежат истории» [6, с. 174]. Сравнение посещения Москвы смертным человеком, пусть и считающимся Помазанником Божиим, с самым главным христианским праздником, как минимум, неуместно.

Воззвания архиереев, печатавшиеся в «Ведомостях», давали понять православному народу, что война идет не против турок, как этноса, но против всего ислама, как религии, таким образом – это священная война. Данный посыл присутствовал в предложении Преосвященного Гурия, епископа Таврического и Симферопольского [7, с. 188].

Вызывает немалый интерес статья под названием «Беседа пастыря с православными воинами по случаю настоящей войны с турками». Пропагандистская, избыточная примера-

ми из Священного Писания и Житий Святых, она настраивает солдат на ратное дело. Ислам, который, по словам священника, предписывает своим последователям поголовное избивание всех, не принадлежащих к нему, даже невинных, может считаться даже хуже язычества [7, с. 184]. После этого пастьерь напрямую выражает желание, подкреплённое молитвой, о совершенном исчезновении ислама, «...не меньше, а даже больше, чем язычества и идолопоклонства» [7, с. 184].

В военное время газета не забывала про православных братьев, оказавшихся по ту сторону фронта. «Известия с Востока» сообщали, например, о тревожном положении дел перед войной [4, с. 158], о действиях Патриарха Константинопольского Иоакима: сразу после начала военных действий он разослал окружное послание, в котором он «...старается не только всеми зависящими от него средствами, как материальными, так и моральными, поддержать турецкое правительство в борьбе его с Россией, но даже обвиняет русское правительство в том, что оно, преследуя свои собственные исключительные цели, воспользовалось возникшими в Турции внутренними затруднениями и возбудило против нее несправедливую войну» [11, с. 254]. Вскоре Патриарх составил молитву о даровании победы турецкому оружию [9, с. 230]. Османскую империю поддержал не только патриарх, за лояльность которого к султану тот во время аудиенции 11 июня [9, с. 231] посадил его рядом с собой, и, возложив высшую награду Империи – Орден Османіе 1-й степени, сказал: «Если Вам когда-нибудь захочется меня видеть, приходите без церемонии и, не пред-

упреждая вперед о Вашем посещении». Султана горячо поддержали не только афонские монахи [14, с. 331], надеясь, таким образом, обеспечить невмешательство Порты во внутренние афонские дела. Но султана поддержал Болгарский Экзарх – руководитель анафематствованной Константинопольским Патриархатом Церкви. К ней с огромным состраданием относились в России, ей материально помогали, и впоследствии представители РПЦ даже поддерживали евхаристическое общение, тем самым выражая протест против несправедливого решения 1872 г. В послании к своей пастве Экзарх обвинял Россию, «...которая, прикрываясь мотивами, по-видимому, великодушными, хочет положить препятствия благородным и высоким усилиям Порты и довести до конца свои разрушительные стремления против царства и его народов» [11, с. 254]. Вероятно, это было вызвано тем, что автокефалию болгарам даровал именно султан, и за это они ему были бесконечно благодарны, а Россия, считали они, может в самый неудобный момент, солидаризируясь с Константинопольским Патриархом, также предать анафеме мятежную церковь.

Каждая крупная победа как русского, так и общеславянского оружия торжественно отмечалась в Москве молебнами. Так, например, было 17 июня, когда после победы черногорского войска численностью 8000 человек над 40-тысячным турецким корпусом Сулеймана-паши, было совершено торжественное благодарственное молебствие в церкви Сербского подворья и в Казанском соборе, на котором присутствовали члены Славянского Благотворительного общества [10, с.

247]. А 7 ноября в Успенском соборе Кремля был совершен благодарственный молебен по случаю взятия крепости Карс. 29 ноября, в 2 часа дня, в Успенском соборе Московского Кремля, по случаю взятия Плевны было совершено торжественное с коленопреклонением, благодарственное молебствие, Высокопреосвященнейшим митрополитом Иннокентием (Вениаминовым) и Преосвященнейшим Игнатием со старшим духовенством, на котором присутствовали московский генерал-губернатор, князь Владимир Алексеевич Долгоруков; командующий войсками Московского округа Гильденштуббе, губернатор Дурново; попечитель учебного округа Князь Мещерский, обер-полицмейстер, градский глава, предводители дворянства, и многие другие [15, с. 447].

19 февраля 1878 г., день заключения Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, совпал с 23-й годовщиной воцарения Императора. Поэтому московские молебны в этот день отличались двойной торжественностью. Проповедь священника Сергия Модестова, посвященная этим событиям, содержала в себе переплетение смыслов двух праздников, указывала на особый символизм совпадения данных торжеств [20, с. 89].

Немало материалов газеты во время войны были посвящены как церковной благотворительности, так и сбору пожертвований в пользу сначала санитарных нужд действующей армии, а затем и в пользу больных и раненых воинов.

Как известно из архивных источников, члены Святейшего Синода в самом начале войны призвали духовенство и мирян к пожертвованиям

на санитарные нужды армии¹. С осени 1877 г., ввиду наступающих холодов и продолжающихся военных действий и существенного увеличения расходов на войну, Синод призвал монастыри и скиты, находящиеся вдоль железных дорог, предоставить все свободные и резервные помещения для устройства госпиталей для выздоравливающих или больных воинов и изготавливать все необходимые материалы для перевязки больных и раненных воинов².

Сбором пожертвований на военные нужды занимались две организации: Славянско-Благотворительное общество, известное также как Славянский Комитет [1, с. 353], и Общество попечения о больных и раненых воинах, вскоре после войны переименованное в Общество Красного Креста. Славянское благотворительное общество начало свою деятельность в Москве 1858 г. и имело два филиала – в Санкт-Петербурге и Киеве. А Общество попечения о больных и раненых воинах, основанное в 1867 г., имело собственные склады для хранения гуманитарной помощи в крупных городах Российской империи.

В 33-м номере Московские Епархиальные Ведомости описывали официальное открытие больницы при Никола-Угрешском монастыре [12, с. 301]. Как известно из архивных источников, соинвесторами врачевницы выступили пустыни: Давидова, Берлюкова, Екатерининская; монастыри: Пешношский, Гуслицкий, Старо-Голутвин, Ново-Голутвин, Белопесоцкий, и в итоге была собрана рекордная сумма: 22559 руб. 22 коп.³. Первая партия раненных

¹ РГИА, Ф. 797, Оп.97, Д.433. Л. 265 – 265 об.

² Там же, Л. 139.

³ РГИА, Ф. 796, Оп. 158, Д.1413а, Л. 60 об.

была встречена 29 июля и торжественно препровождена в сам монастырь [12, с. 302]. Уже в начале 1878 г. в газете были размещены репортажи об открытии госпиталей в Даниловом [17, с. 48]. Спасо-Андрониковом [19, с. 80], и Саввино-Сторожевском [18, с. 74] монастырях, а также в Троице-Сергиевой Лавре [13, с. 311].

Во многих номерах газеты в военное время присутствовали объявления о сборе пожертвований бедствующим народам Балканского полуострова, а также больным и раненым воинам.

Тем не менее, несмотря на то, что война была основным лейтмотивом большинства газетных сообщений и статей, читателям газеты всё же напоминали, что война не мировая, а значит, есть время (и место) для публикации новостей, совсем не относящихся к военной тематике. Никакая война не могла помешать, например, подготовке к празднованию столетнего юбилея со дня рождения Императора Александра I [8, с. 216], отмечавшегося крайне помпезно: были проведены торжественные богослужения [16, с. 465], собрания [16, с. 466], акты [16, с. 467].

Даже подводя итоги 1877 г., и говоря о самом важном событии прошедшего года, газета ставит на одно по значимости место войну и антиправительственную пропаганду анархистов-революционеров: «...в то время, как цвет русского народа – воинство, износит мир вовне и терпит для того всевозможные лишения, пред нами фигурирует кучка людей – фантазирующих недоумков, с замыслом ниспровергнуть существующий государственный порядок, т.е. внести смуты и беспорядок внутрь»

[17, с. 35]. Однако данная акцентуация всё же является вполне оправданной, учитывая тяжелую и фактически предреволюционную ситуацию в обществе: анархисты, действительно, на протяжении 70-х гг. XIX в., занимались так называемым «хождением в народ», заключающемся в массовой идеологической обработке провинциального, доверчивого населения и навязывания анархистской идеологии, а к концу десятилетия начали переходить к прямому физическому уничтожению чиновников разного ранга: частота террористических актов резко увеличивалась, и, буквально через год после окончания войны, в 1879 г., на Александра II было совершено очередное дерзкое покушение.

Отношение газеты к Берлинскому конгрессу было достаточно непоследовательным: издание буквально умалчивало о событиях, происходивших во время конгресса. Лишь в № 27 за 1878 г. была помещена статья, в которой рассказывалось, как 24 июня в Предтеченской под Бором церкви, на престольный праздник, протоиерей Иоанн Рождественский произнёс весьма пламенную проповедь по поводу приглашения к пожертвованиям на приобретение морских судов добровольного флота, в которой обличал как Турцию, желавшую взять реванш после войны, как поддержавших ее Англию и Францию, так и нежелание вновь воевать (в случае эскалации конфликта) у русских [21, с. 245], указывая, что Россию запугать невозможно, даже несмотря на то, что полноценного флота у нее на Черноморье так и не появилось. Священник критикует руководство страны, которая под напором западных держав вот-вот уступит все приобре-

тения, доставшиеся Империи кровью тысяч людей [21, с. 245].

Сам Берлинский трактат не только не удостоился публикации в газете, но более того, все политические вопросы, связанные с окончанием Берлинского конгресса, были, как бы намеренно, обойдены изданием. Очевидно, что газета заняла достаточно осторожную позицию по этому поводу, поэтому издание сконцентрировало усилия на других рубриках.

Таким образом, газета Московские Епархиальные Ведомости старалась описать основные события русско-турецкой войны 1877-1878 годов с достаточной степенью объективности. Статьи колумнистов и корреспондентов включали в себя реальные описания фактов, но не были лишены патетики и гиперболизации в описании сюжетов. С другой стороны, отечественная церковная журналистика переживала период становления, ошибки в развитии были неизбежны, неизбежно было также наличие повествования, неотделимого от политической конъюнктуры того времени. Церковь на тот момент не была независимой и отделенной от Государства, поэтому была вынуждена следовать его общественно-политическим трендам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877-1878 гг. : дисс. ... д. и. н. Саратов, 2012. 655 с.
2. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 1.
3. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 16.
4. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 17.
5. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 18.
6. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 19.
7. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 20.
8. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 22.
9. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 24.
10. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 26.
11. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 27.
12. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 33.
13. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 34.
14. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 37.
15. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 49.
16. Московские Епархиальные Ведомости. 1877, № 51.
17. Московские Епархиальные Ведомости. 1878, № 4.
18. Московские Епархиальные Ведомости. 1878, № 7.
19. Московские Епархиальные Ведомости. 1878, № 8.
20. Московские Епархиальные Ведомости. 1878, № 9.
21. Московские Епархиальные Ведомости. 1878, № 27.
22. Общества. [Электронный ресурс] // Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/073/73519.shtml> (дата обращения: 21.06.2015).
23. Соловьев И.Е. Общество Любителей Духовного Образования за двадцать пять лет своего существования (1863–1888) // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1889. С. 13-25.

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-95-101

Грищенко Ю.И.*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)*

ПОДГОТОВКА КАДРОВ КОМАНДНО–НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (1937–1941 гг.): ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются специфические аспекты системы подготовки командных кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в предвоенные годы (1937 – 1941 гг.), которой, равно как любой системе, были присущи определённые противоречия. Автор выделил главные из них, а также проанализировал сильные и слабые стороны обеспечения армейских частей и военно-учебных заведений командным и начальствующим составом накануне Великой Отечественной войны. Автор в своей статье опирался на данные архивных фондов, которые только недавно были введены в широкий научный оборот. Особое внимание при этом было направлено на рассмотрение предложений руководства Красной Армии по устранению недостатков в подготовке кадровых командиров и начальников в военных училищах и переподготовке командно-начальствующего состава запаса.

Ключевые слова: подготовка кадров командного и начальствующего состава, предвоенные годы, противоречия системы подготовки командных кадров, подготовка командно-начальствующего состава запаса в системе гражданских учебных заведений.

Yu. Grishchenko*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

TRAINING COMMAND-OFFICERS OF THE RED ARMY IN THE PREWAR YEARS (1937–1941): CONTRADICTIONS AND WAYS OF OVERCOMING THEM

Abstract. The article describes the specific aspects of the system of training the command staff of the Workers - Peasants' Red Army (Red Army) in the pre-war years (1937 - 1941), which, like any system, had certain inherent contradictions. The author identified the main ones, as well as analyzed the strong and weak points in the provision of army units and military-educational institutions command and supervisory staff on the eve of the Great Patriotic War. The author in his article based on the data of archival funds, which have only recently been introduced into the scientific circulation. Special attention is paid to the Red Army leadership's proposals to correct deficiencies in the process of training commanders and chiefs of staff in military schools and training command personnel reserve

Key words: training commanders and chiefs of staff, the pre-war years, the contradictions of the system of training command personnel, training command personnel reserve in the system of civil educational institutions.

© Грищенко Ю.И., 2015.

Минувшее 70-летие Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. потребовало от российских и зарубежных историков по-новому переосмыслить многие спорные моменты как самой войны, так и предвоенной истории. Немалый интерес в связи с этим вызывает у исследователей подготовка кадров командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии в последние предвоенные годы (1937-1941 гг.). Она является во все времена одним из главных элементов военного строительства. По мнению ряда военных историков, она представляет собой целенаправленную организационную деятельность государственных и военных органов по отбору, обучению, воспитанию, расстановке военных кадров и совершенствованию их знаний и навыков в военно-учебных заведениях, войсках и в запасе [3, с. 53-82; 4, с. 49-96; 5, с. 12-13].

В связи с этим важность периода последних предвоенных лет заключается в том, что с 1937 по 1941 гг. в Советском Союзе была создана система подготовки руководящих кадров армии и флота, которая, несмотря на ее недостатки, обеспечивала командно-начальствующими кадрами армию на протяжении всей войны. А они, в свою очередь, доказали свою состоятельность и эффективность, в конечном счете победив сильнейшего в мире противника. Актуальность данной проблемы также доказана в ходе исследования факторов совершенствования организационной и воспитательной деятельности по подготовке командных кадров РККА, что само по себе является важным историческим опытом для развития аналогичной системы в современных Вооруженных силах.

Развитие и совершенствование системы подготовки военных кадров, как и любой социально-политический процесс, имело свои противоречия, причем в исследуемый период некоторые из них носили антагонистический, непримиримый характер. На наш взгляд, целесообразно выделить главные из них, которые были своеобразно, в духе того времени и «борьбы с вредительством» изложены в докладе Управления по командно-начальствующему составу РККА «О состоянии кадров и о задачах по подготовке кадров» заместителя наркома обороны СССР Е.А. Щаденко. Он был направлен 20 ноября 1937 г. в Политбюро ЦК ВКП (б) И.В. Сталину, в СНК СССР В.М. Молотову, в НКО СССР К.Е. Ворошилову, в Оргбюро ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву.

Исходя из содержания доклада, к этим противоречиям учебной работы в училищах (по категоричному выражению Е. Щаденко, «моментам, явно вредительским и еще не ликвидированным») были отнесены:

- несоответствие учебных программ подготовки лейтенантов и других специалистов возросшим требованиям к командиру для ведения современного сложного боя;

- отсутствие достаточных технических знаний для правильного использования постоянно совершенствующейся современной армейской техники. При этом в докладе были названы «особо засоренными», т.е. с большим количеством «вредительских моментов» – (нетерпимых и опасных недостатков. – Ю.Г), автобронетанковые училища;

- практически полное отсутствие командирской учебы с командным и

преподавательским составом училищ, призванным обучать курсантов военному делу;

- оторванность руководящего состава училищ от войск: редкое привлечение их на маневры; отсутствие войсковых стажировок; отставание в оперативно-тактическом росте;

- недостаточное внимание к практике в войсках курсантского состава. Курсанты выпускных курсов привлекались для стажировки в войсках только на один месяц – на последнем курсе, следствием этого являлась недостаточная практическая подготовка, недостаточные организационно-методические навыки, и по приходе в войска молодого лейтенанта приходилось доучивать по практическим вопросам его командной работы;

- недопустимая «уравниловка» в оплате труда преподавателей. Установленный одинаковый оклад содержания преподавателям всех специальностей во всех училищах составлял 475 руб. и был равен окладу командира роты в войсках. Это противоречило установкам, данным народным комиссарам в приказе № 34 от 17.3. 37 г. о подборе и назначении в училище лучших и квалифицированных командиров и привело к:

а) к «вредительской» уравниловке в зарплате преподавателей;

б) затруднениям в назначении квалифицированных преподавателей с высших, чем командир роты, должностей из войск;

в) к созданию нездоровых настроений у преподавательского состава училищ.

В итоге заместителем наркома обороны СССР Е.А. Щаденко был сделан вывод: «...все это, вместе взятое,

приводит к тому положению, что на сегодняшний день мы не даем армии полноценного по своей подготовке лейтенанта»¹.

Для «ликвидации последствий вредительства в подготовке кадров в военных училищах» Е. Щаденко предлагал: создать специальные курсы на 40-50 чел. при академиях для подготовки преподавателей по всем специальностям; для комсостава училищ установить обязательную стажировку в войсках через каждые два года пребывания командира в училище и привлекать комсостав училищ на ежегодные маневры войск; немедленно пересмотреть программы военных училищ, приведя их в соответствие с требованиями сегодняшнего дня; стажировку в войсках (практику) курсантов начитать со 2-го курса, удлинив ее срок до 2-3 месяцев; стажировку в войсках курсантов выпускного курса производить не менее 3 месяцев с использованием их на должностях командиров взводов; дифференцировать зарплату преподавательского состава по специальностям и степени подготовленности преподавателя (артиллеристы, инженеры академии и т.д.); просить руководство страны и Наркомат обороны дать указания военным советам округов об изучении кадров военных училищ на предмет выдвижения ценных командиров на высшие должности в войска с одновременным подбором взамен них достойных, отвечающих требованиям приказа Наркомата обороны № 34 от 16.3. 1937 г. командиров из войск [1].

При рассмотрении такого рода ре-

¹ Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 947. Л. 3-29, 40-51, 61.

шений военного руководства автор ставил перед собой цель: выяснить сущность противоречия между количественной потребностью в командном и преподавательском составе и его реальным качественным состоянием. К сожалению, при этом всесторонне не учитывались недопустимо слабые профессиональные качества многих командиров и начальников, заменивших репрессированных либо уволенных из РККА по принципу преданности большевистской партии, руководству государством и РККА. При этом военная квалификация была принесена в жертву политике и безопасности большевистской системы.

Основными вопросами комплектования армии комсоставом являлись вопросы некомплекта и предельные возрастные сроки. Уже к 1937 г. из-за массовых репрессий и чисток от «вредителей» некомплект командиров и начальников составил около 30%¹. При этом остро стояла задача расширения штатов в связи с нарастающей военной опасностью как со стороны Запада (Германия), так и со стороны Востока (Япония). Кроме того, резко возросла потребность в расширении числа военных училищ. Для них требовалось срочно устранить нехватку преподавателей и командно-начальствующего состава. В целях устранения кадрового дефицита этих категорий уже в 1938 – 1939 гг. военные учебные заведения Советского Союза направили в войска 36 тыс. выпускников (26 тыс. младших лейтенантов и 10 тыс. лейтенантов)².

Однако недокомплект младших офицеров продолжал существовать, и в целях его ликвидации были исполь-

зованы ресурсы гражданских университетов, институтов и техникумов.

Широко стала применяться система аттестования (испытаний) рядовых красноармейцев и младших командиров на офицерские звания. Например, такого рода испытания прошли в конце 1938 г. не менее 5 тыс. красноармейцев, имевших среднее специальное и высшее образование с двухгодичным и одногодичным сроком прохождения воинской службы. Им было присвоено воинское звание младших лейтенантов. После этого они продолжили воинскую службу в артиллерии, химических войсках и по другим специальностям, для которых не хватало подготовленных кадров³.

Для прохождения воинской службы из запаса были призваны 8 тыс. лиц командиров и начальников. С осени в РККА началась подготовка 20 тыс. мл. лейтенантов. Окончание ее намечалось на апрель 1939 г.⁴

В целом необходимо отметить, что востребованность командно-начальствующего состава запаса, имевшего среднее специальное и высшее образование, в РККА перед войной была чрезвычайно высока. Более 40% из 205 тыс. офицеров запаса, подготовленных на военных кафедрах высших и средних гражданских заведений с 1937 по 1941 гг., были назначены на должности командиров, начальников, специалистов, политработников[4].

Уже с 1939 г. начался небывалый для истории страны рост числа военных училищ. В связи с этим не могли не возникнуть серьезные проблемы, связанные, прежде всего, с низким уровнем материально-технического обеспече-

¹ РГВА. Ф. 4. Оп.14. д. 2781. Л. 114.

² РГВА. Ф. 4. Оп.14. д. 2781. Л. 112.

³ РГВА. Ф. 4. Оп.14. Д. 2781. Л. 112.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп.14. Д. 1974. Л. 50-51.

ния, существенным недокомплектом преподавателей и командного состава для военных учебных заведений. Об этом в НКО (народный комиссариат обороны) неоднократно докладывало руководство вузов РККА, начальники училищ, помощники командующих войсками военных округов по ВУЗам. Однако ни сам нарком обороны, ни его заместители не в состоянии были принять действенные меры по улучшению положения военно-учебных заведений, а ограничивались лишь общими распоряжениями и указаниями. Беспрецедентный рост сети военных училищ требовал крупных государственных решений и энергичных действий руководства военным образованием по их реализации.

Анализ ситуации в вузах РККА в 1937 г. позволил сделать следующие критические выводы. Во-первых, следовало обратить пристальное внимание на новые училища. Наряду с построенными казармами и учебными корпусами ощущалась острая нехватка жилья для постоянного состава и их семей. Во-вторых, ощущался дефицит автопарков и парков для боевых машин, в-третьих, не была развита бытовая и социально-культурная сфера в военных городках. Недоставало клубов, спортгородков на территории училищ. Но самой главной и тревожной проблемой была низкая активность руководства военными учебными заведениями по освоению уже выделенных государством средств. Так, например, в 1937 г. Советское правительство выделило 10 млн. руб. на строительство военных училищ. Из них было освоено чуть больше 20% (2 млн. 200 тыс. рублей). Комдив А.В. Семашко, временно исполнявший в 1938 г.

должность начальника управления ВУЗ РККА, послал запрос в Наркомат обороны уже на 51 млн. руб. Он также предлагал приравнять строительство военных училищ по степени важности к объектам оборонного строительства, имевшим важнейшее значение для обеспечения национальной безопасности¹.

Однако, в 1938 г. строительство военных училищ велось недостаточно активно. Это приводило к ряду негативных явлений, сдерживающих и тормозящих развитие системы военного образования в целом.

Во-первых, как отмечалось ранее, училища по-прежнему вынуждены были выделять часть учебных площадей для проживания командного и преподавательского состава.

Во-вторых, возникала проблема с комплектованием штатов командиров взводов и рот в курсантских подразделениях. При вынужденном назначении на эти должности младших лейтенантов, призванных из запаса после окончания 6-месячных курсов и не закончивших вузов, возникала проблема с их профессионализмом, опытом и авторитетом среди курсантов и руководства. Но ощущался недокомплект и таких командиров. Например, даже в «элитном» пехотном училище им. Верховного Совета РСФСР в 1940 г. убыло 68 командиров, что составило 28 % от всего постоянного командного состава², более 70 % командиров взводов этого военно-учебного заведения имели стаж в должности менее двух лет³. В 1937-1938 гг. из училищ было уволено 226 человек и дополнительно

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1974. Л. 50-51.

² РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 117. Л. 248.

³ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 311. Л. 247.

представлены к увольнению 161 чел. командиров и преподавателей¹.

В-третьих, проблема слабого подбора и недостаточной военной подготовки командно-начальствующего состава РККА требовала энергичных действий со стороны Наркомата обороны и руководства системой вузов СССР. Однако многие из руководства по-прежнему настаивали на постоянной замене как наиболее радикальной и действенной мере. На этом, например, настаивал начальник Управления ВУЗов РККА генерал-лейтенант И.К. Смирнов в своем докладе по итогам работы за 1940 г.

Возникал вопрос – а на кого заменять? И работа по использованию ресурса запасников для устранения дефицита командиров и начальников проводилась весь предвоенный 1940 г. Дефицит в должностях командиров и начальников, в том числе в среднем звене, постепенно уменьшался. На 15 ноября 1940 г. он уже составлял 18,6%.

В целом принятые меры привели к тому, что на начало мая 1941 г. некомплект штатной численности командиров и начальников РККА составлял менее 20%².

Опыт кадровой работы в предвоенные годы был достаточно высоко оценен маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым в его знаменитой книге: «Воспоминания и размышления». В частности, он писал: «Подготовка командных кадров, структура и организация Вооруженных Сил непрерывно совершенствовались в нужных направлениях. Всегда был исключительно высок моральный и боевой

дух войск, их политическая сознательность и зрелость» [2, с. 320].

В то же время необходимо отметить, что для командиров и начальников-выпускников вузов и техникумов СССР серьезной проверкой эффективности военного обучения в рассматриваемые годы явилось их участие в войнах и вооруженных конфликтах. Наряду с этим боевая практика выявила и существенные недостатки в их военно-профессиональной обученности. Особенно зримо они проявились в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.). Прежде всего, это недостаточная полевая выучка, зачастую неумелое руководство подчиненными частями и подразделениями в бою, плохая организация взаимодействия подразделений с танками и артиллерией и др. Наиболее слабыми местами являлись неумение организовать и провести разведку; слабое знание особенностей действий противника в обороне и наступлении; низкая требовательность к подчиненным. Так в боевых условиях проходила реальная апробация эффективности системы подготовки кадров командного и начальствующего состава накануне тяжелейшего испытания – Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 516-542.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. М.: Новости, 1990. Т. 1. 360 с.
3. Львов А.А. Подготовка командного состава сухопутных войск РККА (1937 – июнь 1941 г.): достижения и просчеты: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 156 с.
4. Прилуцкий В.В. Деятельность государ-

¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3 Д. 311. Л. 247.

² РГВА, Ф. 4. Оп.1. Д. 1334. Л. 32-33.

ственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию населения СССР (1922 - июнь 1941 г.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. 437 с.

5. Шумов Д.К. Подготовка кадров РККА в системе средних военно-учебных заведений (1929 – июнь 1941 гг.): дис. ... канд. истор. наук. М., 2013. 174 с.

УДК 94(470) 1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-102-110

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет*

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОСКВЫ В 1950–1960-е гг.

Аннотация. В статье автор рассматривает период 50-60-х гг., когда массовое жилищное строительство оказало сильное воздействие на образ жизни москвичей. Появление новых благоустроенных квартир для заселения одной семьей привело к росту рождаемости москвичей, снижению заболеваемости и смертности. В статье большое внимание уделяется проблеме ограничения роста Москвы. Автор рассматривает проблему т. н. «лимитчиков», а также проблему утраты жилой функции центром Москвы. Уделяется внимание потере качеств условий жизни городской среды.

Ключевые слова: московская прописка, миграция населения, демографические проблемы.

V. Gorlov*Moscow State Regional University*

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF MOSCOW IN 1950–1960-s

Abstract. The article examines the period of the 50-60s, when mass housing construction in Moscow had a strong impact on the lifestyle of its residents. New comfortable apartments for housing one family led to the Muscovites' birth rate increase, reduction of morbidity and mortality. Much attention is paid to the problem of limiting the enlargement of Moscow. The author studies the problem of so-called "quota workers" and the problem of the center of Moscow, which was losing its housing function. Some attention is given to the loss of the qualities of the urban environment.

Key words: Moscow residence permit, migration, demographic problems.

Развитие Москвы в XX в. привело к возникновению сложных социально-демографических проблем. В Москве сформировалась уникальная социально-экономическая среда, которая проявлялась во всех демографических процессах. После Великой Отечественной войны молодежь пыталась перебраться в Москву для получения квалификации и более интересной работы. Это порождало массу проблем

для города, становилось важнейшим фактором формирования демографической ситуации в Москве. Несмотря на многочисленные постановления по ограничению роста Москвы, миграция населения была основным источником ускоренного демографического роста.

По Генеральному плану реконструкции и развития Москвы 1935 г. предел роста Москвы ограничивался численностью 5 млн. человек [19, с. 52]. В июне 1946 г. вышло постановление

бюро МГК ВКП (б) «О мероприятиях по усилению паспортного режима в г. Москве»¹, основным содержанием которого были ограничительные меры по регулированию численности москвичей. В Москву после войны приезжали в основном демобилизованные или эвакуированные во время войны. В Москве ощущалась острая нехватка рабочих рук, что привело к приглашению рабочих из других регионов. Например, на ЗИСе в 1948 г. треть рабочих составляли приезжие [11, с. 433].

После смерти И.В. Сталина принимались постановления, которые ограничивали свободу выбора места жительства в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик. На XX съезде КПСС московская парторганизация подверглась критике Н.С. Хрущёва за то, что она не регулировала рост населения путем проведения режима въезда. Критика подействовала. МГК КПСС и Моссовет стали проводить меры по запрещению большого въезда в Москву². В марте 1956 г. вышло постановление исполкома Моссовета по усилению паспортного режима в Москве³, что способствовало уменьшению количества мигрантов. А ещё в феврале 1956 г. первый секретарь МГК КПСС Е.А. Фурцева на совещании зав. отделами по учету и распределению жилой площади районных советов г. Москвы заявила: «Мы восстановим режим, который был до 1953 года – ограничение въезда в Москву. Это даст возможность нам легче, свободнее

преграждать путь тем, кто желает приехать в Москву»⁴.

По воспоминанию писателя В.Н. Войновича: «В 1956 г. с пропиской в Москве было трудно. Люди, чтобы прописаться, к каким только ухищрениям не прибегают. И взятки дают, и женятся фиктивно. Хрущев выступил с панической речью, что Москва перенаселится, народу слишком много в неё приезжают и правдами-неправдами в ней остаётся. И надо от дальнейшего нашествия как-нибудь оградить. Правила прописки и раньше были строгие, а тут и совсем зверские стали» [5, с. 67-68]. В Москву практически был закрыт переезд. Первый секретарь Московского городского комитета КПСС В.А. Фурцева требовала, чтобы государственные органы вплоть до заместителя министра принимали на работу исключительно граждан с московской пропиской.

Для власти стояла задача установить контроль над нежелательными элементами в городах-«витринах», которые посещали иностранцы. Е.А. Фурцева в ноябре 1956 г. послала записку в Президиум ЦК КПСС: «Многие ранее судимые, не имеющие права проживать в г. Москве, приезжают в Москву, где вновь совершают уголовные преступления. Учитывая это, мы считаем необходимым распространить особый паспортный режим на всю Московскую область. Е. Фурцева»⁵. В итоге Совет Министров СССР постановил: «1. Распространить особый паспортный режим на всю Московскую область. 2. Дополнить ст. 41 «Положения о паспортах» указанием на то, что из гг. Москвы и Ленинграда подлежат

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 67. Д. 152. Л. 136.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 8. Л. 238.

³ Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. 126. Оп. 13. Д. 365. Л. 27.

⁴ ЦАОПИМ Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 264.

⁵ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 1. Л. 206.

удалению также женщины, занимающихся проституцией и неоднократно задерживающихся за это органами милиции. Председатель Совета Министров СССР Н. Булганин»¹.

Система контроля над «нежелательными элементами» была расширена и усовершенствована. К их числу инструкции 50-х гг. отнесли новые категории граждан, особое место в них заняли так называемые тунеядцы. Ограничение выбора местожительства граждан было весьма существенным. Новое Постановление Совета Министров, которое было принято в июне 1958 г., требовало от органов МВД усилить уголовное преследование нарушителей паспортного режима, выселять их из Москвы, аннулируя прописку. Распределение молодых специалистов в Москву по решению Минвуза СССР касалось только тех, кто уже проживал в Москве. Специальное постановление СМ СССР № 583 в 1964 г. закрепило особый статус Москвы, утвердило Положение о прописке и выписке населения в г. Москве², резко ограничившее возможности прописки в Москве.

Запрет прописки новых лиц в Москве все больше не соответствовал спросу на рабочую силу. В конце концов, в 1967 г. в Москве была введена система «лимитов прописки», допускающая отдельным предприятиям прописывать определенное количество лиц в течение года в пределах квоты. Сначала прописывали на предприятиях военной промышленности, затем в виде исключения стали прописывать

строителей, дворников, милиционеров. В результате Москва постоянно росла, несмотря на все запреты с пропиской.

Московские организации подверглись очень серьезной критике на совещании руководителей Московского Совета по вопросам градостроительства в мае 1962 г. за механический прирост населения Москвы. На нём Н.С. Хрущёв набросился с яростью на московское начальство: «Я думаю в Президиуме создать комиссию и пойти в милицию, в паспортный отдел, проверить регистрацию граждан, взять последние несколько лет. Это уголовное дело. Я должен сказать, что в этом отношении в Москве ничего не делается. Если не будем что-то делать, нас захлестнет самотёк, стихия, и Москва разрастется до 20 и более миллионов»³. По его указанию была создана специальная комиссия ЦК партии по вопросам прописки в г. Москве⁴. На этом же совещании Н.С. Хрущёв поднял вопрос о жилищном строительстве: «... надо сказать, мы много строим жилья в Москве. Это тоже, видимо, ненормально. Почему? Когда мы строим больше, относительно больше, чем в других городах, то тем самым сами делаем притягательность к этому району, где можно жилье получить»⁵.

Однако Москва постоянно притягивала к себе советских граждан. Поэтому пропиской власти так и не могли регулировать население Москвы и «лимит» никакими запретами не смогли истребить. Административные ограничения привели к появлению ряда негативных последствий: получения московской прописки путем заклю-

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 1. Л. 209.

² Об ограничительных мерах по прописке в Москве рассказал автору Н.Г. Егорычев // Личный архив.

³ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 47.

⁴ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 217.

⁵ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 124. Д. 9. Л. 46.

чения фиктивных браков, махинаций при найме и обмене жилья, взяток при оформлении прописки и др. [2].

Запреты прописки способствовали тому, что выпускники вузов пытались любой ценой остаться в Москве. Дело в том, что статья 306 ГК РСФСР 1964 г. устанавливала, что при отъезде с места постоянного жительства на срок более 6 месяцев гражданин автоматически лишался права на эту жилую площадь. Это привело к тому, что в провинции стал ощущаться недостаток квалифицированных специалистов, которые боялись навсегда потерять Москву. Многие пожилые люди прекратили выезд из Москвы, боясь потерять право возвратиться в свой город. Это приводило к старению населения Москвы.

Концепция ограничения роста Москвы выполнялась формально. Постановление СМ СССР запрещало строительство промышленных предприятий не только в Москве, но и в Московской области. А в 1963 г. было запрещено строительство новых КБ, НИИ, проектных институтов, экспериментальных баз вузов и техникумов [19, с. 53]. Однако, несмотря на все запреты, в Москве и Московской области только в 1960-1963 гг. в «порядке исключения» было размещено более 500 новых промышленных предприятий [6, с. 2]. Это привело к тому, что лимитчики наводнили Москву. Каждое десятилетие после Великой Отечественной войны население Москвы увеличивалось на миллион.

Отработав определенное время, лимитчики получали московскую прописку и жилую площадь и искали себе новую работу с лучшими условиями труда. А на их место приходили новые

лимитчики. В силу этого экстенсивное развитие экономики самым негативным образом влияло на демографическую ситуацию в Москве. Рост численности научно-исследовательских институтов в 60-е гг. привел к появлению ещё одной особой демографической группы – «люмпен-интеллигенции». Более того, с началом правления в столице В.В. Гришина выпускники московских вузов (москвичи и немосквичи) направлялись в многочисленные НИИ, КБ и т.п. Причем рабочие места часто заполнялись кем попало, лишь бы не сняли фонды зарплаты. Обычно молодёжь, уехавшая в Москву учиться, в свою деревню обратно не возвращалась. В столице работало огромное количество ветеринаров, агрономов, мелиораторов, землеустроителей и других специалистов, которые согласны были переменить работу, но сохранить московскую прописку. Приглашали специалистов и с периферии. И всем нужно было предоставить жилье. Это привело к тому, что коренных москвичей (потомков ещё дореволюционных жителей Москвы) стало более 3 проц. населения столицы [1, с. 79]. Если бы была разрешена свободная прописка, рост Москвы стал бы вообще неуправляемым.

Территория Москвы увеличивалась за счет подмосковных поселений. После строительства МКАД в 1960 г. территория столицы увеличилась до 87,5 тыс. га, население в новых границах достигло 6,2 млн. человек, причем половину прироста населения Москвы составило население присоединенных городов, поселков, деревень. Естественный прирост населения Москвы был незначителен. Население Москвы за 60-е гг. увеличилось на 17 проц. и к

1970 г. (по данным Всесоюзной переписи населения) достигло 7061 тыс. человек [10, с. 446]. В Москве механический прирост составлял 85% всего прироста населения [7, с. 14]. Чисто административные меры регулирования роста столицы были недостаточны. Возможность жить в Москве оказалась сильнее всех бюрократических барьеров. В результате возникли многочисленные проблемы (проблемы занятости, досуга, молодежи и т.д.).

Большая часть жилья распределялась бесплатно среди очередников. В Москве для прописки и постановки на учет по улучшению жилищных условий необходимо было иметь до 5 кв.м. жилой площади на члена семьи. Часть квартир москвичи покупали через жилищно-строительные кооперативы. На XXI съезде КПСС в резолюции было сказано: «Доля общественного фонда потребления будет всё более увеличиваться, что является важной предпосылкой для постепенного перехода к коммунистическому принципу распределения» [16, с. 28]. Надо отметить, что ряд граждан (ответственные работники, писатели, ученые, писатели, изобретатели и т.д.) имели законное право на получение дополнительной площади сверх санитарной нормы. Для различных профессий эта дополнительная площадь составляла от 10 до 20 кв. метров сверх санитарной нормы.

Также надо заметить, что при предоставлении бесплатного жилья не учитывался уровень доходов граждан. Инвалиды, участники Великой Отечественной войны, номенклатурные работники, заслуженные деятели науки, искусств, спорта имели преимущественное право на получение бесплат-

ного жилья. А вот общая очередь без льгот шла медленнее всего.

К сожалению, в Москве случались многочисленные нарушения законодательства. Часть населения (в основном руководящие работники), пользуясь служебным положением, меняли жилье по несколько раз, имели не в меру роскошные государственные квартиры улучшенной планировки, полученные в обход существующих норм и правил [3]. Это стало в Москве сложившейся практикой.

Демографической тенденцией существующей жилищной политики являлись снижение рождаемости, дробление семей, увеличение числа одиноких москвичей. В жилищной политике не учитывались браки и разводы, что приводило к дефициту то трехкомнатных, то однокомнатных квартир, а квартиры для многодетных семей не проектировались. Эти упущения в работе плановых органов исполнения приводили к тому, что не реализовывалось конституционное право на жилище. Демографические факторы были основной причиной того, что очереди на получение новой квартиры не только не убывали, но и увеличивались. Несмотря на то, что обеспеченность жильем была высокой, большое число москвичей нуждалось в предоставлении отдельных квартир.

Демографической тенденцией в Москве становились меньшие размеры семьи, преобладание одно- и двухдетной семьи, увеличение доли лиц пенсионного возраста. При Н.С. Хрущёве воспитательная, производственная, культурно-образовательная функции полностью или частично передавались специально созданным институтам, предприятиями, организациям. Поли-

тика государства была направлена на то, чтобы дети большую часть жизни проводили в детских учреждениях, вне дома, вне семьи. Доктор архитектуры Г.А. Градов в 60-е гг. предложил концепцию, которая получила широкую известность. Она противопоставила семейному воспитанию общественное, которое предполагало размещение большинства детей (80-90 проц.) в различных воспитательных учреждениях. Для этого Г.А. Градов предлагал сузить функции жилой ячейки, предназначенной для молодой супружеской пары, ведущей минимальное домашнее хозяйство [8, с. 29].

Государство проводило патерналистскую политику, взяв на себя всю ответственность за жилищную сферу. В 1961 г. принятая на XXII съезде КПСС третья Программа партии поставила задачу быстрого роста общественных фондов потребления, чтобы «разрешить самую острую проблему подъема благосостояния советского народа – жилищную проблему» [15, с. 390]. В СССР проводилась довольно сильная социально-ориентированная жилищная политика. Переезд из коммунальных квартир в отдельные способствовал повышению жизненного уровня, воспроизводству населения, создавал нормальные условия для отдыха, сберегал здоровье граждан и тем самым способствовал решению важнейшей экономической задачи – повышению производительности труда.

Следует заметить, что в столице ежедневно около 260 тыс. человек не выходило на работу в связи с бюллетенями [20, с. 10]. Статистические исследования выявили, что уровень заболеваемости в благоустроенной отдельной квартире снижался у мужчин

на 8%, а у женщин на 22,3% по сравнению с проживающими в коммунальных квартирах [9, с. 75]. Таким образом, улучшение условий проживания москвичей сэкономило средства бюджета государственного страхования.

Рост этажности жилой застройки в Москве вызвал ряд важных проблем. Статистика заселения государственных и кооперативных домов свидетельствовала, что пожилые москвичи не желали жить выше 4-го этажа. Статистика также подтверждала о более частых простудных и психических заболеваниях у жителей верхних этажей по сравнению с проживающими на нижних этажах. С другой стороны, надо отметить низкую популярность первого этажа, что вызывалось опасностью краж, пыли, шума, падающего сверху мусора и т.п.

Разрыв между территориями приложения труда и территориями преобладающего расселения москвичей приводил к сложности жизни в Москве. Огромный город, каким была Москва, приводил к постоянным стрессам и безразличию к отклоняющемуся поведению. Усиление неуравновешенности, непредсказуемости поведения жителей окраин Москвы было прямо пропорционально увеличению плотности населения [12, с. 106]. Переезд в спальные районы способствовал ослаблению сложившихся связей, все более трудно было установить соседские контакты.

Переезд москвичей из коммуналок и бараков в отдельные благоустроенные квартиры привел к прорыву в сознании и в образе жизни москвичей, к скачку рождаемости в те годы. В 50-е г., как никогда, происходило увеличение продолжительности жизни, достигнув

уровня высокоразвитых стран. В 1960-1961 гг. она составила 70 лет (в 1926-1927 гг. она составляла 44 года) [14, с. 77].

Жилищная революция в Москве в 50-60-е гг. способствовала заметным внутригородским вариациям возрастного состава москвичей. По мере удаления от центра Москвы увеличивался размер семьи, так как в центральных районах сосредотачивались семьи, состоящие из одного-двух человек. В периферийные районы Москвы попадали молодые семьи с детьми. Но проходили годы и на окраинах Москвы наблюдалось старение проживающего в нем населения, вследствие чего там изменялся демографический состав. Число пенсионеров увеличивалось, рождаемость снижалась, что приводило к уменьшению детей дошкольного и школьного возраста. Это вело к тому, что постепенно объекты обслуживания в микрорайонах становились несоответственными демографии. С подрастанием детей снижалась потребность в детских садах и яслях. Планировочные структуры новых жилых районов Москвы мало учитывали потребности проживающих здесь пенсионеров. Отсутствовали места коллективного отдыха для пожилых людей.

Массовое жилищное строительство привело к тому, что в центре Москвы сокращалась плотность населения, в нем проживали в основном пожилые москвичи, а количество мест приложения труда в центре значительно превышало численность проживающего здесь трудоспособного населения. В спальнях районах Москвы ситуация была диаметрально противоположной [17, с. 41].

Различие в районах Москвы касалось не только возраста, но и преобладания граждан той или иной профессии. Социально-демографическая структура населения Москвы во многом определялась характером городской среды, характером застройки в том или ином районе, давности его освоения, близости к промышленным зонам.

В восточной части Москвы были размещены крупные производственные объединения, которые предоставляли для своих работников ведомственное жилье. Поэтому в этой части города концентрировались инженеры и высококвалифицированные рабочие. Юго-восточная часть города незначительно отличалась от восточной части по профессиональному составу москвичей, здесь также преобладали квалифицированные рабочие. Юго-Запад (как и центр Москвы) считался интеллектуальным оплотом, здесь была повышенная концентрация специалистов нематериального производства. Здесь жили научные работники, преподаватели, врачи. В этом районе сосредотачивались престижные объекты университетско-академического комплекса, в силу этого удельный вес граждан с высшим образованием достигал 39,7 проц., в то время как в юго-восточной части эта доля составляла 15,2 проц. [4, с. 6]. Север Москвы (Алтуфьево, Бескудниково, Дегунино) располагал мелкими и крупными промзонами, недостаточным количеством городской инфраструктуры, недостаточным количеством вузов. В эту часть Москвы при массовом жилищном строительстве переселяли население бывшей Марьиной Рощи, печально

известной своей криминогенностью. Надо отметить, что однообразная типовая жилая застройка отчасти скрывала социальную разницу жилых районов Москвы.

Приезжих особенно привлекали социальные преимущества Москвы (вузы, лучшие школы и больницы, театры и библиотеки, жилье, хорошие магазины и т.д.). В Москве было гораздо больше возможности выбора профессии, мест работы, учебы, досуга. В Москве не было того жесткого социального контроля, который был характерен для села или небольшого города, где все знали друг о друге. В Москве была большая мобильность жизни (изменение мест жилья, мест работы, мест досуга и отдыха), уровень оснащенности жилища был значительно выше, чем в сельских районах. Поэтому Москва привлекала жителей других городов и сёл, которые согласны были обменять свои просторные квартиры на комнату в коммуналке в Москве.

Москва вместе с Московской областью составляли Московскую агломерацию, для которой характерна огромная маятниковая миграция (ежедневные поездки на учебу и на работу). Ежедневно в Москву приезжали на работу более 300 тысяч рабочих и служащих [13, с. 24]. Дефицит трудовых ресурсов в значительной степени покрывался маятниковой миграцией. Сотни тысяч граждан ежедневно приезжали в Москву для покупки товаров, посещения предприятий службы быта, театров, выставок. Существовала и обратная маятниковая миграция. В Московскую область из Москвы на работу выезжали до 200 тысяч человек [18, с. 15]. Все это создавало огромные нагрузки на

транспорт и другие отрасли городского хозяйства. Приезд в Москву огромного количества мигрантов из разных регионов страны привел к неоднородной речи москвичей, способствовал тому, что старый московский говор практически исчез.

Наращение количества жителей Москвы привело к тому, что москвичу отводилось меньше жизненного пространства, чем в деревне или в другом городе. Переполненные вагоны метро, в которых вы видите вплотную перед собой массу незнакомых людей, способствовали тому, что ваша приватность (ваша частная зона) существенно уменьшается. Москвичи становились все более хмурыми и замкнутыми. Новые территории и поселения, включенные под юрисдикцию Мосгорисполкома, привели к смешению различных слоев населения, к нивелированию и обезличиванию местных особенностей. Жители новостроек на периферии Москвы не ощущали себя полноценными жителями столицы. Даже жители центра порой этого не ощущали, так как через центральные улицы шли бесконечные приезжие и гости столицы. Это подавляло коренных жителей Москвы, которые часто не чувствовали себя хозяевами своего города. Москве не удалось сохранить свой исторически-культурный облик, не удалось остаться единым организмом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А.И. и др. География Москвы и Московской области. М., 1994. 303 с.
2. Аргументы и факты. 1988. № 46.
3. Астерин С. Ордер на квартиру // Советская Россия. 1987. 15 сент.
4. Березкин А. Москва, которой мы не знаем // Megapolis international, 1991. № 4. С. 2-9.

5. Войнович В.Н. Антисоветский Советский Союз. М., 2002. 530 с.
6. Время больших перемен // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 1. С. 2-3.
7. Выдро М.Я. Население Москвы. М., 1976. 56 с.
8. Градов Г.А. Город и быт. М., 1968. 252 с.
9. Индульский Я. Влияние социальных факторов на нетрудоспособность по болезни // Гигиена и санитария. 1969. № 2. С. 70-81.
10. История Москвы. М., 1974. 515 с.
11. История Московского завода им. ИА. Лихачева. М., 1966. 647 с.
12. Когай Е.А. Социальная экология. Человек в городской среде // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 106-131.
13. Крупнейшие города - их настоящее и будущее. М., 1979. 126 с.
14. Маршрут мира. Визит Хрущёва в Данию, Швецию и Норвегию. М., 1964. 293 с.
15. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. 464 с.
16. Резолюция XXI съезда КПСС по докладу товарища Н.С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы». М., 1959. 45 с.
17. Русский город. Вып. 4. М., 1981. 240 с.
18. Статистика миграций населения. М., 1973. 149 с.
19. Федотовская Т. Регулирование численности населения – опыт Москвы // О населении Москвы. М., 1980. 120 с.
20. Шкляев Н. Лапшин В. Ведомственный фактор и загородный отдых москвичей // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 7. С. 7-14.

УДК 32(477)"1991"

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-111-117

Волобуев О.В.*Московский государственный областной университет***КРЫМ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕСТРОЙКИ:
ВОССОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АССР***

Аннотация. В статье освещаются политическая ситуация и общественные настроения на Крымском полуострове в 1991 г. Раскрываются исторические обстоятельства, которые привели к воссозданию крымской автономии. В частности, инициативы региональной политической и культурной элиты. Показана роль этнонационального фактора в политическом процессе: преобладающее русскоязычное население полуострова, репатриация и консолидация крымских татар, украинский сепаратизм.

Ключевые слова: политическая ситуация, региональная политическая элита, общественные настроения, крымскотатарское движение, референдумы

O. Volobuev*Moscow State Regional University***THE CRIMEA IN THE LAST YEAR OF PERESTROIKA:
RESTORATION OF THE CRIMEAN ASSR**

Abstract. The article highlights the political situation and public sentiment on the Crimean Peninsula in 1991. The historical circumstances that led to the recreation of the Crimean autonomy are described. In particular, the initiative of the regional political and cultural elite is given. The role of ethnic factor in the political process is shown: the prevailing Russian-speaking population of the Peninsula, repatriation and consolidation of the Crimean Tatars, and Ukrainian separatism.

Key words: political situation, regional political elite, public mood, the Crimean Tatar movement, referendums.

1990 год* ознаменовался так называемым «парадом суверенитетов» союзных республик. По мере нарастания национальных движений и расшатывания Советской Федерации все больше волновались о своей будущей судьбе политические элиты, интеллектуалы и все активное население автономий,

как входивших в состав РСФСР, так и в состав других республик. Например, в Грузии мощные потрясения происходили в Абхазии и Южной Осетии. Возвращение на историческую родину охватило крымских татар, проживших до депортации в ликвидированной в июне 1945 г. Крымской АССР. Пик этого возвращения пришелся на 1990 – 1991 гг. К концу 1991 г. их на исторической родине уже насчитывалось свыше 150 тыс. О восстановлении ав-

© Волобуев О.В., 2015.

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-10169.

тономии в Крыму стало задумываться и его русскоязычное население, так и не почувствовавшее себя «своим» на Украине.

Обратимся к мемуарам «Крым: время надежд и тревог» Н.В. Багрова [2], занимавшем посты сначала председателя Крымского областного Совета народных депутатов, а затем, с марта 1991 г., председателя Верховного Совета воссозданной Крымской АССР. Мемуары Багрова ценны тем, что они написаны человеком умным, учёным (географом по специальности), который привык к размышлениям и умел анализировать. При этом, конечно, осведомленность осведомленностью, но в любых мемуарах неизбежен и известный субъективизм. Разумеется этот период в истории Крыма не мог не привлекать историков и публицистов [3; 5; 6; 8]. Но обстоятельная, концептуальная и детализированная, история Крыма ещё впереди. Свой небольшой вклад в нее, полагаем, может внести и данная статья.

В период перестройки происходила активизация общественных настроений и возникновение политизированных общественных движений и организаций, выступавших «против» правящей коммунистической партии и проводимого ее руководством курса. Один из популярных тогда Народных фронтов в октябре 1989 г. был создан и в Крыму. Уже на его учредительном съезде был выдвинут лозунг «Крым — республиканский статус». Один из инициаторов продвижения этого лозунга в массы будущий (первый и единственный, 1984–1985 гг.) президент Автономной Республики Крым (АРК) Юрий Мешков, который тогда был депутатом Крымского областного

совета депутатов, признается, что он всегда «руководствовался простой схемой: через независимость — в Россию» [7]. Мешков и другие радикальные демократы начали активную борьбу за идею крымской государственности,

Председатель Крымского областного Совета Николай Багров так излагал свое видение общественно-политической ситуации в Крыму в последние годы перестройки. Происходило противостояние общественных сил: с одной стороны — коммунистической партии, с другой — митингово-обывательской среды и либерально-интеллигентских оппонентов. Митингово-обывательская общественность, по его характеристике, объединила людей «реально, а чаще мифологически пострадавших от власти». Ее представители, спекулируя скандальными разоблачениями, развернули широкую кампанию против КПСС. «Идеология этой силы вырабатывалась в очередях, электричках, на площадях и в основном сводилась к примитивному лозунгу «долой!». Но не эти фигуры, полагает мемуарист, оказывали доминирующее влияние на общественное сознание. Его определял тогда широкий круг организационно так и не оформившихся, «нередко высокообразованных, умных, а то и просто талантливых людей», «по тем или иным причинам не вполне удовлетворенных жизнью, не до конца реализовавших свои возможности». Эта общественная сила в фокусе внимания автора, который даёт ей краткую характеристику: «Традиционные для этой среды настроения оппозиционности к властям, столь долго подавлявшиеся, с началом гласности получили неожиданный выход. Критиковать власть стало не толь-

ко можно, но и престижно. Фрондирование входило в норму поведения, а любая поддержка того, что исходило от официальной власти, становилось признаком дурного тона» [2, с. 40, 41].

Вскоре приобретающая все больше сторонников среди русскоязычного населения идея воссоздания крымской автономии, в её умеренном варианте, была поддержана, а затем и реализована представителями региональной политической элиты.

16 июля 1990 г. состоялось провозглашение Декларации о государственном суверенитете Украины. Оценивая значение этого акта, Багров отмечает, что его принятие свидетельствовало «не только о новом этапе строительства суверенного государства, но и о новом качестве политической борьбы, существенном перераспределении сил». Новую политическую ситуацию, полагает он, характеризует «преобладание политических лозунгов, господствующее положение идеи суверенитета Украины, рост активности и наступательности оппозиции, растерянность в рядах Компартии, определенная неуправляемость процессов на местах». К этому он добавляет «поиски врага, ответственного за всё». Последнее расшифровывается: «Так же, как и везде, этот враг был найден в образе Союзного государства, центральной власти и отождествлявшей ее КПСС» [2, с. 140–141]. Можно, конечно, рассуждения о «враге» отнести на счет коммунистических взглядов автора, но, будем честны, анализ в основном достаточно объективен¹.

¹ Происходящие ныне на Украине события подтверждают долговременную правильность диагноза: «поиски врага» есть симптом политической шизофрении.

После Декларации о государственном суверенитете Украины и усилении антикоммунистических и этнонационалистических настроений и выступлений на её территории медлить стало опасно. 10 ноября 1990 г. состоялось Постановление Секретариата ЦК КПСС «О фактах преследования коммунистов в западных областях Украинской ССР». В интервью первого секретаря Тернопольского обкома партии Я.М. Сухого, взятом в связи с этим Постановлением, имелись такие признания: «На Западной Украине появляются новые молодёжные организации открыто профашистского, националистического толка»; «Только начнешь говорить, как тут же тебя заглушают криками: «Ганьба» (позор). «Геть» (вон)»; «Раскручивая морально-психологический террор, давление, применяя угрозы, людей пытаются убирать с работы за убеждения» [7, с. 18–19]. Слово «Рух» стало пугающим для многих жителей Крыма: от него пахло крайним национализмом.

12 ноября 1990 г. (сразу же после упомянутого Постановления Секретариата ЦК КПСС) четвертая сессия областного Совета народных депутатов (при активной поддержке обкома коммунистической партии) принимает решение о проведении референдума с вопросом «Вы за восстановление Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?». Показательно, что присутствующий на этой сессии председатель Верховной Рады УССР Л.С. Кравчук предложил восстановить автономию решением украинской Рады, что не было воспринято крымскими депутатами.

Конец 1990 – начало 1991 гг. прошли в острой идеологической и полити-

ческой борьбе по вопросу о референдуме. Обозначились его противники в лице радикалов всех мастей. Народный фронт Крыма и другие малые общественные объединения пророссийской ориентации выступали против референдума, ратуя за возвращение полуострова в состав РСФСР. Руховцы боялись автономии как угрозы их плану построения унитарной Украины.

Наиболее конфликтоопасной была проблема возвращения на свою историческую родину крымских татар. Перестройка и продолжение реабилитации депортированных народов оказали решающее влияние на подъем крымскотатарского национального движения. Крымские татары никак не могли вернуться на свою историческую родину из-за препятствий чинимых советской и коммунистической властью как центральной, московской, так и украинской, республиканской, и местной, областной. Но по мере организации и активности крымскотатарское движение, которое переживало подъемы и спады, политически и морально «давило» на партийно-государственные институты страны. Руководство Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД) выступило с призывом бойкотировать референдум. Мотивы здесь были свои. Оба существовавшие тогда крымскотатарские национальные объединения и ОКНД и Национальное движение крымских татар (НДКТ), настаивали на том, что в Крыму должна быть создана этнонационально-территориальная автономия (это была идея исключительно крымскотатарской государственности). Региональную автономию (автономию для всего населения края)

лидеры крымскотатарского движения принципиально отвергали.

Вопреки агитации против автономии голосование за неё в Крыму 20 января 1991 г. на референдуме (первом из них, прошедших на российском и провинциальном уровнях) было сверхуспешным. Количество граждан, принявших участие в голосовании, составило 81,37 % из внесенных в списки. 93,26 % голосовавших высказались за воссоздание Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Это был предельно честный и предельно показательный референдум. Киеву ничего не оставалось как признать результаты нежелательного для него референдума. Впереди маячила мечта о независимой Украине, и отвергнуть референдум в Крыму значило поставить под удар возможный в будущем всеукраинский референдум. Депутатам Верховной Рады пришлось после острых дебатов 12 февраля согласиться с итогами крымского референдума. Председатель Рады Л.М. Кравчук подписал документы о восстановлении Крымской АССР и подготовке проекта ее конституции (Подробнее об итогах голосования на референдуме и на заседании Верховной Рады см.: [6, с. 30–32]). 22 марта 1991 г. областной Совет народных депутатов был преобразован в Верховный Совет Крымской АССР. Председателем его был избран Николай Васильевич Багров.

За 4 дня до учреждения высшего законодательного органа Крымской АССР, 17 марта был проведен всесоюзный референдум, который на Украине был совмещен с проведением сопутствующего республиканского опроса. На вопрос референдума «Считаете ли

вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в котором в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» 87,6 % крымчан, принявших в голосовании, ответили «да». Во всеукраинском республиканском опросе следовало ответить «да» или «нет» на формулировку: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины?». На этот вопрос 84,7 % крымчан, принявших участие в голосовании, ответили «да» (Статистику результатов голосования см.: [6, с. 32–33]). Статистическая разница в цифрах референдума и всеукраинского опроса была незначительной и свидетельствовала о желании сохранить союзное государство. Но формулировка всеукраинского опроса допускала разные акценты в толковании судеб союзного государства и Украины, что и произошло в дальнейшем.

После воссоздания автономии перед лидерами крымскотатарского движения встал вопрос о выработке политической линии с учетом новой ситуации. Ставка была сделана на политическую консолидацию крымскотатарской общины, создание органов самоуправления, параллельных государственным, и дальнейшее отторжение этнонационального движения от русскоязычных общественных сил. Конечно, в числе русскоязычных общественно-политических организаций были те, кто негативно воспринимал репатриацию, но в немалом количестве были и такие политики, депутаты и активисты, которые склонялись к

поиску разного рода компромиссов. К числу последних, на наш взгляд, принадлежал и Багров.

В последнюю декаду июня 1991 г. руководители крымскотатарского движения провели съезд народных избранников — курултай. Накануне его созыва состоялась встреча представителей власти с организаторами курултая. В ней, кроме представителей крымской власти, участвовали председатель комиссии по национальной политике и межнациональных отношений Верховного Совета СССР Г.С. Таразевич¹ и зам. председателя аналогичной комиссии Верховного Совета УССР А.В. Корнеев. По мнению Н. Багрова, «нежелание крымско-татарских лидеров идти на диалог с властью...» не способствовало решению обоюдоважных вопросов и «разрушало то хрупкое взаимопонимание, которое мы так настойчиво пытались установить в Крыму между людьми». Свой взгляд на проблему Багров резюмирует так: «Отношения между Верховным Советом и образованным на курултае меджлисом на длительный период, по сути, оказались прерванными...» [2, с. 128, 130]. Мемуарист выделяет следующие коренные расхождения: исключительное право крымских татар на автономную государственность, исключительное право на землю и природные ресурсы, отрицание легитимности Верховного Совета Крыма. Затем он обобщает: «Отношения между Верховным Советом и образованным на курултае меджлисом на длительный период, по сути, оказались прерванными, и я

¹ Г.С. Таразевич участвовал в разрешении межнациональных конфликтов в Грузии, Нагорном Карабахе, Приднестровье. Литве и других местах.

убежден, что далеко не на пользу делу» [2, с. 130].

Вскоре произошли августовские события, потрясшие всю огромную страну с ее союзными и автономными республиками. Не станем давать характеристику положения в стране и в Крыму в дни «форосского заточения» президента СССР и сразу после этих событий. Важно только отметить, что уже 24 августа на сессии Верховной Рады был провозглашен Акт о государственной независимости Украины. На этот момент актив крымской общественности располагал в основе своей уже состоявшейся республикой и главными (кроме конституции), обеспечивавшими ее правовое существование нормативными документами. Не случайно вскоре, 4 сентября 1991 г., последовало принятие Верховным Советом автономии Декларации о государственном суверенитете Крыма.

1 декабря 1991 г. одновременно состоялись общеукраинский референдум о подтверждении Акта о провозглашении независимости Украины и выборы ее первого президента. Исход голосования на выборах можно было прогнозировать и по Украине в целом, и в Крыму. Большинство голосов получил Л.М. Кравчук. В Крыму за его кандидатуру было отдано 56,7 % голосов от числа принявших участие в выборах. Сложнее обстояло дело с голосованием по референдуму. Н. Багров отмечает, – и с ним нельзя не согласиться, – три главных вопроса, волновавших крымчан: «Как будут согласовываться итоги референдума с их волеизъявлением видеть Крым субъектом Союзного договора? Что будет означать независимость Украины для государственности Крыма? Как отразятся ито-

ги референдума на отношениях Крыма с Россией, которая для большинства крымчан ассоциируется не с абстрактным образом «старшего брата, а вполне реальным понятием Родины» [2, с. 206–207]. Однако та Россия, которая была «реальным понятием Родины», в лице Б. Ельцина и его окружения самоустранилась от какого-либо влияния на мнение крымчан. Зато проукраинская пропаганда в Крыму разворачивалась весьма активно. И эти факторы сыграли немалую роль в голосовании на референдуме. В Крыму в судьбоносном голосовании приняло участие 67,7 % граждан. Положительный ответ на вопрос референдума был получен от 54,2 % голосовавших.

Решающим фактором исхода голосования оказалась позиция крымскотатарской части населения, и не в силу его многочисленности, а так как конечный результат в балансе «за» и «против» зависел от нескольких процентов голосов. Это четко сформулировала объективный исследователь крымскотатарского движения С.М. Червонная: «... именно голосами крымских татар на референдуме 1 декабря 1991 г. удалось переломить ситуацию, при которой Крым мог оказаться единственным на Украине регионом, давшим отрицательный ответ на референдуме... [4, с. 73 — 74]¹. На этот раз крымские татары приняли

¹ Такое заключение не должно восприниматься как обвинение. Это лишь констатация исторического факта. И он, с нашей точки зрения, объясним: в общественном сознании крымских татар произошло отождествление отношения к ним со стороны сталинско-хрущевско-брежневского руководства СССР с возможным отношением постсоветского руководства новой Россией, хотя для подобного отождествления реальных оснований не было.

активное участие в референдуме по призыву меджлиса.

Политическая судьба Крыма в том же декабре была на долгий срок решена Беловежскими соглашениями руководителей трех советских союзных республик. Л.М. Кравчук утверждал, что президент России на его вопрос, как быть с Крымом, ограничился взмахом руки и репликой: берите! Такова была позиция Б.Н. Ельцина по отношению к Крыму: для него самым важным было заполучить украинского президента в союзники по развалу СССР. На Л. Кравчука ссылается, в частности, Ю. Мешков: «Есть сведения от Кравчука. Раньше я их не озвучивал из-за понятий допустимого и недопустимого. Сейчас можно. Ельцину было плевать на Крым. Кравчук же сказал мне, что был готов пожертвовать Крымом “с вашими татарскими проблемами”» [8]. Эту позицию подтверждает и разговор депутата Верховного Совета России С.Н. Бабурина с Б.Н. Ельциным по вопросу о Крыме и Севастополе в январе 1992 г. «Б.Н. Ельцин, – вспоминает Бабурин, – был в благодушном настроении: “Сергей Николаевич, ... вы толкаете меня на войну с Украиной. У меня другое видение проблемы: мы будем арендовать часть порта в Севастополе”» [1, с. 55]. Президент России не осознавал ни ценности Крыма как форпоста на Юге, ни значения Севастополя как военно-морской базы Черноморского флота.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабурин С.Н. Крым и Севастополь. Некоторые правовые и геополитические проблемы // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. № 1. М., 2000. С. 52–60.
2. Багров Н.В. Крым: время надежд и тревог. Б/м, Б/г. 374 с.
3. Колесов М.С. Россия и Крым на рубеже двух эпох. Публицистика. Севастополь, 2006. 200 с.
4. Крымскотатарское национальное движение. Т. 4. С.М. Червонная. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. 1994–1997 годы / под ред. М.С. Губогло. М., 1997. 342 с.
5. Мальгин А.В. Крымский узел. Очерки политической истории Крымского полуострова. 1989–1999. Симферополь: Новый Крым, 2000. 126 с.
6. Рябушкин Д. Крым // Регионы Украины: Хроника и руководители. Т. 3. Крым и Николаевская область / научн. ред. Кимитака Мацузато. Hokkaido unicersiti. Sapporo. 2009. С. 11–124.
7. Сколько можно выждать? Интервью секретаря Тернопольского обкома Компартии Украины Я.М. Сухого, // Известия ЦК КПСС. 1990, № 12. С. 17–19.
8. Сочнев А. «Ельцину был наплевать на Крым». Первый президент Крыма Юрий Мешков о жизни полуострова во время перестройки [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/08/12/meshkov/> (Дата обращения 5 сентября 2015).

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327,8

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-118-128

Хлопов О.А.

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ КИТАЯ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности энергетической политики Китайской народной республики (КНР). Отмечено, что повышенный спрос на нефть, газ и их экспорт актуализирует проблему энергетической безопасности КНР. Китай заинтересован в расширении альтернативных маршрутов импорта углеводородов и включения своих государственных нефтегазовых компаний в разработку зарубежных проектов, тема самым расширяя сферу своего геоэкономического влияния и интересов. В условиях политического напряжения на Ближнем Востоке Китай реализовывает свою энергетическую стратегию в Африке, Арктике и в сотрудничестве с Россией, которая выступает для него стратегическим партнером и экспортером энергоресурсов, что создает устойчивую основу для энергетической безопасности КНР.

Ключевые слова: газ, нефть, энергетическая стратегия, политика, КНР.

O. Khlopov

Russian State University for the Humanities, Moscow

ENERGY POLICY AND STRATEGY OF CHINA

Abstract. The article analyses the main characteristics of the energy policy of People's Republic of China (PRC). It is emphasized that the rising demand for oil, gas and their exports actualize the problem of China's energy security. It is underlined that China is interested in enlarging the alternative routes to import oil and gas, including her state run companies in the overseas projects, thus widening the sphere of its geo economic influence and interests. In the conditions of political instability in the Middle East China is realizing its energy strategy in Africa, Arctic and through cooperation with Russia, that comes out as a reliable partner and supplier of energy resources and creates the stable ground for Chinese energy security.

Key words: oil, gas, energy strategy, policy, People's Republic of China.

Китайская народная республика (КНР), имея население более 1,3 млрд.

© Хлопов О.А., 2015.

чел., занимая 3-е место в мире (после США и ЕС) по объему ВВП (12,61 трлн. долл. США), является одной из наиболее

лее динамично развивающихся стран мира. С середины 1960-х гг. Китай стал чистым экспортером энергоресурсов и экспортировал нефть и крупные объемы угля в Японию и страны АТР. Темпы роста экономики привели к повышенному спросу на сырье, и с 1993 г., когда внутреннее потребление нефти превысило ее предложение, Китай начал импорт нефти из других стран.

С 2005 г. Китай вышел на второе после США место по потреблению и производству энергоресурсов. Добыча нефти постепенно растет, но спрос на нее растет намного быстрее. По оценкам Управления энергетической информации США, потребление нефти в Китае в 2008 г. составило 7,8 млн бар/день и вышло на второе место в мире после США. Китай добывает на своей территории 4,0 млн бар/день, а объемы импорта в 2009 г. составили 3,6 млн бар/день – это третье место после США (12,2) и Японии (4,9). В 2013 г. Китай уже вышел на второе место, увеличив импорт нефти до 6,2 млн бар/день, в то время как США его сократили до 6,6 млн бар/день [15]. По прогнозам Управления энергетической информации США (EIA), потребление нефти Китаем вырастет к 2030 г. до 9,8 млн бар/день, а ее импорт к 2020 г. составит 66 % и к 2040 – 72 % потребления [14].

К 2045 г. Китай будет удовлетворять с помощью импорта 45% своих потребностей в энергетическом сырье и обойдет Соединенные Штаты в качестве самого крупного импортера нефти. Более половина импорта сырой нефти КНР поступает из Ближнего Востока, что составляет 2,9 млн бар/день или 52 % импорта сырой нефти в 2013 г. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, в

2015 г. спрос и производство будут составлять 11,1 и 4,0 млн. бар/день соответственно, а в 2030 г. – 16,5 и 3,4 [20].

Собственные ресурсы нефти распределены по территории Китая крайне неравномерно. В Китае выделяют четыре нефтегазоносные зоны: восточную, западную, центральную и зону континентального шельфа. Восточная зона продолжает оставаться главной базой добычи нефти, однако ее запасы значительно сократились. Одним из важнейших направлений работы по расширению ресурсной базы КНР стало освоение шельфовой зоны, где сосредоточено 15 % всех нефтяных запасов Китая. Наиболее перспективными были признаны районы Бохайского залива (восточное побережье) и дельты р. Чжуцзян (Южно-Китайское море). Их разработка ведется как самостоятельно, так и в рамках совместных проектов с иностранными компаниями. Объем технически извлекаемого газа составляет 35,7 трлн. куб м., что почти в полтора раза превышает аналогичный показатель для самих Соединенных Штатов. Однако прогнозируемых объемов добычи газа недостаточно для удовлетворения ожидаемого спроса.

В социально-экономическом развитии Китай ставит цель, многократно увеличивая ВВП, повысить жизненный уровень населения, но на это требуются дополнительные энергетические мощности и ресурсы. Энергетическое обеспечение не только долгосрочных, но, как показывает позднейшая практика, также среднесрочных и даже краткосрочных потребностей китайской экономики и китайского населения уже выходит за пределы возможностей Китая [1]. В таких условиях для

Китай одной из основополагающих задач является *обеспечение энергетической безопасности страны*. Сегодня на энергетическую безопасность государства-импортера, каким является Китай, оказывают влияние ряд существенных факторов, которые сами по себе многообразны и сложны. Например, геополитическая ситуация в мире, кризисы и войны в зонах источников углеводородных ресурсов, конъюнктура рынка, маршруты и логистика поставок, технология, инвестиционный климат, безопасность производства, стихийные бедствия.

Согласно «Докладу об энергетике Китая (2012): энергетическая безопасность» под энергетической безопасностью понимается надежное, беспереывное снабжение энергоресурсами, которое необходимо для экономического развития страны [19]. В «Докладе по энергетическому развитию Китая (2012)», опубликованном Академией общественных наук Китая, было подчеркнуто, что вопрос безопасности энергетического снабжения делится на два типа: «абсолютная» и «относительная» энергетическая безопасность [8].

«Абсолютная» энергетическая безопасность, которая также получила название «монопольной» безопасности, означает, что крупный энергопотребитель с помощью собственной экономической, политической и военной мощи пытается в мировом масштабе контролировать и владеть главными нефтегазовыми месторождениями, контролировать стратегические пути транспортировки, играть главенствующую роль в международных энергетических организациях и гарантировать энергетическое снабжение по стабильным ценам. С этой точки зрения США

бесспорно являются единственным исполнителем стратегии «абсолютной» энергетической безопасности в нынешних условиях.

«Относительная» энергетическая безопасность предусматривает сотрудничество, направленное на обеспечение коллективной энергетической безопасности. При «относительной» энергетической безопасности энергопотребители акцентируют свое внимание на налаживании сотрудничества с производителями, используя совместную добычу, развивая инвестиционную деятельность, строительство энергетической инфраструктуры. Между энергопотребителями создаются разные механизмы энергетического мониторинга, информационного обеспечения, ценообразования на энергоресурсы, управления перевозками энергоресурсов для обеспечения собственной энергетической безопасности. Очевидно, что для Китая приоритетом является относительная энергетическая безопасность.

Для Китая императивы энергетической безопасности, в основном, заключаются в следующем. Во-первых, увеличивающийся спрос и зависимость китайской экономики от энергоресурсов. В 2013 г. уровень зависимости Китая от импортной нефти достиг 57 % (для сравнения: в США только 53 %), при этом 58,8 % импортированной нефти Китая поставлялось главным образом с Ближнего Востока. Однако за последние годы ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке существенно ухудшилась: возникли вооруженные конфликты и политическая дестабилизация. Сложившаяся ситуация оказывает негативное влияние на энергетическую безопасность Китая.

Во-вторых, транспортировка углеводородов находится постоянно под угрозой. В Китае 80 % импортированной нефти доставляется морскими путями, однако почти 90 % перевозки нефти обслуживают иностранные судоходные компании. США ввиду усиления мощи Китая пытаются укрепить свое военное присутствие в АТР и контролировать многие стратегические морские пути, включая и Малаккский пролив. Совершенно очевидно, что это сдерживает расширение объемов транспортировки энергоносителей в Китай.

Наконец, это нехватка стратегических запасов нефти. По официальным данным, общий объем стратегических запасов нефти в Китае составляет 14 млн. тонн, которого достаточно не более чем на 20 дней. Представляется очевидным, что объем стратегических запасов нефти находится далеко от принятой оценки Международного энергетического агентства (МЭА) в 90 дней. В этой связи Китай рассчитывает на обеспечение запасов нефти в 850 млн. тонн к 2020 г.

Основными источниками импорта нефти являются три региона – Ближний Восток, Центральная Азия (Каспийский регион) и Россия, а также Африка. За последние 15 лет в структуре импорта нефти произошли заметные изменения. Если в 1998 г. основными поставщиками нефти были Иран, Йемен и Индонезия, то к 2001 г. из них остался один Иран, а добавились Саудовская Аравия и Оман, а с 2004 г. еще Россия, Ангола, Судан, Венесуэла и Казахстан. Однако ведущую роль продолжали играть ближневосточные государства: в 1998 г. на их долю приходилось 61 % поставок, в

2004 г. – 45,4 % и в 2009 г. – 50 %. Также резко возросло место Африки с 8 % в 1998 г. до 30 % в 2009 г. (в основном за счет Анголы, Судана и Ливии) [4, с. 96-97].

В настоящее время можно выделить пять составляющих стратегии Китая по обеспечению энергетической безопасности, а именно: 1) дипломатическая работа, направленная на получение прав базирования, что делает правомерным крупномасштабное присутствие Китая в районе Индийского океана; 2) укрепление экономических связей с соседними странами и странами-поставщиками для обеспечения постоянных поставок энергоресурсов; 3) внедрение альтернативных видов топлива и их развитие, а также экономия энергии в целях снижения зависимости от импорта углеводородного сырья; 4) поощрение китайских компаний к участию и инвестированию в зарубежные проекты добычи нефти и газа; 5) образование стратегических запасов нефти [10, с. 11].

Главным источником энергоносителей для Китая является регион Персидского залива, страны которого обеспечивают сейчас до 44 0% всех импортных поставок в Китай. Сильная зависимость от ближневосточной нефти вызывает обеспокоенность в Пекине. Во-первых, транспортировка ближневосточной нефти в Китай осуществляется только через Малаккский пролив, соединяющий Индийский океан и Южно-Китайское море, который характеризуется самым высоким уровнем пиратства. Во-вторых, перманентная напряженность вокруг Ирана означает наличие постоянного риска прекращения поставок из региона Персидского залива [11, с. 19]. Учиты-

вая политические риски и нестабильность этого региона, Китай за последние годы расширил сотрудничество в нефтегазовой сфере со странами Центральной Азии и России.

В 2011 г. завершилась работа по прокладке *Китайско-российского нефтепровода*. Китайско-российский нефтепровод начинается со станции Сковородино (Амурская обл.), проходит по территории провинции Хэйлунцзян и Автономного района Внутренняя Монголия и завершается в городе Дацин. По данному нефтепроводу Россия ежегодно поставляет Китаю сырую нефть в объеме 15 млн. тонн. Стороны заключили контракт о поставке нефтяных ресурсов в течение 20 лет [6]. Энергетическое сотрудничество Китая и России не только означает экономические выгоды для обеих сторон, но и укрепляет политическое взаимодоверие. Как отметил посол КНР в России Ли Хуэй в статье газеты «Женьминь Жибао» накануне официального визита Председателя КНР Си Цзиньпин в Россию в начале мая 2015 г.: «Отношения между Россией и Китаем стали успешным примером построения нового типа международных отношений на основе взаимовыгодного сотрудничества. Они играют важную стабилизирующую роль, способствуют установлению безопасности и мира в регионах и во всем мире. У Москвы и Пекина большие планы на будущее» [9].

Российско-китайское партнерство получило новый импульс после официального переговоров и посещения Председателем КНР Си Цзиньпин военного парада на Красной площади 9 мая 2015 г. По окончании переговоров с Президентом России между Росси-

ей и Китаем был подписан целый ряд торговых соглашений, касающихся инфраструктуры, сельского хозяйства и транспорта. В рамках этих договоренностей запланировано и увеличение в течение трех лет объемов кредитования российских компаний китайскими банками до 25 млрд. долл. США. «Газпром» и компания CNPC подписали договор о поставке в Китай природного газа в объеме 38 млрд. куб. м. в год сроком на 30 лет, начиная с 2018 г. Стоимость контракта составила 400 млрд. долл. США. Газ будет поставляться из Якутского и Иркутского центров газодобычи по магистральному газопроводу «Сила Сибири». В ходе этого визита КНР и РФ объявили 2016 и 2017 гг. китайско-российскими медиагодами. Подписание данного соглашения имеет положительное значение для укрепления взаимного доверия и содействия между СМИ Китая и России. Визит показал обоюдный интерес стран к расширению сотрудничества в инвестиционной, финансовой и энергетической областях, Евразийскому экономическому союзу, а также строительству Экономического пояса Шелкового пути.

Китай начал импортировать газ с 2006 г., и сегодня доля закупок за рубежом достигла 11,2%. В частности, в 2006 г. китайская нефтегазовая компания CNPC выиграла тендер на разработку и добычу газа на месторождении Южный Иолотань в Туркменистане, с 2009 г. вступил в эксплуатацию газопровод из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан. CNPC принимает активное участие в освоении газовых месторождений Казахстана. Кроме того, был сооружен газопровод из Мьянмы в Китай мощностью до 12

млрд. куб.м. в год и активно осуществляются закупки сжиженного газа из Австралии и Катара. В перспективе намечена прокладка магистрали через Пакистан – из порта Гвадар по трассе действующего Каракорумского шоссе через Гилгит и Хунджерабский перевал до Кашгара, где ведутся активные геологоразведочные работы по оценке газоносных пластов месторождения Курля-Куча в пустыне Такла-Макан [4, с. 97].

Африка является вторым крупным поставщиком нефти в Китай, обеспечивая 32% всего нефтяного импорта страны. Повышенный интерес Китая к Африке можно рассматривать как часть более широкой стратегии «выхода», начатой руководством КНР в конце 1990-х гг., которая поощряет государственные и частные компании инвестировать за рубеж, особенно в странах, богатых природными ресурсами. К 2020 г. Китай, по прогнозам, обгонит Соединенные Штаты по импорту нефти во всем мире и станет крупнейшим в мире потребителем к 2035 г. [20]. Согласно данным международной торговой комиссии США, в 2011 г. примерно 80% китайского импорта из Африки составили природные ресурсы. Кроме того, с 2003 по 2010 гг. более половины прямых иностранных инвестиций Китая в Африку были направлены в нефтяную промышленность [17].

Самый главный интерес КНР в Африке – обеспечение доступа к нефти, другим полезным ископаемым и сырьевым ресурсам. Специфика китайского бизнеса в том, что он готов разрабатывать природные ресурсы в странах, которые имеют напряженные отношения с Западом, например в Судане, или

в которых очевиден высокий уровень политического риска, как в Конго, или где отсутствует прямая конкуренция с западными компаниями. Именно на Африку, занимающую второе место в импорте Китаем сырой нефти после Ближнего Востока, сегодня делается ставка в китайской нефтяной стратегии. В 2009 г. китайский импорт нефти из Африки составил 3,3 млн. бар/день. Африканская нефть обеспечивала 25% китайского нефтяного импорта, при этом более 20% приходилось на страны Гвинейского залива и Судан. Африканская нефть составляет 23% китайского нефтяного импорта 1,3 млн. бар/день из общего объема импорта в 2013 г. – 5,4 млн. бар/день [5].

В сфере интересов китайских компаний богатые ресурсами страны, такие, как ЮАР, Ангола, Нигерия, Замбия, Судан и менее значимые экспортеры – Алжир, Чад, Гобон, Кения, Либерия и Ливия. В последнее время происходит интенсивная диверсификация путей проникновения китайцев в Африку. В 2000 г. был создан Форум по китайско-африканскому сотрудничеству (FOCAC), Это межправительственный орган Китая с африканскими странами для разработки плана укрепления двустороннего сотрудничества между КНР и 50 африканскими странами-членами [18]. Несмотря на острую конкурентную борьбу, которую приходится вести китайским компаниям, можно говорить об успехе Пекина в Африке, который обусловлен следующими причинами.

Во-первых, китайский бизнес не боится действовать в разрушенных войнами странах, таких, как Либерия, Конго, Сьерра-Леоне, а также в зонах этнополитических и религиозных кон-

фликтов. Во-вторых, Китай действует в странах, которые попадают под санкции западных государств, в которых он позиционирует себя как альтернативный партнер, что приносит ему значительные экономические и политические преимущества. Такая стратегия действует в Судане и Зимбабве [7]. Наконец, это грамотная и рассчитанная на десятилетия стратегия КНР по продвижению своих интересов в Африке. Таким образом, Китай имеет четыре всеобъемлющие стратегические цели в Африке: 1) доступ к природным ресурсам, в частности, нефти и газу; 2) доступ своих экспортных товаров на африканские рынки; 3) политическая легитимность в международных форумах, в частности, на основе принципов Китая – невмешательство во внутренние дела стран, «Юг-Юг солидарности» и приверженности политике «одного Китая»; 4) устойчивая безопасность и стабильность, чтобы обеспечить сохранность своих инвестиций и продолжить свою коммерческую деятельность.

Стоит отметить, что Китай не афиширует своей заинтересованности в энергоресурсах Арктики – официальный акцент сфокусирован на научных интересах. По разным оценкам, в Арктике сосредоточено около 30% мировых запасов природного газа и 13% нефти [3, с. 52]. На сегодняшний день активно вовлекаются в процесс исследования и добычи энергоресурсов в Арктическом регионе крупнейшие нефтедобывающие китайские компании – в первую очередь «Китайская национальная компания по добыче шельфовой нефти» (CNOOC), которая тесно сотрудничает с исландской корпорацией «Eukon Energy» и «Китайской на-

циональной нефтегазовой компанией» (CNPC) [2, с. 46]. Хотя на данный момент у Пекина нет официальной и публично озвученной стратегии в отношении Арктики, анализ действий Китая позволяет выделить определенные черты на арктическом направлении, приобретающие стратегическую форму.

В первую очередь стоит отметить, что Пекин изначально выбрал путь, ориентированный на использование потенциала «мягкой силы». Опираясь на осуществление научной деятельности в Арктике, КНР реализует «научную дипломатию», выводя научные изыскания в Арктике на глобальный уровень, участвуя во множестве форумов, посвященных изменению климата в Арктике, привлекая иностранных ученых к участию в экспедициях. Это способствует утверждению авторитета и значимости КНР в полярных исследованиях. В этой сфере задействован целый ряд исследовательских центров, среди которых основными являются Китайский институт полярных исследований (PRIC), Шанхайский институт международных исследований (SIIS), Китайский институт изучения проблем моря (CIMA) и другие. Помимо собственно научных изысканий, в задачу китайских исследовательских центров входит разработка теоретических рекомендаций для политиков относительно проблем Арктики, а также ее потенциала и перспектив.

Официальная риторика Пекина сводится к сохранению статус-кво арктических пространств и поддержке преимущественной юрисдикции и суверенных прав государств региона. В то же время Арктика рассматривается как регион, имеющий глобальное зна-

чение, в котором КНР имеет законное право участвовать в решении проблем региона, так как климатические изменения оказывают влияние на Китай; более того, Китай имеет право использовать арктические воды, согласно нормам международного права. Одним из главных успехов Пекина в этом направлении можно считать присвоение ему статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете в мае 2013 г.

Можно с уверенностью говорить о том, что энергетическая безопасность становится для Китая проблемой национальной безопасности. В этом плане особую актуальность приобретает выстраивание курса на обеспечение Пекином большей степени энергетической самодостаточности посредством расширения своего присутствия в ресурсных зонах и работы национальных компаний за рубежом. В качестве примера конкурентного противостояния можно привести ситуацию вокруг Южно-Китайского моря, где Пекин активно участвует в территориальных спорах с пятью другими государствами региона: Тайванем, Малайзией, Филиппинами, Брунеем и Вьетнамом. Центральный вопрос этих споров – полезные ископаемые, находящиеся в недрах оспариваемых территорий. По данным Пекина, там залегают свыше 200 млрд. баррелей нефти и 900 трлн. куб. м. газа. Правда, по оценке Геологической службы США – всего 11 млрд. баррелей нефти и 5,9 трлн. куб. м. газа [13]. При этом Южно-Китайское море важно для Китая и как стратегический район, через торговые пути которого проходит около 60% поставок всех энергоресурсов в Южную Корею, Японию и Тайвань, а также 80 % поставок сырой нефти в Китай. Американцы

хотят сохранить статус-кво в вопросах, касающихся торговых маршрутов в Южно-Китайском море, по которым ежегодно проходит товарный поток более чем на 5 трлн. долл. США, приблизительно четвертая часть которых приходится на американские фирмы.

В мае 2015 г. Китай опубликовал так называемую «Белую книгу» (White Paper) по вопросам военной стратегии, (**China's Military Strategy**). **Это уже 9-й документ подобного рода за последние 17 лет, начиная с 1998 г., который издается каждые два года.** Документ, содержащий основные открытые положения военной доктрины КНР, сообщает о планах Пекина по совершенствованию своих Вооруженных сил. Основная концепция военной стратегии Китая – «активная оборона», которая исходит из приверженности Китая мирному развитию. Китай не намерен ни на кого нападать, но оставляет за собой безусловное право на контратаку в случае нападения на него. При этом отмечается, что Китай не стремится к гегемонии и экспансии.

Одна из восьми основных задач вооруженных сил Китая – «обеспечение безопасности зарубежных интересов Китая». В качестве основных источников беспокойства документ называет растущую военную активность США и Японии в Азии, что требует серьезной корректировки политики Китая в сфере безопасности. В стратегии впервые поднимается проблема спорных морских территорий, а также выражается обеспокоенность военной активизацией Японии и США в непосредственной близости от своих границ. При этом Пекин отмечает, что все его действия в регионе носят оборонительный характер. Среди приоритетов

указаны, в частности, развитие флота океанской зоны, рост возможностей в киберпространстве и сотрудничество с Россией [16].

Очевидно, что Китай видит в лице США глобального гегемона и военно-стратегического конкурента, который стремится сдерживать внешнеполитическое влияние и внешнеэкономические амбиции Китая. КНР, как и Россия, выступает за равноправное и многополярное мироустройство, в котором бы доминировал баланс сил и баланс интересов. Позиции Китая и России близки относительно актуальнейшей проблемы осмысления протекающих глобальных процессов, что позволило бы определить адекватные принципы разумного производства, распределения и использования энергии в различных регионах мира для обеспечения устойчивого развития человечества [12].

Можно сделать *выводы* о том, что Китай в настоящее время достаточно активно использует инструменты политики «мягкой силы» при установлении контактов с участниками международных отношений с целью продвижения собственных интересов энергетической безопасности. Современная энергетическая политика Пекина является частью политической стратегии «китайского глобализма». Очевидно, что в отличие от американского «глобального лидерства», китайская внешняя политика направлена на интеграцию со всеми странами во взаимозависимый, компромиссный и многополярный мир, на основе равноправного участия. В обозримой перспективе стратегические интересы Китая и России в построении многополярного мира в принципе совпада-

ют или близки по геополитическому, ресурсно-экономическому и культурно-цивилизационному аспектам.

В вопросе ведения внешней политики Китай считает необходимым полагаться как на свои внутренние силы, так и на механизмы региональных и международных организаций, в том числе ООН, а также на принципы международного права. Интересы энергетического, экономического, геополитического характера обосновывают для Китая необходимость присутствовать в Африке, Арктике и укреплять энергетическое сотрудничество с Россией. В попытке реализовать государственную стратегию энергетической безопасности Китай устремляет свои внешнеполитические интересы в эти регионы с целью диверсифицировать поставки нефти и газа, расширяя зону своего экономического влияния.

Африканский континент находится в сфере экономических приоритетов КНР, один из которых – диверсификация путей поставок энергоресурсов. В попытке найти решение некоторых проблем энергетических поставок через Малаккский и Ормузский проливы и реализовать государственную стратегию энергетической безопасности Китай обращает свои интересы в сторону Арктики. России следует использовать конструктивный потенциал российско-китайского стратегического партнерства, в том числе, на африканском и арктическом направлениях, как возможность расширения сферы своего внешнеполитического влияния и экономического развития в качестве возрождающейся глобальной державы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Бергер Я.М. Об энергетической стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 120-137.
2. Данюк Н.С., Рамазанов М.Р. Арктика в системе координат энергетической политики РФ и КНР как основа устойчивого развития российско-китайских отношений // Международное публичное и частное право. 2014. № 2. С. 15-22.
3. Загорский А.В. Арктика: зона мира и сотрудничества. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
4. Заменит ли нам Китай Европу // Нефть России. 2012. № 1. С. 96-100.
5. Ирисова О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку [27.03.2015] / Forbes [сайт]. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyyi-imperializm-kak-kitai-zavoevuyuet-afriku> (дата обращения 20.09.2015)
6. Китай завершил работу по открытию четырех главных энергетических коридоров [03.02.2012] / China. Org.CN [сайт]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-02/03/content_24545043.htm (дата обращения: 20.09.2015)
7. Китай обещает не колонизировать Африку по западному образцу [12.01.2015] / Newsru.com [сайт]. URL: <http://www.newsru.com/world/12jan2015/chin.html> (дата обращения 20.09.2015)
8. Ли Син, Ван Чэнсин. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 50-59.
9. Ли Хуэй. Российско-китайские отношения – путь к миру и стабильности (записки посла) // Женьминь-жибао. 2015. 3 мая (рус. пер. см.: <http://inosmi.ru/fareast/20150508/227919451.html>).
10. Матвеева Д.В. Энергетическая безопасность Китая в начале XXI века // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 350. С. 97-99.
11. Мухаметов Р.С. Геоэнергетические интересы ЕС, России и Китая в Каспийском регионе // Международное публичное и частное право. 2011. № 4. С. 15-19.
12. Танайлов С.В. Геополитика и энергетическая безопасность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2. С. 245-251.
13. Химера взаимодействия: США и КНР вырабатывают правила на случай конфликта [23.06.2015] / Lenta Ru [сайт]. – URL: <http://lenta.ru/articles/2015/06/23/himerica/> (дата обращения 20.09.2015)
14. China. Country Analysis Overview [04.02.2014] // US Energy Information Administration [сайт]. URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=ch> (дата обращения 20.09.2015)
15. Wei Y.M. China Energy Report (2012): Energy Security Research / Y. M. Wei, G. Wu et al. Beijing: Science Press, 2012. 280 p.
16. Chine Energy Profile / US Energy Information Administration [сайт]. URL: <http://www.eia.gov/beta/international/country.cfm?iso=CHN> (дата обращения 20.09.2015)
17. China's Military Strategy (The State Council Information Office of the People's Republic of China, May 2015, Beijing) / Window on Chinese Armed Forces [сайт]. URL: http://english.chinamil.com.cn/news-channels/2015-05/26/content_6507716.htm (дата обращения 20.09.2015)
18. The Fifth Ministerial Conference of the Forum on China-Africa Cooperation: Beijing Action Plan (2013-2015) / FOCAC [сайт]. URL: <http://www.focac.org/eng/>

- ltda/dwjbzjjhys/hywj/t954620.htm (дата обращения 20.09.2015)
19. Gamache L, Hammer A., Jones L. China's Trade and Investment Relationship with Africa / United States International Trade Commission [сайт]. URL: [http://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa\(GamacheHammerJones\).pdf](http://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa(GamacheHammerJones).pdf) (дата обращения 20.09.2015)
20. World Energy Outlook, 2014 / International Energy Agency [сайт]. URL: http://www.iea.org/bookshop/477-World_Energy_Outlook_2014 (дата обращения 20.09.2015)

УДК 321.022

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-129-137

Федорченко С.Н.*Московский государственный областной университет*

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. В работе предпринят анализ новых сетевых типов обеспечения легитимности политических режимов. Постдемократическая модель, как показано, не просто опирается на постматериальные ценности, но и являет собой особый геополитический ареал, включающий политические и военно-политические сети, завязанные на США с имперско-мессианской аксиологией. Имитационная модель фиксируется в большинстве стран мира и по-прежнему ориентируется на романтизированные идеалы демократии западно-либерального типа. Тогда как режимы идеократической модели усматривают в таких ценностях угрозу для своей легитимности.

Ключевые слова: постдемократия; сетевые технологии; легитимация; политический режим; политическая культура; политическая аксиология.

S. Fedorchenko*Moscow State Regional University*

NETWORK TECHNOLOGIES AND LEGITIMACY OF THE POLITICAL REGIME

Abstract. An attempt is made to analyze the new network types of ensuring the legitimacy of political regimes. It has been shown that the post-democratic model does not just rely on the post-materialistic values, but is a special geopolitical area that includes political and military-political networks tied to the US imperial and messianic axiology. The simulation model is fixed in most countries of the world and is still guided by the romanticized democratic ideals of Western liberal type. Whereas regimes of ideocratic model consider such values to be a threat to their legitimacy.

Key words: post-democracy, network technologies, legitimacy, legitimation, political regime, political culture, political axiology.

Сеть и легитимность власти. В современную политическую науку активно проникает концепт и терминология сетевого общества. Крупнейший специалист в области сетевых технологий Мануэль Кастельс считает, что сеть представляет собой открытую социальную структуру взаимосвязанных узлов, которая может неограни-

ченно расширяться путём включения способных к коммуникации новых узлов на основе схожих коммуникационных кодов (ценностей либо задач) [16, с. 494-495]. К примеру, это – индивиды, экспертное сообщество, бизнес, транснациональные корпорации, лоббистские группы, государство, общественные организации, политические партии и т.п. По мнению Кастельса,

тот актер, который знает коммуникационные коды сети, и обладает властью. На основании этого можно выдвинуть рабочую гипотезу о том, что своеобразным ключом к этим кодам сети являются ценности¹.

Важная особенность сети – отсутствие строгой иерархии в управленческой коммуникации, автономность её элементов, даже если существуют серьезные узлы (активные структурные элементы и центры) сетей [11, с. 57-60]. Социальная структура, обладающая сетевыми признаками, характеризуется высокой динамичностью, управленческой эластичностью, открыта, с одной стороны, для инноваций, а с другой, стремится к сбалансированности, сохранению базового ценностного модуля.

Несмотря на сравнительно недавнюю актуализацию этой темы в политологии, сеть – довольно архаичный, древний общественно-политический феномен. Еще в Древнем Египте фараоны использовали жреческие сети храмов различных древнеегипетских богов² для укрепления политического и культурного влияния государства в новых завоеванных землях. Другими словами, жреческие сети могли работать на усиление легитимности фараона. Но те же сети из жрецов и правителей номов оказывали сопротивление централизованной власти, если фараон пытался ограничить их автономию³. Также в древности важ-

нейшими актерами влияния на политику той или иной страны были торговые колонии, которые, несмотря на связь со своей метрополией, имели определенное самоуправление (торговые сети древней Ассирии, Минойской цивилизации, Финикии, Афин, Этрурии, Рима и т.п.). Торговые и жреческие сети активно использовались для политического влияния и пропаганды культуры древнегреческих полисов⁴, античного Рима. Вместе с тем раннехристианские сети стали серьезным деструктивным фактором по отношению к важным элементам легитимности Римской империи – культу римского императора и древнеримской религии.

В настоящее время сети можно подразделить на социальные (религиозные, коммерческие, диаспоральные, профессиональные и др.), политические и виртуальные (Интернет, e-government, «облачные технологии» и др.). Открытия в области информационных и компьютерных технологий обеспечили материальную основу для всестороннего проникновения архаичных сетевых принципов в структуру нынешнего общества, несмотря на внешнюю несхожесть виртуальной реальности с традиционными коммуникациями.

раоне Аменхотепе IV (Эхнатоне), который вошел в конфликт с сетью жрецов и номархов, стараясь ограничить их власть и ввести новый религиозный культ Атона [3, с. 252].

⁴ Распространение божественных культов приводило к созданию амфикистий – древнегреческих религиозных объединений (на базе культа Аполлона и др.). Любопытно, что иногда активность жреческих сетей на некоторых территориях способствовала появлению амфикистий задолго до формирования централизованных государств (например, в случае Боспорского царства).

¹ Взаимосвязь политической аксиологии с сетевыми механизмами обеспечения легитимности политических режимов – неисследованная тема, имеющая определенные перспективы.

² Именно сети, т.к. древнеегипетский политизм предполагал множество культов, без строгой общей иерархии.

³ Классический случай имел место при фа-

Эволюция сетей зависит, прежде всего, от уровня развития культуры, общества и государства той или иной цивилизации. Уже прежние архаичные политические режимы делились на две подгруппы – те, у которых получилось сосуществовать с сетями и использовать их технологии для упрочнения собственной легитимности, и те, которые вместо симбиоза встали на путь конфронтации с сетями и были изнутри ими разрушены. Получается, что механизм обеспечения легитимности политического режима сетевыми приемами – весьма древнее изобретение. Не случайно еще Макиавелли отмечал, что секрет власти – в способности применять её тайно (*arcana imperii*).

Как правило, легитимность (от лат. *legitimus* – законный, правомерный, согласный с законами) подразумевает не только классическое согласие власти с гражданами, но и конкретные технологии легитимации, предполагающие действенные приемы по созданию эффективной коммуникации между обществом и властью, привлекательного образа государства, политических институтов, властной элиты. Особенности легитимности власти в своё время стал исследовать ещё Макс Вебер [27], рассматривая рационально-правовой, харизматичный и традиционный сегменты этого явления. Между тем специфика стремительной виртуализации нынешнего общества позволяет выделить особую сетевую легитимацию – механизм обеспечения легитимности политического режима с помощью новых сетевых технологий. При этом можно предположить, что, несмотря на древность самого феномена сетей, нынешние виртуальные сети и сообщества

частично отражают реальные социальные отношения, политические сети и политические предпочтения людей, которые, в свою очередь, тесно связаны с легитимностью власти¹. На основании этой гипотезы среди сетевых технологий важно выделить несколько разновидностей – консолидирующие (обеспечивающие стабильную легитимность политического режима) и деструктивные (нацеленные на разрушение легитимности).

Отдельные политологические исследования до сих пор опираются на трехзвенную модель политических режимов (демократия, авторитаризм, тоталитаризм). Её описала в своей книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт, которая предположила, что авторитаризм лишь ограничивает свободу, но не упраздняет её полностью, как тоталитаризм [5, с. 528]. Тогда как Фридрих Хайек в «Дороге к рабству» подробно затронул вопрос возникновения тоталитарного государства и его особенностей [26, с. 143, 153]. Вместе с тем данный подход весьма условен, серьёзно устарел и не учитывает специфику политических институтов современных государств, а также новые сетевые механизмы легитимации власти. Тем более, что неоавторитарные тенденции есть и в современных демократических странах, о чём будет сказано позднее. Несмотря на попытку Хайека связать тоталитаризм с ценностями коллективизма [26, с. 142], подобный подход практически игнорирует связь политического режима с политической культурой.

¹С определенной осторожностью политические сети можно рассматривать своеобразным связующим звеном между легитимностью политического режима и сетевыми технологиями.

Известная трехзвенная модель политической культуры Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы, выделивших активистскую, подданническую и патриархальную её разновидность [22, с. 58-59], также в силу своей условности и последних исследований в области политологии, вызывает определённый скепсис. Такие идеальные типы обходят стороной проблему политической аксиологии, игнорируют сохранившиеся с архаичных эпох в нынешней виртуальной среде сетевые отношения и специфические отличия различных цивилизаций, поэтому применение их политологами в научных работах превращается в некий карго-культ. Более адекватен и эластичен в этом отношении подход Рональда Инглхарта, возглавляющего проект World Values Survey [1, с. 157]. Согласно Инглхарту, происходит постмодернистская «бесшумная революция», в ходе которой материальные ценности безопасности и регулирования цен сменяются постматериальными ценностями защиты свободы слова и учета мнения граждан в процессе принятия политических решений.

Некоторые ученые призывают пересмотреть социологическую синтагму из преמודерна, модерна и постмодерна из-за критического переосмысления принципа последовательности, а не по причине отвержения самой модели как таковой. Есть подход, согласно которому ценности преמודерна (традиционного общества), модерна и постмодерна могут синхронно сосуществовать во время одного и того же исторического периода [10, с. 16-17]. Результаты исследований Инглхарта подтверждают тот факт, что материальные и постматериальные ценности могут со-

храняться параллельно в одну эпоху в разных странах [12, с. 17]. Такая «перегрузка» прежней модели позволяет учесть особенности политических культур и аксиологий современных политических режимов, по-разному решающих вопросы обеспечения собственной легитимности с помощью сетевых технологий (механизма «тонкой настройки»).

Модели сетевой легитимации политических режимов. Осознание синхронного существования ценностей постмодерна, модерна и преמודерна даёт основания для сравнительного анализа соответствующих моделей сетевой легитимации современных политических режимов. *Постдемократическую модель* сетевой легитимации политических режимов можно вывести на базе научных исследований, посвященных феномену постмодерна¹, отрицающего парадигму модерна без возврата к преמודерну [10, с. 74]. Эта модель связана с такой специфической терминологией, как постобщество, постгосударство, постполитика и, особенно, постдемократия. Британский социолог Колин Крауч под постдемократией понимал особую систему, в которой политики всё больше замыкаются в своем мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на маркетинговых исследованиях и рекламе.

Политические режимы этой модели (яркие представители – США, Канада, Австралия и т.п.) ставят себя в пример другим режимам в качестве образцов демократии [24, с. 147-148], целенаправленно институализируя лоббист-

¹ Терминологию постмодерна предложил Чарльз Дженкс применительно к новой архитектуре.

ские сети. Однако постдемократическую модель не слишком интересует широкое политическое участие граждан и организаций, не связанных с бизнесом [14, с. 18-19]. Власть избегает вмешательства в капиталистическую экономику, зато имеет место большая роль технологий политического менеджмента, маркетизации политики [23, с. 42-43]. Бизнес и власть стараются существовать в политическом симбиозе, выстраивать между собой политические сети, а не противоречить друг другу. Безусловен примат полной ориентации политиков на экономический рост, способствующий усилению группы технически обученных, послушных власти специалистов, которые поддерживают элиту, нацеленную на развитие технологий и привлечение инвестиций [19, с. 38]. Но примат экономического роста работает до определенного предела – без деструкции государственных институтов рыночными механизмами.

Спектакль электоральной игры и предвыборные дебаты организуются как тщательно срежиссированный политическими менеджерами симулякр [20, с. 267-268], масса граждан играет пассивную, апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы [14, с. 19]. За этим скрывается формирование партий в виде электоральных машин, непубличная реальная политика, опирающаяся на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми и привилегированными кругами. Неоавторитарные тенденции в этой модели проявляются весьма специфично – посредством установления нового геополитического порядка, который политологи на-

зывают «империей США» [17, с. 41] либо «империей Запада» [15, с. 148]. Иммануэль Валлерстайн такую систему определяет в виде стран «ядра» [2].

Каковы же причины сетевой легитимации режимов в странах постдемократической модели? Во-первых, это распыление и снижение ответственности государства за политические решения в условиях ослабления эгалитарных принципов правительственной политики и развития нового макреркерства с сетевыми традициями мониторинговой демократии¹ и процесса декананса медиа [13, с. 104]. Во-вторых, политические режимы, связанные политическими сетями с постдемократической ойкуменой США и её мессианской эсхатологической составляющей, влияют на политику, национальные приоритеты разных стран, теоретически и методологически рекомендуя (или навязывая) сетевые элементы в государственное управление без сильного центра для подчинения их властной элите [21]. Параллельно постдемократической ойкуменой активизируются в неудобных для неё геополитических либо экономических причинах режимов деструктивные и делегитимационные сетевые технологии «управляемого хаоса» и «цветных революций» для замены нелояльной политической элиты.

Имитационная модель сетевой легитимации политических режимов может вполне опереться на матрицу теории модернизации. С одной стороны, модернизация подразумевает процесс

¹ Мониторная демократия – это новая форма постэлекторальной политики, определяемая быстрым ростом различных типов внепарламентских механизмов контроля власти (новые медиа, сети).

преобразования традиционных (пре-модерных) обществ в современные, где доминируют ценности рыночной экономики, рационализма, демократических институтов западного типа, с другой стороны, модернизация не исключает стратегию «догоняющего» развития некоторых стран относительно государств Запада [2].

Как правило, имитационной модели присуща сильная эклектика политической аксиологии, т.к. модерн являет собой парадоксальное сочетание архаики политической культуры пре-модерна (традиционного общества) и зарождающихся элементов постмодерна. Поэтому этой модели характерна сильная имитационная ориентация на Запад [18, с. 22-29] (даже в условиях видимого противостояния, временных разногласий и латентных конфликтов), западные политические институты (концепт либеральной демократии, многопартийности, парламентаризма), превалирование принципов монетаризма, либеральной экономической политики. К представителям имитационной модели логично причислить большинство современных политических режимов (постсоветские, латиноамериканские, африканские, азиатские страны, некоторые европейские государства и др.).

Основная цель сетевой легитимации режима – обеспечение прочной легитимности политического режима, но без упора на конкретные идеологии и политические идеи (нет последовательной мессианской риторики западных стран на установление демократии по всему миру, в то же время нет и полного отвержения системы ценностей Запада). С этими целями внедряются принципы электронного

правительства западного типа, однако всепроникающего характера этот процесс не приобретает. В странах этой модели часто проводятся эксперименты по внедрению сетецентричных элементов в государственное управление без сильного центра с привлечением западных концептов, в силу чего возникают противоречия в государственном управлении и экономической политике, растет политическая эклектика и риски «цветных революций». Такие реформы проводятся местными элитами из-за глубинных причин – утопической догматики западно-либерального подхода к модернизации и доминирования жесткой ориентации на привлечение зарубежных инвестиций (боязнь потерять инвесторов).

В отличие от режимов постдемократической модели, здесь маркетизация политики, наоборот, жестко нацелена на экономический рост и показатели, что приводит к периодическому ослаблению государственных институтов рыночными технологиями и проявляется в эпизодических «встрясках» – радикальных реформах науки и образования, даже в ущерб собственным научным и образовательным традициям [19, с. 162-163]. Отдельные реформы, провозглашённые улучшить уровень жизни граждан и догнать Запад, на деле приводят к противоположным результатам. Основная проблема кроется в противоречии автохтонной политической культуры и привнесённых институтах политической системы западной версии (как основы политической и экономической модернизации) [4, с. 27].

Обычно пресловутому переходу в постмодерн мешают архаичные сервильные и патрон-клиентарные от-

ношения – наследие от преמודерна (традиционного общества). Модерн в некоторых случаях может закреплять принципы этих специфических архаичных сетей (Россия, некоторые постсоветские страны, Италия, Восточная Европа, Латинская Америка). Так, и в России, и в ряде латиноамериканских режимов сохраняется наследие архаики политической культуры преמודерна, когда граждане относятся к новым институтам (партиям, парламенту, выборам) приспособленчески, мимикрично [25, с. 193-203]. Архаичные черты культур стран имитационной модели хорошо изучены на примере служебных отношений в России [7, с. 18-20] и сервильных в Италии [9, с. 7-8]. На деле получается, что элиты имитационных режимов заимствуют принципы западной экономики, политики и электронного правительства, но практически игнорируют специфику собственных сетей, сохранившихся со времени преמודерна.

Идеократическая модель сетевой легитимации политических режимов сильно завязана на традиционную культуру преמודерна и теоретически может быть обоснована на соответствующих исследованиях в области феномена сакрализации государства [6]. Нынешние идеократические режимы (Китай, Иран, ОАЭ и др.) сочетают передовые сетевые технологии с матрицей своей архаичной политической культуры и аксиологии [13, с. 215, 266], а не просто имитирует западные политические институты и их электронные правительства. Цель сетевой легитимации политического режима – защита от западных подрывных технологий «управляемого хаоса» и «цветных революций». Поэтому здесь имеет место

отвержение имитационной ориентации на Запад, западных политических институтов (концептов либеральной демократии, многопартийности, парламентаризма), либеральной экономической политики. Есть определённое недоверие к маркетизации политической сферы. Вместо этого – ориентация на потенциалы собственной экономики, а не только жесткая привязка к зарубежным инвестициям.

При всей роли политических сетей, большое значение придаётся политической цензуре в Интернете (КНР, КНДР, ОАЭ, Саудовская Аравия), сохраняется недоверие к рекомендациям западных аналитиков по поводу сетевых методов в государственном управлении с принципами слабого центра (присутствует чёткое осознание рисков «цветных революций»). В иранской цензуре сохраняется влияние религиозной аксиологии, религиозных сетей, Корпуса Стражей Исламской революции [8].

Подводя итоги, важно отметить, что предложенная условная классификация – не догма и совсем не отменяет возможности появления гибридных, переходных типов, помимо предложенных трёх моделей сетевой легитимации. Постдемократическая модель, как было показано, не просто опирается на постматериальные ценности, но и является собой особый геополитический ареал, включающий политические и военно-политические сети, завязанный на США с имперско-мессианской и неоавторитарной аксиологией. Имитационная модель фиксируется в большинстве стран мира и по-прежнему ориентируется на романтизированные идеалы демократии западно-либерального типа. Тог-

да как режимы идеократической модели усматривают в таких ценностях угрозу для своей легитимности. Так или иначе, исследование зависимости специфики сетевой легитимации политического режима от политической культуры и аксиологии представляется перспективным направлением в современной политологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.В. Политическая теория и современные политические реалии / А.В. Абрамов, А.Е. Дмитриев, С.Н. Федорченко и др. М.: Граф-пресс, 2012. 260 с.
2. Абрамов А.В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал) 2012. № 3. С. 35-51.
3. Авдиев В.И. История Древнего Востока. М.: Госполитиздат, 1953. 758 с.
4. Альтернативы развития: Россия между модернизацией и деградацией (политологические очерки) / под ред. Ю.А. Красина. М.: Институт социологии РАН, 2013. 139 с.
5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
6. Багдасарян В.Э. Земля или Небо – геократия или идеократия? // Государственная идеология и ценности в государственной политике и управлении (к становлению политической аксиологии). М.: Научный эксперт, 2011. С. 80-83.
7. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
8. Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95-113.
9. Вироли М. Свобода слуг. М.: ВШЭ, 2014. 144 с.
10. Дугин А.Г. Постфилософия: три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. 744 с.
11. Зайцева П.В. Теоретические основы функционирования сетевых форм взаимодействия // Экономика российских регионов: мат-лы II молодежного экономического форума (12-13 ноября 2009 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 57-60.
12. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
13. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015. 312 с.
14. Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010. 192 с.
15. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 191 с.
16. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494-495.
17. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: ВШЭ, 2014. 208 с.
18. Матюхин А.В. Экономикоцентризм в российском либеральном мышлении // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011. № 11 (262). С. 22-29.
19. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014. 192 с.
20. Рыбина М.В., Федорченко С.Н. Электоральные технологии политического менеджмента // Известия Московского государственного технического университета – МАМИ. 2012. Т. 3 (№ 2). С. 267-274.
21. Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц

- О.К. Сетевые методы в государственном управлении. М.: «Сам полиграфист», 2015. 146 с.
22. Федорченко С.Н. Влияние политической культуры на специфику политико-менеджерских технологий // Постсоветский материк. 2014. № 1. С. 58-68.
23. Федорченко С.Н., Алексеев Р.А., Федорченко Л.В. Медиационная основа технологий политического менеджмента // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 3. С. 42-54.
24. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Сравнительный анализ политической культуры США и стран Европейского союза // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2015. № 43. С. 143-148.
25. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Политическая культура России и латиноамериканских стран через призму научных исследований // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт (мат-лы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. С. 193-203.
26. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
27. Weber M. Economy and Society: An Outline of an Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. 1470 p.

УДК 323.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-138-150

Шуликов А.О.*Камчатский государственный технический университет
(г. Петропавловск-Камчатский)*

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КАМЧАТКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье приведена характеристика основных этапов становления политической элиты в Камчатском регионе, рассмотрены факторы, оказывающие влияние на ее формирование. Указана роль региональных акторов в процессе формирования. Проведен сравнительный анализ основных тенденций формирования политической элиты в Камчатском крае с аналогичными процессами в других регионах России. Произведен анализ причин, механизмов развития и последствий внутриэлитных конфликтов на территории Камчатки в исследуемый период. Дан анализ итогов региональных выборов с 1990 по 2012 гг.

Ключевые слова: выборы, региональная политическая элита, Камчатский край, губернатор, внутриэлитный конфликт, законодательное собрание Камчатского края.

A. Shulikov*Kamchatka State Technical University (Petropavlovsk-Kamchatsky)*

THE PROCESS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL POLITICAL ELITE IN KAMCHATKA KRAI

Abstract: The article describes the characteristics of the main stages of the political elite formation in Kamchatka region, as well as the factors that affect the formation of political elite in the region. In the article the role of regional factors in the formation of regional political elite is denoted. Besides, the comparative analysis of the main trends in the formation of the political elite in Kamchatka region with similar processes in other regions of Russia was made. The analysis of the causes, mechanisms of development and consequences of intra elite conflict on the territory of Kamchatka during the study period was made. The analysis of the outcomes of the regional elections from 1990 to 2012 is given.

Key words: election, regional political elite, Kamchatka region, governor, intra elite conflict, Legislative Assembly of Kamchatka region.

В процессе становления и развития региональной политической элиты в Камчатском регионе можно выделить четыре основных этапа:

1) 1991-2000 гг. – период губернаторства В.А. Бирюкова;

2) 2000-2007 гг. – период губернаторства М. Б. Машковцева;

3) 2007-2011 гг. – период губернаторства А.А. Кузьмицкого.

4) 2011 – по настоящее время – период губернаторства В.М. Илюхина.

© Шуликов А.О., 2015.

Ни одному из названных выше региональных лидеров не удалось полностью консолидировать представителей местной элиты, и все эти периоды сопровождались как внутренними, так и внешними конфликтами. Но причины и последствия этих конфликтов в каждом конкретном периоде были различными.

Отправной точкой кардинальной смены политической элиты в Камчатском регионе можно считать выборы в областной совет народных депутатов, состоявшиеся в марте 1990 г. Несмотря на то, что это были первые выборы, которые не контролировали советские партийные органы (вследствие чего ряд секретарей обкома партии стали депутатами со второй, а то и с третьей попытки) большинство претендентов и депутатов все еще носило партийный билет.

Именно эти выборы дали старт политической карьеры ряду представителей региональной политической элиты Камчатского региона. Будущему оппозиционеру, руководителю СНД и губернатору Камчатской области М.Б. Машковцеву, будущим главам КАО С.Г. Леушкину и В.Т. Броневиц, будущим спикерам парламента Камчатского региона П.Г. Премьяку, Л.Н. Бойцову, Н.Я. Токманцеву. Будущим мэрам г. Петропавловска-Камчатского А.К. Дудникову, Ю.И. Голенищеву, А.Г. Шалееву, В.А. Семчёву и др. Правда, часть вышеназванных политиков в тот период свои первые демократические выборы проиграли.

Одной из первых функций нового состава областного совета народных депутатов стало назначение на должность председателя облисполкома. Действовавшие в тот момент партий-

ные органы власти продвигали на этот пост первого заместителя облисполкома Б.И. Синченко, но большинство избранных депутатов сделали свой выбор в пользу В.А. Бирюкова как по идеологическим, так и по практическим соображениям.

В 1991 г. В.А. Бирюков был назначен на должность губернатора Камчатской области указом президента Б.Н. Ельцина. На протяжении всего периода управления регионом В.А. Бирюкову удавалось сохранить определённое единство в своей команде, выстроить систему взаимоотношений с градообразующими предприятиями, представителями камчатского бизнеса, СМИ и федеральным центром.

Ведущим лидером контрэлиты в этот период стал лидер местных коммунистов М.Б. Машковцев. М.Б. Машковцев использовал все представляющиеся возможности для того, чтобы критиковать как администрацию области, так и лично В.А. Бирюкова. Любое принятое администрацией решение М.Б. Машковцевым и его сподвижниками принималось негативно. Он и возглавляемое им Камчатское отделение КПРФ организовывали и участвовали во всех забастовках, митингах и пикетах того периода.

После событий октября 1993 г. указом президента Б.Н. Ельцина региональные местные советы были упразднены и в регионах были назначены выборы в представительные органы власти.

В результате выборов в 1994–1995 гг. несмотря на достаточно большое представительство различных партий и общественных объединений в процессе предвыборной кампании, избиратели выбирали в основном из двух групп:

это были либо самовыдвиженцы, либо представители коммунистической партии. Именно коммунистов можно считать победителями на данном политическом цикле как на региональном, так и на местном уровнях. Этот результат можно объяснить рядом причин. Но наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие: во-первых, в этот период проводимая экономическая реформа не дала какого-либо существенного положительного эффекта, более того, наблюдался сплошной негатив (высокие темпы инфляции; рост безработицы; снижение реальных доходов населения; рост задолженностей по заработной плате, особенно в бюджетной сфере), что вызвало недовольство населения своим экономическим положением и, как следствие, протестное голосование; во-вторых, население «устало» от политического процесса, что привело к низкой явке избирателей, а коммунисты того времени обладали самым устойчивым электоратом (относительно малочисленным, но стабильно приходившим на избирательные участки); в-третьих, согласно вновь принятой Конституции 1993 г., роль и властные полномочия представительных органов власти были существенно снижены по сравнению с советами, что привело к уменьшению внимания к данным выборам со стороны исполнительных органов власти. [3]

После очередных выборов начался наиболее пиковый период противостояния между администрацией В.А. Бирюкова и М.Б. Машковцевым, который занял пост спикера Совета народных депутатов.

Процессы формирования политической элиты на региональном уровне

в России проходили по схожему сценарию практически по всей территории страны. В начале 90-х гг. сложился своеобразный треугольник власти, стороны которого представляли губернатор, спикер и мэр. Но это был не триумф, а ожесточенная конкуренция за власть, за ресурсы и контроль над территориями. Ельцинским назначенцам-демократам противостояли консервативно настроенные парламенты во главе с левыми лидерами. Это противостояние походило на реальное разделение властей: столкновение между исполнительной и законодательной ветвями означало не только идеологические дебаты, но и взаимный контроль и ограничение власти. Однако российская политическая элита воспринимала это не как шаг к демократии, а как беспорядок, мешающий «нормальной работе». Региональные администрации делали все для того чтобы восстановить утраченную монополию на власть. А для этого надо было научиться управлять выборами в региональные законодательные собрания [2. с. 141-142].

В 1996 г. прошли первые выборы главы региона. На них действующий губернатор во втором туре выборов смог сохранить свой пост, но необходимо добавить, что для победы в первом туре действующему губернатору не хватило всего нескольких процентов, и за него проголосовало больше избирателей, чем за всех остальных претендентов вместе взятых. Глава местной оппозиции в лице председателя обкома КПРФ и спикера СНД М.Б. Машковцева, несмотря на активную деятельность по критике действующего губернатора, от участия в выборах отказался. Мотивируя тем, что если

регион выберет «красного» губернатора (а в своей безоговорочной победе в этом случае он не сомневался), то население Камчатской области может пострадать от «мести» федерального центра. Местное экспертное сообщество эти аргументы не убедили, и большинство его восприняло отказ от участия в выборах как признание отсутствия поддержки со стороны избирателей.

Следующим этапом, послужившим изменению структуры региональной политической элиты, послужили выборы в представительные органы власти в 1997 г., которые существенным образом отличались от предыдущих: губернатор и его команда путем закулисных переговоров и торга подбирали потенциальных кандидатов в народные избранники и затем, используя преимущественно административный ресурс, содействовали их избранию депутатами. Такие действия, предпринятые главами российских регионов для формирования возможностей контроля над законодательными ветвями власти, приводили к тому, что руководители представительных органов власти перестали представлять угрозу губернаторам.

Как следствие этих выборов, на посту председателя областного СНД М.Б. Машковцева, ярого оппонента действующего губернатора, сменил более лояльный руководитель ЗАТО г. Вилючинск Л.Н. Бойцов.

Основным результатам данного электорального цикла стала потеря коммунистами доминирования на региональном политическом поле. Период, когда КПРФ (региональное объединение «Товарищ») имело большинство как в областном совете, так и в городской думе, заставило исполнительные

органы власти пересмотреть свое отношение к выборам в представительные органы власти, с тем, чтобы взять их под контроль.

Можно отметить следующие отличительные тенденции процесса. Во-первых, сформировалась страта профессиональных политиков; во-вторых, на этих выборах в политику вернулись руководители крупных предприятий и организаций, а также крупные муниципальные, региональные и федеральные чиновники; в-третьих, избиратели стали отдавать свой голос в пользу руководителей больших организаций или крупным чиновникам. Это стало возможным за счет имеющихся у них финансовых или административных ресурсов и более профессионального ведения избирательной кампании [3].

В 2000 г. произошла радикальная смена региональной политической элиты в Камчатском регионе. Действующий губернатор В.А. Бирюков решил не оставаться на следующий срок, и предложил на данный пост избрать одного из своих замов Б.И. Синченко, но намного раньше о своих амбициях на губернаторское место заявил другой представитель региональной элиты, действующий мэр региональной столицы А.К. Дудников, начавший свою предвыборную кампанию, используя занимаемый пост, задолго до её официального начала. Пригласив профессиональных политтехнологов, он смог выстроить грамотную предвыборную кампанию. Имея сильные позиции в городе, Дудников фактически гарантировал себе победу. А так как губернатор В.А. Бирюков до последнего сохранял интригу по поводу того, будет ли он участвовать в выборах или нет, то у его официального преемника,

вице-губернатора Б.И. Синченко, фактически не было шансов догнать А.К. Дудникова в предвыборной гонке. Но в результате политического и административного давления (как утверждают отдельные местные эксперты, имел место как подкуп, так и компромат), а также закулисных переговоров, он был вынужден снять свою кандидатуру с избирательного процесса в пользу Б.И. Синченко. Городской электорат этой интриги не воспринял, что в конечном итоге привело к финалу, неожиданно для всех, в том числе и для победителя: губернатором стал лидер местных коммунистов, депутат областного совета М.Б. Машковцев.

Придя в реальную власть, но не имея команды, опыта и поддержки со стороны местной бюрократии, представителей федерального центра в регионе и бизнеса, новый губернатор был вынужден полностью довериться полномочному представителю президента РФ в ДФО К.Б. Пуликовскому. Именно аппарат полномочного представителя президента РФ формировал администрацию новому губернатору.

В своей хозяйственной деятельности новый губернатор делал ровно то, за что критиковал своего предшественника, но не имел большого опыта в административной работе. Его эффективность оказалась значительно хуже, даже с учетом того, что внешние экономические условия за этот период значительно улучшились. Изначальная поддержка со стороны К.Б. Пуликовского не привела к тому, что отношения между ним и губернатором в дальнейшем стали складываться в положительном ключе.

В 2001 г. вслед за губернаторскими выборами состоялись очередные

выборы в Совет народных депутатов Камчатской области. Особенностью этих выборов можно считать то, что в них стали активно использоваться предвыборные блоки. В этих выборах участвовала набирающая силу очередная партия власти «Единство», но больших успехов в этих выборах ей добиться не удалось; только один кандидат, поддержанный партией «Единство», из девяти стал депутатом.

Среди политических партий победителем этих выборов можно считать Коммунистическую партию, хотя официально в выборах она не участвовала. Её представители входили в избирательное объединение «В поддержку губернатора», который пользовался поддержкой со стороны исполнительной власти.

Итогами данных выборов можно считать окончательную победу руководителей различного уровня и профессиональных политиков. Более половины состава совета народных депутатов Камчатской области попытались вновь попасть в представительный орган власти. И одиннадцати депутатам это удалось. Кроме этого, еще четыре политика сменили местный парламент на региональный [3].

После выборов губернатора и главы областного центра развитие событий стало происходить по схожему сценарию большинства российских регионов. Несмотря на то, что новый губернатор и мэр были из одной команды и долгие годы сотрудничали, заняв посты, они начали конфронтацию, достигшую своего пика в период с 2002 по 2003 гг. Предметом особо острого конфликта стала проводимая в г. Петропавловске-Камчатском реформа ЖКХ, которая в конечном

итоге привела к срыву отопительного сезона.

Весной 2003 г. пленум КПРФ по Камчатской области под председательством первого секретаря Камчатского обкома и по совместительству – губернатора Камчатской области М.Б. Машковцева исключил из партии мэра г. Петропавловск-Камчатского Ю.И. Голенищева за действия, которые принесли ущерб населению города и несовместимы со званием члена коммунистической партии. В результате конфронтации между основными акторами региональной политики мэр г. Петропавловска-Камчатского в 2003 году был признан виновным в нецелевом использовании бюджетных средств и освобожден от занимаемой должности решением суда.

В этот период стало активно развиваться региональное отделение партии «Единая Россия», в отличие от других руководителей регионов (в том числе тех, которые ранее представляли КПРФ), губернатор Камчатской области не стал вступать в эту партию и не предпринимал попыток взять под свой контроль её региональное отделение. К окончанию своего первого срока М.Б. Машковцев серьезных социально-экономических результатов добиться не смог, но к своим повторным выборам он подошел более подготовленным. В начале 2004 г., отвечая на вопросы о своих планах, М.Б. Машковцев подчеркнул, что примет положительное решение, если заручится поддержкой со стороны президента РФ, поддержки он так и не получил, но свою кандидатуру все равно выдвинул.

Губернаторские выборы на Камчатке в 2004 г., вошли в историю российских выборов как одни из самых

«грязных». В них использовались практически все разработки «черного» пиара того периода: участие двойника, провокационные газеты и листовки, возбуждение уголовных дел, насильственные действия по отношению к представителям штаба одного из кандидатов.

Камчатские выборы проходили по сценарию, который был характерен в тот момент для многих российских регионов. Действующему губернатору-коммунисту противостоял кандидат «Единой России». Региональное отделение «Единой России» решило поддержать бывшего главу Петропавловска-Камчатского, а в тот момент – депутата облсовета А.К. Дудникова. Другой единоросс, глава Усть-Камчатского района Б.А. Невзоров также решил баллотироваться в губернаторы и настаивал на том, что его также поддерживает партия.

Весьма показательно выглядел тот факт, что Союз рыбопромышленников и предпринимателей Камчатки, объединявший наиболее влиятельных представителей камчатского бизнеса, отказался кого-либо поддерживать и заявил о необходимости назначения губернатора президентом. В результате во втором туре выборов победил действующий глава региона М.Б. Машковцев, опередив единоросса Б.А. Невзорова.

В 2005 г. под воздействием федерального центра начался процесс объединения двух субъектов федерации (Камчатской области и Корякского автономного округа), что также оказало воздействие на трансформацию региональной политической элиты. В октябре 2005 г. на соответствующих территориях был проведен референдум, на основе которого был принят закон об

создании с 01.07.2007 г. нового субъекта Федерации.

Процесс объединения происходил под серьезным давлением со стороны федеральных властей, которые были заинтересованы в интеграции Камчатской области и Корякского автономного округа. Поэтому не обладавшие значительными политическими ресурсами представители КАО начали торг с целью получить больше полномочий. Изначально представители КАО настаивали на создании двухпалатного регионального парламента. Против этой инициативы категорически выступили представители Камчатской политической элиты, так как это серьезным образом могло нарушить их монополию на власть; и как компромисс можно считать получение политической элитой КАО не пропорционально количеству населения мест в будущем законодательном собрании Камчатского края.

Еще одним не менее важным аспектом предстоящего объединения был вопрос, кто возглавит новый регион. Действующий губернатор М.Б. Машковцев в марте 2007 г. после встречи с президентом РФ сообщил о своей отставке и о том, что ему было предложена работа в администрации президента. Имя своего будущего преемника он назвать отказался.

В результате 23 мая 2007 г. и. о. губернатора Камчатской области был назначен заместитель губернатора А.А. Кузьмицкий, а с первого июля после утверждения законодательными органами власти Камчатской области и Корякского автономного округа – губернатор Камчатского края.

В политической жизни Камчатского края началась эпоха губернатора –

«варяга», хотя чистым «варягом» его было трудно назвать, так как в команде губернатора Камчатской области он находился с 2005 г. Был заместителем губернатора и курировал работу по развитию местного самоуправления. Ничем примечательным за два года работы себя не зарекомендовал, ни с положительной, ни с отрицательной стороны. Региональные СМИ ни разу не обратили внимания на деятельность вице-губернатора А.А. Кузьмицкого. Вероятнее всего, он не смог за этот период сформировать устойчивые неформальные связи с представителями региональной политической и бизнес элитой. Из выше сказанного можно сделать вывод о том, что А.А. Кузьмицкий в принципе не умел устанавливать отношения с акторами политики и бизнеса, о чем косвенно свидетельствует и его предшествующая карьера.

Особый интерес вызвала сама процедура утверждения нового губернатора. Если в СНД Камчатской области утверждение прошло достаточно гладко, на политический демарш отважился только один депутат-коммунист, то в думе Корякского автономного округа, где большинство занимала фракция коммунистов, потребовалось проводить два голосования. В первый коммунисты отказались голосовать и покинули зал заседаний, вследствие чего решение представительного органа КАО стало нелегитимным ввиду отсутствия кворума. За неполные сутки с ушедшими депутатами была проведена серьезная работа со стороны представителей федерального центра, и в итоге нашелся один коммунист, который переменял свое мнение и отдал свой голос в пользу А.А. Кузьмицкого.

В конце 2007 г. одновременно прошли выборы в Государственную думу и Законодательное собрание Камчатского края. На этот раз никаких существенных препятствий перед партией власти на региональном уровне не стояло. Существенный административный и политический ресурс, предоставленный как со стороны федеральных, так и региональных властей позволил партии власти полностью взять под контроль законодательную ветвь власти в регионе.

В начале своего срока губернатор и представители региональной элиты, по крайней мере публично, демонстрировали сплоченную команду единомышленников, а если принять во внимание совпадение «коротких целей», то можно предположить, что единство было не только публичным, но и реальным.

Но в дальнейшем стали нарастать конфликтные ситуации между командой губернатора и региональной политической и бизнес-элитой. Новому губернатору не удалось найти точки соприкосновения с региональной элитой, в том числе за счет соблюдения их интересов. У представителей же этой элиты не нашлось механизмов воздействия на нового губернатора. Местные эксперты четко указывали на то, что новый губернатор по сути был прислан для получения опыта, и Камчатский край для него являлся своеобразным трамплином для дальнейшего карьерного роста. Поэтому в своей политике губернатор и его команда руководствовалась не столько интересами местного сообщества, сколько желанием продемонстрировать свои достижения перед федеральным центром.

Уже в первые годы своего губернаторства А.А. Кузьмицкий стал проводить массовое обновление в правительстве Камчатского края, по утверждению региональной печати. За три года нахождения на своем посту А.А. Кузьмицкий обновил кадры на 70 %, что существенным образом отразилось на качестве работы региональных чиновников. При этом основным критерием отбора кадров являлись не профессиональные качества, а лояльность и личная преданность.

На протяжении первых лет управления регионом новым губернатором зрело определенное недовольство со стороны региональной политической элиты, но длительное время эта конфронтация не выходила на публичное поле. Первый публичный конфликт произошел в начале 2010 г., когда резко выросли тарифы на услуги ЖКХ. Губернатору не хватило сил решить эту проблему самостоятельно, и из федерального центра была прислана рабочая группа, состоявшая из депутатов Государственной Думы РФ, членов партии «Единой России» во главе с первым заместителем руководителя фракции партии в Госдуме В. Пехтиным. Несмотря на то что, в соответствии с законодательством формирование тарифов на услуги ЖКХ является прерогативой региональных органов власти, а их утверждение осуществляется региональной энергетической комиссией, результатом работы данной комиссии стала в целом необоснованная критика мэра города В.В. Скворцова при всевозможной поддержке со стороны региональных исполнительных и представительных органов власти, а также представителей регионального отделения партии «Единая Россия».

Можно указать на тот факт, что даже «пострадавшая» от высоких тарифов молодая семья, которую посетила комиссия, была представлена руководителем исполкома местного отделения партии «Единая Россия».

Однако полностью остаться в стороне от критики состояния дел в области ЖКХ губернатор не смог. Начавшееся противостояние губернатора Камчатского края с главой Петропавловска-Камчатского, очевидно, в дальнейшем сыграло существенную роль в его будущей отставке. На В.В. Скворцова завели уголовное дело, по еще советской традиции исключили из партии «Единой России» с формулировкой «за систематическое неисполнение решений вышестоящих органов партии», но заставить его уйти с поста мэра так и не смогли. На внеочередной сессии Городской думы Петропавловск-Камчатского городского округа в декабре 2010 г., где большинство депутатов представляли партию «Единая Россия», несмотря на давление правительства Камчатского края, найти объективных причин для отставки градоначальника депутаты не смогли и рекомендовали ему добровольно снять с себя полномочия, мотивируя это тем, что у него конфликт с губернатором. На что В.В. Скворцов ответил отказом. Эта ситуация явно свидетельствует о том, что А.А. Кузьмицкому также не удалось поставить региональное отделение «партии власти» под свой непосредственный контроль. В современных российских условиях в конфликте губернатор – мэр, выигрывает губернатор, но мэр ПКГО смог оказать должное сопротивление. С учетом политических реалий современной России, это не могло бы слу-

читься, не пользуясь глава местной администрации поддержкой со стороны других политических акторов региона. Так как явного противостояния между губернатором и другими политическими игроками в тот момент не было, то, скорее всего, эта поддержка была латентной. На публике всем политическим акторам приходилось в той или иной степени вставать на сторону губернатора.

Летом 2010 г. на медийном поле Камчатского региона произошло изменение. С финансовой помощью местной бизнес-элиты была воссоздана газета «Вести». На основе анализа публикаций данного издания, можно сделать вывод что главной целью этого издания являлось критика деятельности действующего губернатора. Фактически в каждом номере публиковались статьи с явно выраженным негативным отношением как к деятельности губернатора, так и к его личности. Это можно считать началом прямого публичного противостояния между действующим губернатором и региональной элитой. После визита на Камчатку премьер-министра и президента РФ летом и осенью 2010 г., работа губернатора подверглась критике с их стороны, и нападки на губернатора со стороны местного политического и бизнес сообщества стали возрастать по экспоненте. В конечном итоге федеральный центр отказался от поддержке А.А. Кузьмицкого, и в феврале 2011 г., в полном соответствии с действующими неформальными правилами, он «добровольно» написал заявление об отставке.

Естественно, сразу возник вопрос о том, кто возглавит регион. Реальными претендентами на пост губернатора

изначально назывались различные политические и административные деятели. В том числе и те, кто прямо или косвенно финансировал деятельность, направленную против предыдущего губернатора, и способствовал его уходу в отставку. В частности, спикер Законодательного собрания Камчатского края, руководитель регионального отделения партии «Единая Россия» Б.А. Невзоров, депутат Законодательного собрания В.А. Пономарев, и федеральный инспектор по Камчатскому краю В. И. Илюхин.

Но В.А. Пономарев был больше предпринимателем, чем политиком, и, как считают эксперты, основной целью действий В.А. Пономарева было войти в клуб миллионеров, т.е. стать членом Совета Федерации РФ, в который он просился и при М.Б. Машковцеве, и при А.А. Кузьмицком. Лидер местных единорогов Б.А. Невзоров явно претендовал на пост губернатора Камчатского края, но в тот момент времени государственная политика федерального центра не предусматривала назначения на должность губернатора региона представителя местной региональной элиты, более того, в процессе отправки в отставку А.А. Кузьмицкого администрация президента также негативно оценивала его деятельность в процессе конфликта губернатора и Законодательного собрания. Поэтому при формальном выборе по сути альтернативы В. И. Илюхину не было. В начале марта 2011 г. Камчатка встретила с новым губернатором. Из срока присутствующих депутатов Законодательного собрания Камчатского края на своей внеочередной сессии за кандидатуру В.И. Илюхина проголосовали 38 депутатов. И на этот раз не

было единогласной поддержки кандидатуры нового губернатора. Представители оппозиционных партий КПРФ и ЛДПР получили распоряжения голосовать против кандидатов от «Единой России». Двое депутатов из фракции КПРФ воздержались. Из троих депутатов фракции ЛДПР двое просто решили не участвовать на внеочередной сессии, а третий у которого уже разгорался конфликт с региональным отделением ЛДПР, проголосовал за кандидатуру В.И. Илюхина. Но по сути голоса воздержавшихся и отказавшихся голосовать в принципе ничего не решали.

В результате смены руководителя региона резко уменьшился внутривитный раскол, который возник при предыдущем губернаторе. Произошла определенная зачистка политического поля, следствием которого основные игроки были постепенно отстранены от политической жизни полуострова. Депутат Законодательного собрания Камчатского края, генеральный директор и основной акционер крупнейшей на Дальнем Востоке рыбодобывающей компании ОАО «Океанрыбфлот» В.А. Пономарев, и, как утверждают отдельные эксперты, главный бенефициар смены губернатора в Камчатском крае уже в апреле 2011 г. получил место в Совете Федерации от правительства Камчатского края. В числе отстраненных оказался и мэр краевой столицы В.В. Скворцов, который добровольно подал в отставку. Как уже отмечалось, его отставки требовали представители партии «Единая Россия» и предыдущий губернатор А.А. Кузьмицкий. По мнению местных СМИ, одной из первоочередных задач перед новым губернатором федеральный центр ста-

вил, в том числе, задачу решить окончательно вопрос с В.В. Скворцовым, т.е. снять его с должности. Но сначала необходимо было внести поправки в устав города с тем, чтобы назначить сити-менеджера, поскольку у единосроссов не было уверенности в том, что победит их кандидат: на прошлых выборах в марте 2009 г. только с помощью административного ресурса удалось обеспечить победу В.В. Скворцова, да и то только во втором туре.

В конце апреля 2011 г. состоялась очередная сессия Законодательного собрания Камчатки, на которой депутаты одобрили предложенных губернатором кандидатов на должности своих заместителей. Как ранее заявлял В.И. Илюхин: «Кадры будет подбирать после консультаций с депутатами по главному признаку – профессионализму, но некоторые фигуры будут компромиссными». Сформированная команда по сути представляла явно выраженную клиентелу нового губернатора, четыре вице-губернатора, два министра и большое количество менее значимых региональных чиновника так или иначе работали с губернатором ранее.

В конце 2011 г. одновременно прошли выборы в ГД РФ и Законодательное собрание Камчатского края. Несмотря на приложенные значительные усилия в формировании позитивной повестки, в том числе в социально-экономической сфере (так, вложения только в дорожное строительство составили свыше 1 млрд. руб.), активную предвыборную агитацию, применение административных методов политической конкуренции (использование государственных должностей для привлечения внимания СМИ, организа-

ция досрочного голосования, жесткий контроль за голосованием в море, использование кандидатов-«паровозов» и т.д.), определённый успех партия власти совместно с губернатором смогли достичь только на региональном уровне. Произошло это в первую очередь за счет изменений в избирательном праве.

После выборов в конце 2011 г. на новую должность перешел один из наиболее влиятельных региональных акторов Б.А. Невзоров, ставший членом Совета Федерации от правительства Камчатского края, но он, несмотря на то, что потерял руководящие должности на территории региона (спикера Законодательного собрания и руководителя регионального отделения ВПП «Единая Россия»), продолжал оказывать существенное влияние на политику, проводимую в регионе как законодательным собранием, так и региональным отделением партии «Единая Россия».

Летом 2012 г. губернатор В. И. Илюхин отправил в отставку правительство Камчатского края. Она была связана с тем, что несколько подчиненных губернатора попали под уголовное преследование. Необходимо отметить, что большая часть проштрафившихся краевых администраторов – соратники и коллеги по комсомольской деятельности В.И. Илюхина в 1980-е г.

Но по итогам проведенных проверок большинство чиновников свои посты сохранили. И существенных кадровых изменений не произошло.

На протяжении 2012-14 гг. губернатор Камчатского края упрочивал свои политические позиции, в том числе за счет снижения роли других акторов

политики в публичной сфере. В начале 2013 г. позиции губернатора немало пошатнулись в связи с новыми нормативами начисления услуг ЖКХ, несмотря на неоднократные заявления губернатора и его подчиненных, сделанных ими в конце 2012 г., что с первого января тарифы на услуги ЖКХ не изменятся, пришедшие в начале февраля новые счета вызвали массовые протесты со стороны населения. Но, в отличие от своего предшественника, В.И. Илюхину удалось взять ситуацию под контроль вернуть суммы в счетах к прежнему виду в кратчайшие сроки (в отличие от других регионов России) и не искать конкретных виновных в сложившейся ситуации. Но за исключением этого случая, в 2013 -2014 гг. годах формировалась позитивная повестка для губернатора как на федеральном, так и на региональном уровне. На фоне улучшения социально-экономической сферы рейтинг доверия к политике губернатора был достаточно стабилен и оставался на высоком уровне. По данным социологического опроса, в конце 2014 г. уровень доверия к губернатору составил около 48% [4].

На этом фоне В.И. Илюхин стал активно готовиться к досрочным выборам губернатора в 2015 г. Но в конце 2014 г. отношение населения к губернатору стало резко меняться. Здесь сыграли свою роль как внутренние, так и внешние факторы.

К внутренним факторам можно отнести череду коррупционных скандалов. Камчатский край занял второе место в рейтинге Фонда «Петербургская политика» по числу «коррупционных» уголовных дел в отношении региональных и муниципальных чиновников в 2014-2015 годах [1].

Особенное место занимает уголовное дело в отношении бывшего сити-менеджера ПКГО А. Алексеева; речь идет о деле, относящемся к 2008 г., но то, что уголовное дело начало активно раскручиваться в 2014 г., указывает на обстоятельство, что скорее всего объектом был не глава администрации, а непосредственно губернатор. Хотя сам губернатор как можно дальше дистанцировался от А. Алексеева, не оказав ему никакой поддержки, несмотря на то что тот являлся членом его команды.

В то же самое время губернатор Камчатского края оказался втянут и в крупные имущественные скандалы. Еще в 2012 г. на страницах Камчатского издания «АиФ» упоминалась сделка по продаже губернатором гостиницы по цене, превышающей рыночную не менее трех раз. Также неоднократно в различных источниках упоминалось, что особняк губернатора В.И. Илюхина находится в здании бывшего детского садика.

Но более серьезный удар по позиции губернатора Камчатского края нанесли внешние факторы. К ним можно отнести высокие темпы инфляции, спровоцированные санкциями и девальвацией рубля, что привело к снижению уровня жизни в регионе. Не меньше нареканий со стороны населения вызвали неблагоприятные погодные условия в начале 2015 г., а точнее – неспособность местных органов власти справиться с их последствиями. Несмотря на то, что губернатор снова попытался дистанцироваться от недавно назначенного главы администрации ПКГО и предложил подумать новому сити-менеджеру об отставке, что им и было выполнено в кратчайшие

сроки. Но все равно население Камчатского края четко увязало непрофессионализм городских властей с личностью губернатора.

По результатам социологических замеров, в марте 2015 г. рейтинг губернатора остается по-прежнему достаточно высоким, хотя и снизился по сравнению с декабрем 2014 г., но такое положение сохраняется до тех пор, пока основные местные СМИ контролируются региональными властями, и возможные реальные претенденты на губернаторский пост не предприняли жестких действий в «атаке» на губернатора. Можно предположить, что первые попытки нападения на позиции губернатора уже осуществляются. Упомянутое дело о детском саде впервые было озвучено еще в 2013 г., но с тех пор регулярно упоминается, как только речь заходит о коррупции в органах государственной власти Камчатского региона. В этом случае, как уже неоднократно происходило, позиции губернатора могут сильно поколебаться. При этом необходимо иметь в виду, что в существующих экономических условиях федеральный центр не сможет оказать существенной финансовой поддержки действующему губернатору. Оставшийся административной и политической поддержки, возможно, и не хватит – в том случае, если претенденты найдут возможность также заручиться поддержкой со стороны отдельных групп федеральной политической элиты. Вполне возможно, федеральный центр такое развитие событий может устроить, если борьба за пост губернатора развернется между различными представителями действующей власти. Это продемонстрирует, с одной стороны, легитимность

проходящих выборов, с другой – повысится уровень конкуренции внутри самой политической элиты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Камчатка занимает 2 место в России по числу «коррупционных» уголовных дел. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kamchatinfo.com/news/politics/detail/8559/> (дата обращения 29.03.2015).
2. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
3. Шуликов А.О. Основные тенденции и закономерности формирования представительных органов власти в Камчатском крае и Петропавловск-Камчатском городском округе // Вестник КамчатГТУ. Вып 18. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2011. С. 90-104
4. Эксперты выяснили мнения населения Камчатки о губернаторе и жизни в целом. [Электронный ресурс] URL: <http://pressa41.ru/story/4057> (дата обращения 23.02.2015).

УДК 323.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-151-157

Соловьёва Т.Н.*Московский государственный областной университет*

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА НА ПОСТРОЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению сущности одного из принципов правового государства, а именно принципа взаимной ответственности государства и гражданина. Автором проводится описание моделей взаимоотношений личности и государства. Анализируются основные препятствия на пути к получению оптимального баланса интересов личности и государства в Российской Федерации. В заключение делается вывод о том, что построение подлинно правового государства в Российской Федерации возможно лишь при реализации данного принципа.

Ключевые слова: правовое государство, принцип взаимной ответственности личности и государства, госслужащие, персональная ответственность.

T. Solovieva*Moscow State Regional University*

INFLUENCE OF THE PRINCIPLE OF MUTUAL RESPONSIBILITY BETWEEN GOVERNMENT AND CITIZENS ON CREATION OF A LAW-BASED STATE IN RUSSIA

Abstract. This article deals with the study of the essence one of the principles of law-based state, namely the principle of mutual responsibility between the government and the citizens. The author describes the models of interrelations between the state and its citizens. The analysis of the main obstacles in obtaining the optimal balance between the interests of citizens and the government in the Russian Federation is made. In conclusion the author highlights the fact that building a true law-based state in Russia is possible only if this principle is implemented.

Key words: law-based state, the principle of mutual responsibility between government and citizens, civil servants, personal responsibility.

Принцип взаимной ответственности государства и гражданина занимает особое положение в системе принципов правового государства. Реализация данного принципа позволяет государству и гражданину в равной степени предъявлять взаимные требования, прибегать к мерам при-

нуждения по отношению к субъектам, которые нарушают установленный порядок. Тем самым принцип взаимной ответственности государства и гражданина выступает гарантом существования подлинно правового государства.

Сущность принципа включает в себя наличие двух аспектов: ответ-

© Соловьёва Т.Н., 2015.

ственность гражданина перед государством и ответственность государства перед гражданином [4, с. 3]. Взяв на себя обязательство по обеспечению и защите прав гражданина, государство вправе требовать от личности поведения, которое соответствовало бы системе обязанностей. Для защиты базовых основ конституционного строя, а также обороны и безопасности, права и свободы граждан могут быть ограничены государством.

Очевидно, что как государство в целом, так и отдельные элементы государственного аппарата, в виде рядовых чиновников, злоупотребляли своей властью с самого основания государства [8, с. 10]. Однако ответственность перед потерпевшими изначально не признавалась в силу того, что государство является источником права и не может совершать правонарушений. В частности, в английском праве была разработана формула о том, что король не может быть неправ, согласно которой все действия государства изначально признавались правомерными в силу статуса Короны, как суверена [8, с. 14]. Взаимоотношения государства и отдельной личности характеризуются многочисленными связями. Данное взаимодействие на различных этапах развития человечества изменялось.

В историческом аспекте развития государства выделяется три модели отношений между государством и личностью: приоритет интересов государства над интересами гражданина (этатистская); приоритет интересов гражданина над интересами государства (либеральная); равенство интересов личности и государства (доктрина оптимума) [1, с. 8].

Приверженцами либеральной модели отношений между государством и личностью были такие деятели науки, как, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза. Базовым принципом либеральной доктрины является приоритет личности над государством, а главное для личности – гуманизм, равенство, свобода, права человека.

Концепция приоритета государственных интересов над личностными является результатом материалистического объяснения сущности вопроса взаимоотношений государства и личности. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, взаимоотношения государства и гражданина, в первую очередь, зависят от существующих условий в экономической системе государства, а также соотношения классовых сил общества. Данная концепция воплотилась в Советском государстве. Здесь личностный фактор не являлся приоритетом в развитии общества, что со временем привело к деструктивным последствиям, большая часть сфер жизни гражданина Советского Союза находилась под усиленным государственным вниманием.

Однако, несмотря на ранее изложенное, следует заметить, что Советское государство на достаточном уровне снабжало своих граждан такими социальными благами, как высокая трудовая занятость, медицинское обслуживание, различного рода льготные условия, бесплатное образование. Важно отметить, что хотя доктрина всенародного социалистического государства и не способна была допустить прямую постановку вопроса о взаимной ответственности личности и государства, советские юристы, опираясь на базовые принципы гуманистиче-

ских правовых идей, исследовали вопросы защиты прав и свобод личности от превышения своих полномочий со стороны государственной власти, возмещения ущерба, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности. Эти исследования, вызвавшие перелом в общественном сознании нашей страны в 80-е г. XX в., в условиях изменения государственного строя в начале его 90-х гг., способствовали процессу создания и развития институтов защиты прав человека от неправомерной деятельности органов и должностных лиц государственных органов и муниципальных властей [7, с. 3].

Третья модель взаимоотношений личности и государства заключается в равенстве интересов, то есть, приоритет не отдается ни интересам государства, ни интересам гражданина, а также провозглашается равноправие между ними и взаимная ответственность. Таким образом, задача данной концепции отражается в нахождении оптимального баланса интересов государства и личности, соотношения государственных и гражданских начал в обществе.

В условиях правового государства личность и представители власти должны участвовать в правоотношениях на основе равенства и справедливости. Взаимная ответственность государства и личности призвана выступать средством для ограничения государственной власти от превышения своих полномочий, а личность от совершения неправомерных деяний [3, с. 14].

Проблема оптимального соотношения интересов личности и государства, нахождения баланса в их

взаимоотношениях, присутствует с момента зарождения государства. Научные деятели разрабатывали различные мероприятия для решения данной проблемы. Но ввиду постоянного изменения условий функционирования общества, данный вопрос не перестает быть актуальным и в настоящее время.

К сожалению, в данный момент в России существуют препятствия на пути к достижению указанной цели.

1. Глубокое социальное расслоение общества.

Рассматривая состояние уровня социального расслоения в России на начало 2014 г., можно сделать вывод о достижении этим показателем исторического максимума. Согласно статистике, 1/2 взвешенного фонда зарплаты всей страны идёт на оплату труда всего 2 % работающих. На практике это выливается в такие неутешительные примеры, как: различие между заработной платы санитарки (на уровне минимального размера оплаты труда) и зарплатой главного врача (на уровне 300 тысяч рублей в месяц) в пределах одной больницы. В 2014 г. размер МРОТ составил 5554 рубля. Около 30 % от общего национального благосостояния России принадлежит всего сотне семей. Этот показатель является самым высоким в мире, если не учитывать мелкие страны Карибского бассейна. В 2013 г. количество долларовых миллиардеров в России составило 9 % от всех миллиардеров мира, а именно 131 человек. Доля РФ в мировом ВВП около 4 % [10].

2. Высокий уровень преступности и коррупции.

Согласно рейтингу, составленному специалистами Института экономики мира в Нью-Йорке, Россия занима-

ет 155 место из 162 возможных. При этом самыми спокойными странами, по мнению экспертов, стали: Исландия, Дания, Новая Зеландия, Австрия, Швейцария. США находится на 100 месте [12]. В рамках исследования состояния коррупции в мире «Индекс восприятия коррупции», проведенного международной неправительственной организацией Transparency International был составлен рейтинг стран мира.

Данный индекс отражает общую степень распространенности коррупции (частотность и/или объём взятка) в государственном секторе [11]. Согласно рейтингу стран мира по восприятию коррупции Российская Федерация занимает 136 место из 174 возможных, находясь позади таких стран, как Камерун, Иран, Ливан, Нигерия. Также существенными факторами, препятствующими нахождению баланса интересов личности и государства, являются: безответственность как чиновников, так и рядовых граждан, недостаточная эффективность принимаемых законов и правоприменительной практики, низкая степень правосознания и юридической культуры, низкий уровень развития институтов гражданского общества.

На сегодняшний момент Россия переживает становление новой демократической структуры. Это связано с нарастанием правового, политического кризиса, который, ввиду многонационального характера нашего государства, осложняется межнациональными конфликтами.

Если свобода не ограничивается рамками закона, как правового императива практической деятельности, существует высокая вероятность

того, что она может превратиться в свою противоположность. Необходимо понимать свободу не как индивидуальное состояние, а как понимание реальной гражданской свободы, основанием которой является закон, обеспечивающий ее существование [13, с. 96]. Воспитание самодетерминирующейся личности, которая была бы способна противостоять своему вхождению в толпу, не нуждающейся во внешних запретах, возможно, только в условиях свободы. Из ранее изложенного следует, что выход из этого положения возможен лишь при использовании средств, соизмеримых с основными целями общества. Под такими средствами понимаются средства демократического управления, направленные на укрепление режима законности, создание и поддержание высокого уровня правовой культуры и формирование развитого правосознания личности [5, с. 140].

Сущность права мы можем понять, лишь поняв природу человека, реализовавшего себя в качестве свободной личности и вступающего в правовые отношения. Возвращаясь к вопросу недобросовестности российских чиновников, высокому уровню коррупции и других правонарушений со стороны властвующих структур, необходимо понимать, что граждане, служащие в государственном аппарате, являются частью нашего общества. Следовательно, для решения данной проблемы необходимо повышать уровень гражданской активности, сознания и культуры населения. Для этого необходимо, чтобы в России сформировался климат гражданской ответственности, побуждающий граждан к инициативе и гражданской солидар-

ности. Высокий уровень сознания и культуры граждан страны невозможен без высокого уровня образования, что также является одним из базовых составляющих гражданского общества. Вследствие этого для формирования климата гражданской ответственности государству необходимо инвестировать денежные средства в развитие человеческого капитала. Ведь высокие инвестиции в человеческий капитал обеспечивают не только повышение правовой культуры и сознания граждан, но и обеспечивают лидерство в науке, образовании, медицине и высоких технологиях.

Что касается нынешнего положения Российской Федерации в рейтинге «Человеческого капитала стран мира», составленному Всемирным экономическим форумом, наша страна занимает 51 место [2].

Нахождение оптимального баланса в отношениях личности и государства необходимо рассматривать с точки зрения влияния этих взаимоотношений на экономическую сферу страны, а также имидж государства в мировом сообществе. Ведь отсутствие эффективного механизма компенсации за вред, причиненный организациям неправомерными действиями государства и муниципальных органов, во-первых, препятствует развитию российской экономики, во-вторых, дискредитирует нашу страну в глазах мирового сообщества, поскольку, не получив справедливой судебной защиты в своей стране, граждане Российской Федерации подают многочисленные жалобы в Европейский суд по правам человека. Эту проблему затрагивал Председатель Высшего арбитражного суда Российской Федера-

ции А.А. Иванов в своем докладе на совещании председателей арбитражных судов, прошедшем 17-19 апреля 2008 г. [3, с. 4]. В настоящий момент Российская Федерация занимает лидирующее, второе после Турции, место по количеству поданных жалоб и постановлений Европейского суда по правам человека, признающих ответственность государственной власти за нарушение хотя бы одного из положений Европейской Конвенции. Из ранее изложенного следует, что в российской судебной системе присутствуют серьезные изъяны, как и в деятельности правоохранительных органов, а также власти в целом.

Также одним из пробелов юридической ответственности власти является отсутствие персональной ответственности государственных служащих. То есть должностное лицо, вынесшее решение, не соответствующее законодательству, не несет личной ответственности, что, в свою очередь, влечет за собой отсутствие заинтересованности работников государственного аппарата в эффективной работе и принятии решений надлежащего качества. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин заявил: «Считаю, нужна публичная, политическая, персональная ответственность каждого из нас, в том числе и членов Правительства» [9]. «Чиновники должны нести ответственность, если своими действиями они наносят ущерб бизнесу», – заявил Дмитрий Анатольевич Медведев на встрече с руководством Российского союза промышленников и предпринимателей.

Действительно, взаимная ответственность каждого субъекта правоотношений, начиная с рядовых граждан

и заканчивая руководством страны, является необходимым условием стабильности и прогрессивного развития общества. Персональная ответственность каждого гражданина, задействованного в работе государственного аппарата, а также ответственность публичных органов власти за каждого своего служащего создаст условия, при которых каждое свое решение или действие государственный служащий будет принимать с особой внимательностью и опираясь, прежде всего, на закон. Исходя из этого, персональную ответственность необходимо закрепить на законодательном уровне. В этом случае примером служит Конституция Италии: в статье 28 закреплен тот факт, что чиновники и государственные служащие за действия, совершаемые в нарушение чьих-либо прав, отвечают согласно уголовным, гражданским и административным законам [6, с. 53]. Должностным лицом может являться гражданин, который либо постоянно занимает должность в публичном органе власти, либо временно привлечен к деятельности, осуществляемой в интересах органа государственной власти. Важно понимать и то, что ответственность органа власти за неправомерные действия своего служащего должна наступать лишь в том случае, если нарушение законодательства должностным лицом происходит при исполнении должностных обязанностей. В других случаях необходимо привлечение должностного лица к персональной ответственности как рядового гражданина.

Принцип взаимной ответственности личности и государства является основополагающим, затрагивающим все сферы взаимодействия государ-

ства и гражданина. Данный принцип является фундаментальным для достижения цели нахождения оптимального баланса во взаимоотношениях личности и государства. Только при практическом внедрении данного принципа можно говорить о существовании в России подлинно правового государства и развитого гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабаджанян К.А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации отношений между ними (теоретико-правовой аспект): Автореф. канд. юр. наук. Саратов, 2013. 22 с.
2. Всемирный экономический форум: Рейтинг стран мира по уровню развития человеческого капитала [Электронный ресурс] URL: gtmarket.ru/ratings (дата обращения: 15.03.2015)
3. Вырлеева-Балаева О.С. Взаимная ответственность государства и личности как один из способов ограничения публичной власти // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». № 4 (7). Тольятти. 2011. С. 13–27.
4. Горбунов Д.Г. Ответственность государства перед гражданином как принцип правового государства: автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2003. 22с.
5. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права: Монография. Спб., 1996. 264 с.
6. Конституции зарубежных стран. Сборник. М.: ООО «Издательство Юрлитинформ», 2003. 366 с.
7. Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты :автореф. дисс. докт. юр. наук. Нижний Новгород, 2011. 58 с.
8. Попов В.В. Ответственность публичных образований за причинение вре-

- да. Пенза.: Приволжский дом знаний, 2001. 25 с.
9. Публичная, политическая и персональная ответственность // Липецкая Газета: итоги недели. 27 мая 2013 г. [Электронный ресурс] URL: [Http://www.lpgzt.ru](http://www.lpgzt.ru) (дата обращения: 15.03.2015)
10. Расслоение в России достигло пика [Электронный ресурс] URL: <http://forexinvest.su/> 15.01.2014 (дата обращения: 03.02.2015)
11. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/rating> (дата обращения: 15.03.2015г.)
12. Россия оказалась в конце рейтинга самых спокойных стран мира [Электронный ресурс] URL: <http://66.ru/news/world/139620/>. 26.06.2013 (дата обращения: 20.02.2015)
13. Смирнова И.А. Свобода личности и правовое государство (из истории правовой мысли): дис. канд. юр. наук. Санкт-Пет., 2000 г., 179с.

УДК 329

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-158-162

Фурсов В.Н.*Московский государственный областной университет*

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье даётся определение и характеристика экологического движения, рассматриваются проблемы становления и развития экологического движения в России. Автор исследует причины политизации экологической деятельности, анализирует проблемы и перспективы современного экологического движения. В статье показаны особенности современного экологического движения в России, его партийное структурирование и политический статус, роль в формировании гражданского общества, дана оценка активности российских экологов.

Ключевые слова: экологические партии, гражданское общество, Россия, антиглобализм, безопасность.

V. Fursov*Moscow State Regional University*

ENVIRONMENTAL MOVEMENT IN RUSSIA AS A FACTOR OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT

Abstract. The article provides the definition and characteristics of the environmental movement, analyzes the problems of formation and development of the environmental movement in Russia. The author explores the reasons of politicization of environmental activities, analyzes the problems and prospects of the modern environmental movement. The article shows the features of the modern environmental movement in Russia, its party structuring and political status, the role in civil society formation, the estimation of the Russian ecologists' activities.

Key words: ecological parties, civil society, Russia, anti-globalism, safety.

Экологическое движение представляет собой новый тип политической активности, не связанный с крайностями политического спектра и являющийся важным фактором постматериальных движений конца XX – начала XXI вв. На культурном уровне «зеленые» коррелируют сегодня с явлением «идеологического постмодернизма». В XXI в. экологическая составляющая неизбежно становится неотъемлемой

частью как мировой, так и национальной политики, определяя процессы активизации общественных организаций в решении глобальных проблем. Политические факторы экологической безопасности актуализируются и в связи с кризисом демократии во всем мире.

Экологическое движение представляет собой совокупность некоммерческих неправительственных экологических организаций, политических

© Фурсов В.Н., 2015.

партий, сетевых проектов, конференций, форумов, поднимающих и решающих глобальные проблемы.

Становление и развитие международного экологического движения в конце 1960-х гг. было обусловлено обострением глобальных проблем современности. Именно тогда был со всей очевидностью осознан вопрос выживания цивилизации. Решить экологические проблемы, опираясь только на развитие инженерной мысли и применение технологических решений, оказалось уже невозможно. Для этого потребовались политические преобразования, подключение многих политических институтов, включая организации гражданского общества. Понимание важности данных аспектов проблемы привело к тому, что они стали носить политический характер.

Экологические партии и движения с момента своего возникновения стали предметом пристального внимания ведущих представителей отечественной и зарубежной научных школ [1; 5; 7; 8; 10; 12]. В последние годы практический опыт политической деятельности экологических движений и организаций стал более заметен и вызывает интерес в различных науках [12; 13; 14; 15]. В ряде политологических, правовых, философских, социологических работ рассмотрена деятельность различных экологических партий и движений. Так, О.Н. Яницким введено понятие “экополитический процесс”, который включает в себя двухфазовую модель [15, с. 43]. Большинство авторов признает высокое значение экологических организаций в структуре гражданского общества [8; 10; 11; 12]. Теоретические проблемы экологических организаций поднимают Ю. Ка-

рякин, С.Ф. Вититнев, С.И. Давыдова, О.Г. Пермякова и др. [1; 4; 5; 9; 12]. С.Ф. Вититнев в своей докторской диссертации и ряде исследований говорит о сдвиге в естественных механизмах саморегуляции современного экологического движения. По его мнению, это вызвано сменой типа цивилизационного развития. Политическая целостность экологического движения, по мнению автора, зависит от стабильности политической системы [1]. С.Ф. Вититнев, как и ряд других авторов, делает выводы о всеобщей политизации экологических движений.

Вместе с тем в политологической литературе можно встретить большое разнообразие определений, концепций, подходов по целому кругу вопросов, касающихся как самого положения экологических партий и движений внутри общего политического процесса, так и эффективности их деятельности [3; 6]. Прежде всего, во-первых, это касается определения понятия “экологическое движение” [11; 12]. Во-вторых, установления влияния экологических организаций на политику государства. В-третьих, выявления соотношения участия государства и гражданского общества в выработке экологической политики [12; 13; 14]. А.В. Яблоков, например, рассматривая направления и современные проблемы экологического движения в России, считает, что его радикальное направление является несистемной оппозицией и использует экологические проблемы для достижения своих разрушительных политических целей. Другие же организации, напротив, признают сложившийся политический режим подходящим для решения экологических проблем. Политику совре-

менного российского государства А.В. Яблоков считает антиэкологической («политика деэкологизации») [14, с. 107]. Как и многие другие исследователи (В. Грачев, И.А. Халий, В.А. Смышляев, О.Г. Пермякова), А.В. Яблоков делает выводы, что современная российская власть подавляет и пытается ликвидировать массовые независимые экологические движения [3; 12; 13; 14]. В целом большинство публикаций, посвященных экологическому движению, носит не академический, а политизированный характер и использует публицистическую риторику. Это объясняется вообще политизацией современного экологического движения в России, о чём и делают выводы многие серьезные исследователи [1; 3; 10].

Обычно в литературе процессы формирования экологической политики преимущественно рассматриваются с позиций лишь одного актора – государства. Системная же концепция должна строиться преимущественно на комплексных политических механизмах, отражающих природу и особенности взаимодействия и функционирования государства и рассматриваемого сегмента гражданского общества.

Зарождение экологического движения в России обусловлено становлением общества потребления. В 1970-е гг. появляется концепция «пределов роста» (Д. Медоуз), а затем российскими учёными вводится в научный оборот понятие «допустимый порог потребления» [2, с. 13]. Знаменитые «Пределы роста» (первый доклад Римскому клубу 1972 г.) стали своего рода программным документом международного экологического движения. Однако в нём практически отсутствуют

идеологические построения: он лишь обращает внимание на угрозы, порожденные имеющимся миропорядком и модусом развития цивилизации, но не предлагает никакой политической альтернативы.

Отсутствие стройной идеологии в экологическом движении открывало возможность широкого политического объединения на платформе защиты окружающей среды, и это приводило в ряды «зеленых» людей с самыми разными политическими взглядами.

В СССР общественных организаций в современном понимании почти не было, а Всесоюзное общество охраны природы (ВООП) являлось, по сути, штатной государственной структурой. Резкий численный рост международных неправительственных организаций экологической направленности начался после Второй мировой войны, а в 1960-1980-х гг. экологическое измерение стало одним из главных в концепциях международной безопасности многих стран. Проблемы экологической безопасности стали на повестку дня парламентов мира. В России активизация экологического движения пришлась на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Новый виток можно датировать концом 2000-х – началом 2010-х гг. Однако на фоне численного роста международных организаций не однозначным выглядит вопрос об их политико-партийном статусе и значимости в проведении экологической политики. Одним из первых, в 1989 г., в г. Самаре появилось экологическое движение «Хранители радуги». Движение действует до сих пор, хотя официально не зарегистрировано, поскольку имеет радикальную анархистскую направленность. Одной из крупнейших

организаций сегодня является Российский социально-экологический союз. Российские современные «зеленые» участвуют и в антиглобалистском движении. Также активно позиционирует себя экологическая федерация Friends of the Earth («Друзья Земли»). Она объединяет около 5 тыс. местных групп. В указанное формирование входят и российские радикальные молодёжные экологические организации.

Современное экологическое движение в России представлено конструктивно-экологическим движением России «Кедр» (в 2002 г. преобразованного в Российскую экологическую партию, затем в движение «Зеленые»), Центром экологической политики и культуры, Российским экологическим союзом, ассоциациями учителей-экологов, общественными экологическими организациями «Экологическое движение молодежи», массой региональных организаций, например «Истоки Исети», «Парк на Вознесенской горке», отделениями «Союза Российских городов» и др.

Спецификой современного российского экологического движения является давление со стороны государства. Проблемы дополняются существованием неэффективных, формальных карликовых партий и организаций. Однако важность создания сети экологических движений подчеркивается сегодня многими специалистами. Так, С.И. Давыдова, И.Б. Мардарь, О.А. Усачева выделяют возможные типы интеракции и делают выводы о необходимости создания сети экологических движений, считая, что для эффективной работы необходимо не только внутреннее взаимодействие, но и внешнее – с различными оппонента-

ми (СМИ, государственной властью и другими) [4; 5]. Они заявляют о «виртуализации» гражданского общества. Действительно, с недавнего времени гражданская активность переместилась в глобальную Сеть. Реальная же сеть экологических движений может одновременно являться и структурой, и ресурсом, и публичной площадкой для диалога как по вертикали, так и по горизонтали социально-политического взаимодействия.

Экологическое движение в России представляет структуру гражданского общества, лабирующую между властью и политической оппозицией и являющуюся одновременно и выражением гражданского протеста, и апелляцией к государству. Баланс интересов различных политических групп при формировании экологической политики может быть достигнут при учёте данного сегмента гражданского общества.

Партийное структурирование современных экологических движений доказывает их политический статус. Однако в России сегодня мало экологических групп, низка их активность. Хотя экологические проблемы поднимают и пытаются решить самые различные элементы гражданского общества. А в малых городах России практически нет официально зарегистрированных общественных экологических организаций. Существуют лишь небольшие инициативные группы, действующие при поддержке местных государственных комитетов по охране природы и органов образования. Объяснением этому служат историко-социальные факторы развития страны. Видимо, мы находимся на аналогичном общемировому дви-

жению пути от экологических движений к партийным структурам. Также слабость экологического движения объясняется особенностями национального экологического сознания. Важным моментом, который должны учитывать политические партии и общественные организации, является общественное сознание, и как его часть – экологическое сознание [13]. В целом можно делать выводы о неустойчивости политического статуса российских экологических организаций, их слабой консолидации и институционализации, дефиците ресурсов, бюрократических сложностях, обусловленных репрессивностью нормативно-правовой базы.

Итак, сегодня назрела потребность создания нового политического механизма в лице экологических движений и партий, способного иметь представительство в парламенте, регулировать государственную экологическую политику и консолидировать на основе экологизма действия других сегментов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вититнев С.Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 55 с.
2. Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995. 470 с.
3. Грачев В. Общероссийское общественное движение «Экологическое движение конкретных дел» // Микроэкономика. 2008. № 1. С. 6-15.
4. Давыдова С.И., Мардарь И.Б., Усачева О.А. Лидеры и сети современных экологических движений // История и современность. 2008. № 2. С. 117-127.
5. Давыдова С.И., Усачева О.А. Сетевая организация экологических движений России и Европы // Социс. 2009. № 11. С. 56-64.
6. Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М., 2004. 362 с.
7. Дробот Г.А. Роль международных организаций в мировой политике: основные теоретические подходы // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 1999. № 1. С. 134-138.
8. Жуков Б. Рассвоение (типология экологических организаций) // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 23-39.
9. Карякин Ю. Природные и техногенные катастрофы // Свободная мысль. 2010. № 9. С. 77-90.
10. Косов Г.В. Экологические основания современного политического процесса. Ставрополь, 2004. 240 с.
11. Кочеткова Е.В. Политические проблемы глобальной экологической безопасности. Автореф. дис. ... канд. пол. наук. М., 2010. 26 с.
12. Пермякова О.Г. Экологическое движение Приморья как субъект экологической политики // Вологодские чтения. 2005. № 51. С. 26-30.
13. Халий И.А. Экологическое сознание населения современной России // История и современность. 2015. № 1. С. 189-205.
14. Яблоков А.В. «Зеленое» движение и экологические проблемы России // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 2. С. 106-109.
15. Яницкий О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис. 2002. № 2. С. 43-55.

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-163-171

Коновалов Д.А.*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского***СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ МОНАРХИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**

Аннотация. Статья посвящена преобладанию темы символического насилия в текстах политических программ современных российских монархических объединений. Используя методологический аппарат теории рационального выбора и теории общественного выбора, феномен символического насилия в монархических программах определяется как рациональный инструмент конструирования социальных норм и принцип мягкой силы, находящийся на стыке политических интересов и ценностей, оказывающий интегрирующее действие в процессе осуществления деятельности монархических политических акторов, влияя тем самым на сознание отдельных людей и разных социальных групп.

Ключевые слова: монархия, российские монархические объединения, политическая программа, символическое насилие, рациональность.

D. Konovalov*Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky***SYMBOLIC VIOLENCE AS THE MAIN CONSTITUENT OF POLITICAL
PROGRAMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN MONARCHIC ASSOCIATIONS**

Abstract. The article deals with the predominance of symbolical violence theme in the political programs of modern Russian monarchic associations. Using the methodological apparatus of the rational choice theory and of the public choice theory, the phenomenon of symbolical violence in monarchic programs is defined as the rational instrument of designing social norms, and the principle of soft force. This principle is at the turn of political interests and values, thus having the integrating effect in the course of actions of the monarchic political actors. Thereby it influence the consciousness of certain people and different social groups.

Key words: monarchy, Russian monarchic associations, political program, symbolic violence, rationality.

Теория общественного выбора утверждает, что политический интерес доминирует над политическими ценностями, которые становятся формой выражения не только интересов человека или группы людей, но и формой завуалированности скрытых от публи-

ки желаний и потребностей. В этом смысле монархические объединения не являются исключением, а интерпретация ценностных оснований монархистов определяется нами через символическое насилие как формы идеологического принуждения личности и различных социальных групп.

© Коновалов Д.А., 2015.

Нами были проанализированы программы 14 монархических объединений: Всероссийского Монархического Центра [4]; ООД «За Веру и Отечество» [6]; Имперской партии [8]; Монархической Партии [9]; партии «Великая Россия» [7]; Российского Имперского Союза-Ордена (РИС-О) [15]; Российского Дворянского Собрания [1]; Российского Монархического Движения [13]; Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) [2]; Русского Имперского Движения [5]; политической партии «Самодержавная Россия» [10]; Союза Русского Народа (СРН) [14]; Союза «Христианское Возрождение» [11]; Чёрной Сотни [12]. В данных политических программах зафиксированы ценностные основания современных российских монархистов.

Социальные нормы являются продуктом совокупной деятельности людей, тогда как символическое насилие сопровождается их установлением. В этом смысле современные российские монархические объединения предпринимают попытку конструирования социальных норм и ценностей либо воспроизведения ранее существовавших. В данном случае символическое насилие становится инструментом давления на сознание и поведение как отдельного человека, так и больших социальных групп посредством господствующей или вновь создаваемой ценностной системы, представляя её как нечто само собой разумеющуюся. Фактическое игнорирование большинством людей феномена символического насилия возникает по причине того, что для их политического сознания оно не играет серьёзной роли в жизни, а следовательно, им можно пренебречь. В этом смысле символическое

насилие в какой-то степени лишает человека свободы мышления, потому что предлагает ему согласиться с существующим положением. Сочетание физического и символического насилия связано с тем, что последнее определяется через предупреждение, что если человек не будет подчиняться установленным социальным нормам и политическим ценностям, то его ждут определённые санкции. Разница между монархическими программами и действующими социальными нормами определяется тем, что монархисты в текстах формулируют конструкции будущих социальных норм и ценностей.

Поскольку символическое насилие связано с манипуляцией здравым смыслом, то монархические объединения, используя данный инструмент принуждения, стараются повлиять на мышление и сознание человека, а также сформировать у него соответствующий системе образ действий. Этот акт уже сам по себе объявляется рациональным действием, потому что направлен на воспроизводство социальной системы или политического режима с помощью формирования у индивидов интернализованных экспектаций, т.е. механизма трансформации социальных норм во внутреннее убеждения и ценности с последующим ожиданием их трансляции от других людей.

Концептуальные положения монархических программ выражают смысл существования и деятельности монархических объединений, осуществляют необходимый элемент их отличия от оппонентов и способность занятия определённого сегмента в общественно-политическом пространстве, пред-

полагают формулирование общих целей и фундаментальных способов их достижения. Управленческий аспект выступает основой реалистичности монархических программ, требует прагматически детализированной её проработки. По нашему мнению, основное противоречие в текстах монархических программ заключается в расхождении их декларативных принципов с конкретным решением существующих общественных проблем. Поскольку политические программы монархистов является концентрированным выражением монархической политической идеологии, то, с точки зрения монархистов, «все различные идеологические системы, существующие в мире, можно разбить на две основные группы: 1) признающие бытие Божие и основывающие свои взгляды на духовных началах и 2) игнорирующие или даже отрицающие бытие Божие и рассматривающие всё существование и деятельность человечества на земле исключительно с материалистической точки зрения» [15]. Таким образом, главный критерий классификации монархистами идеологий – это вера в существование бога и присутствие его в жизни человечества. В настоящее время для монархистов такая постановка проблемы выглядит актуальной, поскольку бог, по их утверждению, был и остаётся главным источником ценностей для человека, и поэтому «благополучное существование человечества на земле возможно лишь при условии подчинения воле Божьей» [15]. В этом смысле отрицание бога, по мнению монархистов, есть и отрицание рациональности, потому что реальный мир рационален только тогда, когда в нём присутствует бог.

Данное определение также говорит о проблеме распределения ресурсов, проблеме подданного, идеале человеческого и общественного устройства и проблеме возвращения к идеальному политическому режиму, которым, по утверждению современных российских монархистов, было самодержавие.

Символическое насилие, предпринимаемое в текстах монархических политических программ, показывает отсутствие альтернатив самодержавию, поскольку представленная монархическая позиция становится эффективнее всех предложенных моделей распределения ресурсов, а бытовое несогласие или публичное сопротивление данным ценностям может в дальнейшем сопровождаться санкциями или репрессиями, иногда вплоть до физического уничтожения.

Целью всех представленных монархических объединений является возвращение к православной русской монархии в качестве естественной и легитимной системы власти, способной объединить народы под властью монарха. По сути, предлагается рациональный компромисс между разнородными группами населения. Поскольку эти группы имеют разные интересы, то получается, что самодержавная монархия воспринимается в качестве инструмента примирения интересов, поскольку это окажется выгодным всем без исключения (при этом монархистами упоминается историческая роль русского самодержавия, в которой учитывались интересы и безопасность малых народов и социальных групп). Проблема соединения интересов, распределения ресурсов с целью обеспечения общественных и частных благ в

монархических текстах проявляется в нечастом упоминании слов «человек», «индивид», «личность», «благо», что говорит о чистой декларативности тезисов и пунктов монархических политических программ.

Монархисты, выступая за восстановление самодержавной монархии, ратуют также и за восстановление символического насилия над человеком и обществом, потому что обществу придётся сделать выбор между диктатурой, обеспечивающей общественное благо, и институционализацией общественных отношений, когда разговоры о предоставлении частных и общих благ будут зависимы от структуры политического насилия.

В политических программах современные монархисты часто производят манипулирование логикой исторических событий, в контексте которого предлагается ориентироваться на реализацию общего блага в современных условиях, «решительно отбросив все то, что история отвергла самым ходом своего развития» [4]. Так, по мнению монархистов, достигается своеобразный исторический компромисс, обеспечивающий забывание негативной традиции распределения частных и общественных благ.

Позиция современных монархистов в идеологической конкуренции проявляется в критике оппонентов, объявляя их мнение ложным, пытаясь таким образом сформировать собственный образ защищаемых ими положений: «Мы должны развеять ложные представления о монархии, созданные большевиками и либералами, и разъяснить, что Государь это не «представитель помещиков и капиталистов», а Верховный арбитр и

отец своих подданных, стоящий над классами и сословиями, что монархия совместима с любым экономическим укладом, кроме антинационального и несправедливого, что Самодержавный монарх – это гарант свободы нашего народа в условиях тотальной глобализации и культурного и религиозного нивелирования» [10]. Так же обстоит дело с критикой монархистами коммунистического режима: «Какие бы изменения ни претерпевал в дальнейшем установленный коммунистами тоталитарный режим, он всегда оставался по своей сути антироссийским, поскольку в основе его существования лежали классовые человеконенавистнические принципы, прямо противоположные тем, на которых стояла Россия. Враждебность к исторической России была краеугольным камнем его идеологической концепции» [1]. Любая политика есть предложение обществу альтернатив его развития, а потому монархисты, считая коммунистов своими главными идейными противниками, просто не могут допустить их усиления и построения в новых условиях коммунистического государства, предполагая, что монархисты в этом случае станут объектами репрессий.

Следует отметить, что в программах монархических объединений (Союз «Христианское Возрождение», партия «Великая Россия», ООД «За Веру и Отечество», Союз Русского Народа) встречается критика демократического устройства [3], хотя во многих политических программах больше говорит о преимуществах монархии, чем о недостатках демократии: «Легитимный принцип преемственности верховной власти не отрицает демократического принципа управления государством,

не отрицает полномочного народного представительства, принципа разделения властей и ее подотчетности» [13]. В этом контексте критика демократии производится не только с ценностных, но и утилитарных позиций, потому что демократия представляет собой форму распределения ресурсов. С другой стороны, монархическими объединениями предлагается своеобразный социальный компромисс между самодержавием и демократией, поскольку демократия воспринимается как способ политического участия в делах государства с целью достижения общественного блага, тогда как монархия становится главным политическим институтом управления обществом и распределением ресурсов (примеры политических программ Русского Дворянского Соборания, Российского Имперского Союза-Ордена, Российского Монархического Движения).

Аргумент в пользу юридического существования в настоящий момент самодержавной монархии в России защищает легальный подход к пониманию политической власти вопреки произошедшим историческим трансформациям [13]. Это направлено на то, что в любой момент российское общество может вернуться к аллокативной эффективности и справедливому распределению благ, а внешние эффекты (экстерналии) не оказывают решающего действия на внутреннюю сплоченность сообщества. Введение в Конституцию Российской Федерации и вообще призывы монархистов к объявлению преемственности политических систем современной России и Российской Империи [1] есть также акт символического насилия, постулируемый в программах, поскольку

юридически Российская Федерация не является Советским Союзом и Российской Империей, а спекуляция монархистов на эту тему призвана к аполгии империи, которая развивалась, но в силу определённых случайностей была разрушена. Некоторые монархические объединения (партия «Великая Россия», Черная Сотня, Союз «Христианское Возрождение», Русское Имперское Движение) в своих политических программах призывают к восстановлению империи как формы государственного устройства, что, с нашей точки зрения, нарушает законные принципы федерализма, но что позволит создать безопасность и стабильность монархическим институтам, а на основе распределения ресурсов обеспечить гарантию безопасности русскому народу, поскольку вклад национальностей в строительство империи в сочетании с централизованным управлением будет способствовать экономическому росту и социальному благополучию граждан: «Россия вновь должна стать великой Империей, обрести свое истинное историческое лицо, обратиться к тысячелетнему опыту Православной Цивилизации. Традиционная формула «Москва – Третий Рим» была и остается символом Российской соборной государственности на все времена» [10].

В текстах монархических программ производится манипулирование автостереотипами российского общества (Союз «Христианское Возрождение, ООД «За Веру и Отечество», «Самодержавная Россия»). Так, утверждается, что русский народ есть «народ глубоко монархический, «царистский», что признавали даже большевики, утверждавшие, что если бы Белые выдвинули

лозунг «За Русского Царя», большевизм не продержался бы и десяти дней» [10]. При таком утверждении предлагается гипертрофированная интерпретация усиливающих монархических ценностей, касающихся русского народа с целью усиления символической легитимности монархического строя, тогда как любая символизация легитимности есть акт психологического насилия над личностью и многосоставным российским обществом. В целом это означает, что современные монархические объединения по-своему понимают культуру гражданства. Манипуляция мотивацией служения государству и обретением частных благ основывается на том, что возрождение монархии поможет обрести человеку личную и социальную стабильность, чем обеспечится аллокативная эффективность. Гражданство, предоставляемое в России, также является предметом символического насилия, потому что, исходя из программных положений Союза «Христианского Возрождения», Русского Имперского Движения и партии «Великая Россия», ужесточает требования принадлежности к русской нации, исключает политические права для иностранцев и практику двойного гражданства, прекращения иммиграции в страну [7]. Кроме того, в области национальных и федеративных отношений объявление многонациональной России мононациональным государством (Русское Имперское Движение [5]) считается манипуляцией, поскольку русский народ объявляется главной исторической и политической силой, а все остальные должны согласиться с этим.

С точки зрения представителей монархических объединений, возрожде-

ние русской нации возможно только через артикуляцию и агрегирование интересов русского народа, т.е. имперского этноса, а защита его прав должна стать важнейшей задачей российской монархии, что сопровождается, к примеру, призывами к восстановлению статуса русского народа в качестве государствообразующего [6]. Это также считается элементом манипуляции и символического насилия, поскольку абсолютизируется положение русского народа, а нивелирование других народностей способно привести к межнациональным конфликтам, хотя на данный момент это не является важным, поскольку применяется символический акт насилия: необходимо, «чтобы в будущем Основном Государственном Законе страны было четко зафиксировано, что Российская Империя является свободным, суверенным, независимым государством Русских» [6]. Невозможность осуществления прозелитической деятельности и религиозной пропаганды со стороны национальных меньшинств [6] также является формой символического насилия, потому что немногочисленные этнические и религиозные группы, при условии, если они не являются тоталитарными сектами и деструктивными культами, не имеют равных прав с православной религией.

Символическое насилие спекулирует и на религиозной тематике, к которой апеллируют монархисты. Утрата веры в бога становится, по их мнению, главным фактором того, что «люди разучились отличать Добро от Зла» [15]. Получается, что религия становится единственным критерием человеческой нравственности и в результате возникает иерархия в положении

религиозных и нерелигиозных людей. С религиозных позиций производится и критика общества потребления и массовой культуры, которые препятствуют национальному самосознанию русского народа [11]. В данном случае эти феномены воспринимаются в качестве порождения западной цивилизации, которая стремится разрушить социальную структуру российского общества. В этом смысле некоторые монархические объединения выступают за недопущение в любых формах иностранного вмешательства в дела России, даже под предлогом «защиты прав человека», поскольку такие действия могут разрушить внутреннее устройство России [6]. Символизация насилия здесь связана с отрицательным отношением людей к западным государствам, на что и ориентируются в своих программах современные монархисты. Концепция массового общества, по мнению монархистов, считается либеральной концепцией, которая противоречит монархической идеологии. Для монархиста общество только может стремиться к общему благу, а отдельный индивид от этого получает свои частные блага, поэтому распад общества становится большой проблемой для аллокативной эффективности. В конечном итоге обособленность индивидов приводит к фиаско государства, потому что оно может стать придатком личного и общественного интереса.

Для большинства монархистов православие должно вернуть себе статус государственной религии, которая приведёт к укреплению легитимности политического режима. Это для них становится само собой разумеющимся, поскольку православие восприни-

мается монархистами в качестве реальности, тогда как атеизм иллюзорен. Религия как способ символического насилия над человеком с помощью российского самодержавия возводится в закон общественного устройства, где основной ценностью считалась лояльность монархическому режиму, которая поддерживалась с помощью различного рода социальных традиций.

Современные монархисты пытаются лавировать между индивидуальной свободой и общественными ценностями, хотя общее количество упоминаний слов «индивид», «свобода» значительно меньше, нежели понятия «общество», «долг». В результате признаётся приоритет общественных обязанностей человека вместо его личных свобод. Кроме того, заявление о том, что «Православная Россия не приемлет такие начала западной цивилизации, как индивидуализм, философский рационализм и фарисейские принципы французской революции» [11], формирует ранее описанную нами дихотомию, которая может ликвидироваться в пользу одного из конкурентов – России или Запада.

Особое значение в программах современных российских монархических объединений придаётся социально-экономической политике. В контексте символического насилия это связано с тем, что монархисты превращают многие экономические положения своих программ в популистские лозунги, хотя это не означает отсутствия рациональности у монархистов, поскольку они рационально применяют символическое насилие, но свидетельствует о пренебрежении полнотой информации для принятия адекватных и эффективных политических решений в

случае трансформации современного российского политического режима в самодержавную монархию.

По мнению представителей некоторых монархических объединений, введение прогрессивной шкалы налогообложения должно стать необходимым условием развития социального государства [6]. Символическое насилие в данном случае воспринимается как взаимосвязь между прогрессивной шкалой и ростом социального благополучия, когда, в том же самом случае, игнорируются социально-экономические предпосылки для введения такого рода шкалы налогообложения, которое, к примеру, на данный момент может означать перераспределение доходов как изъятие ресурсов у богатых и передачу их бедным, тогда как российское государство базируется на интересах крупного бизнеса: «Изъять в пользу государства, несправедно нажитые состояния, полученные в результате грабительской приватизации или с использованием должностного положения» [7].

Частная собственность в качестве инструмента символического насилия преобладает в монархических политических программах. Признавая священность и неприкосновенность частной собственности, утверждается, что экономическая свобода возможна только при самодержавной монархии, а сам этот принцип реализовывался в Российской империи. С другой стороны, в политических программах некоторых монархических объединений происходит отождествление рынка и демократической формы правления, что также является символическим насилием, поскольку отождествляются не только экономические проблемы

с политическими, но рынок и демократия дискредитируются с религиозных позиций, создавая у целевой монархической группы негативное впечатление от данных феноменов: «Дикий рынок по кличке «демократия» – это та мутная вода, в которой антирусский, антихристианский капитал успешно ведет свою работу по разграблению и порабощению России» [11].

Определяя символическое насилие как основную составляющую монархических политических программ, мы считаем, что его можно воспринимать как подход к определению рациональности. Для эффективной манипуляции нужно быть рационалистом, чтобы вовлекать в свои политические акции и влиять на мышление и сознание отдельного индивида и социальных групп, общество в целом. Институционализация, внутреннее устройство, монархические программы свидетельствуют о том, что монархисты являются такими же рациональными политическими акторами, как и все остальные, используя политические ценности в качестве формы реализации своих политических интересов. Соединение рациональности, логики коллективных действий в процессе создания и функционирования монархических объединений влияет на специфику политической деятельности современных российских монархических объединений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственная и общественно-политическая концепция Российского дворянского собрания (2-ая редакция) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobility.ru/rus/rds/conceptions/#http> (дата обращения: 9.04.2014).

2. Действующее Положение о Русском Обще-Воинском Союзе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rovs.narod.ru/dokumenti12.htm> (дата обращения: 26.11.2013).
3. Коновалов Д.А. Основные аргументы сторонников идеи самодержавной монархии в современной России // Вестник Омского Университета. 2014. № 1 (71). С. 213–218.
4. Политическая программа Всероссийского Монархического Центра [Электронный ресурс]. URL: http://www.monarchruss.org/index.php?option=com_content&task=view&id=125&Itemid=29 (дата обращения: 6.03.2014).
5. Политическая программа Русского Имперского Движения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusimperia.info/p/rid-program.html> (дата обращения: 8.03.2014).
6. Программа Общероссийского общественного движения «За Веру и Отечество» [Электронный ресурс]. URL: <http://zvio.info/docs/program.html> (дата обращения: 2.04.2014).
7. Программа партии «Великая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://velikoross.ru/programm/> (дата обращения: 22.03.2014).
8. Программа политической партии «Имперская партия» [Электронный ресурс]. URL: <http://imperialparty.ru/program/> (дата обращения: 25.03.2014).
9. Программа политической партии «Монархическая партия» [Электронный ресурс]. URL: <http://monparty.ru/content/about.htm> (дата обращения: 5.03.2014).
10. Программа Политической партии «Самодержавная Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://samoros.org/article.php?aID=111021301> (дата обращения: 17.03.2014).
11. Программа Союза «Христианское Возрождение» [Электронный ресурс]. URL: <http://cxb.chat.ru/> (дата обращения: 11.03.2014).
12. Программа Чёрной Сотни [Электронный ресурс]. URL: http://www.sotnia.ru/index.php?name=Html_Content&op=pag e&folder=Organiz&contentsite=program ma.html (дата обращения: 14.03.2014).
13. Программные принципы Российского монархического движения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.monarhia.ru/?id=10&show=program> (дата обращения: 31.03.2014).
14. Устав общества под названием СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА [Электронный ресурс]. URL: <http://srn.rusidea.org/?a=20001> (дата обращения: 15.12.2013).
15. Устав Российского Имперского Союза-Ордена [Электронный ресурс]. URL: <http://monarhia-tula.narod.ru/bylaw.htm> (дата обращения: 25.12.2013).

УДК 329. 05

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-172-180

Матюхин А.В.*Московский государственный областной университет;
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»*

РАДИКАЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ: ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются процесс становления и программатика российских радикальных партий национал-патриотической ориентации, а также причины снижения их популярности и социальной базы в 2000-е гг. В качестве ярких примеров национал-радикальных организаций названы «Русское Национальное Единство» и «Национал-большевистская партия». В статье отмечается, что появление и развитие радикальных национал-патриотических партий стало своеобразной ответной реакцией на либерально-рыночный радикализм российских реформаторов 1990-х гг.

Ключевые слова: партия, радикализм, национал-патриотизм, либерализм, РНЕ, НБП.

A. Matiykhin*Moscow State Regional University,
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»*

RADICAL NATIONAL PATRIOTIC PARTIES OF RUSSIA: THE PROCESS OF FORMATION

Abstract. The article deals with the process of formation of organizational structure and programs of radically oriented national patriotic parties in Russia, so as the reasons of decrease of their popularity and the social base in the 2000ths. The specifics of political and ideological activity of "The Russian National Unity" and "The National Bolshevik Party" have been revealed as striking examples of national and radical organizations. The article states that the emergence and evolution of those radical national patriotic parties was a kind of response to liberal and market radicalism of the 1990th Russian reformers.

Key words: party, radicalism, national patriotism, liberalism, RNU, NBP.

Возникновение многопартийности в Советском Союзе в конце 1980-х гг. с было связано с попытками реформ политической системы и адаптации к советским реалиям западного опыта политического плюрализма, обозначенное М.С. Горбачевым как курс «на демократизацию социализма» [8, с. 17]. Не удивительно, что на первом этапе

этого процесса в информационном пространстве доминировали партии радикал-либеральной, прозападной ориентации («Демократический союз» В.И. Новодворской, «Партия экономической свободы» К.Н. Борового и др.). Однако, начавшиеся с 1992 г. либеральные социально-экономические и политические реформы привели к существенному падению уровня жизни

основной части населения Российской Федерации, к нарастанию социальной напряжённости и к ощущению «национального унижения» в массовом сознании. Под словом «реформы» у либерального руководства во главе с Б.Н. Ельциным и Е.Т. Гайдаром «уже изначально имелась в виду революция – кардинальные меры тотального преобразования российского общества, причем с претензией на своеобразное „сакральное“, недоступное массам знание того, что необходимо народу» [7, с. 57]. Во многом разрушительные процессы либеральных реформ, шедшие «под лозунгом «борьбы с проклятым тоталитарным прошлым» и не менее «проклятым имперским сознанием» [6, с. 104], явились почвой для становления и формирования идеологической базы радикальных национал-патриотических партий и движений. Можно сказать, что ответной реакцией на перестроечный и либерально-рыночный радикализм, как зеркальное отражение, стало появление и развитие в России национал-патриотического радикализма.

Национал-патриотический радикализм 1990-х гг. в политическом пространстве России был представлен целым рядом маргинальных партий: «Чёрная Сотня» (А. Штильмарк); «Праворадикальная партия» (С. Жариков); «Русский национальный союз» (К. Касимовский); «Национальный фронт» (объединявший «Клан Нави», «Русский национальный Союз», «Русскую национальную партию»), а также «Движение в поддержку Армии», «Союз офицеров», военизированные казачьи формирования, националисты-язычники («Союз вenedов»), некоторые спортивно-фанатские

группировки, имеющие «националистическую окраску».

В этом ряду целенаправленно не называются довольно влиятельные политические партии национал-патриотической ориентации – КПрФ и ЛДПР, по той причине, что данные политические организации вряд ли можно отнести к разряду радикальных. Эти политические силы носили и носят до сих пор вполне умеренный характер и ориентированность на встраивание в существующие структуры российской политической системы. По этой же причине не упоминаются другие, менее мощные, но также склонные к центризму национал-патриотические организации: «Духовное наследие», «Конгресс русских общин», «Держава», «Российский общенародный союз», «Евразия», «Россия» и др.

Национал-радикалы заявили о себе уже в конце 1980-х гг., прежде всего, акциями общества «Память». Значительную роль в этом сыграли перестроечные средства массовой информации, которые в ситуации «гласности» и в поисках сенсаций стали охотно освещать их деятельность.

Однако, уже в 1990-х гг. большинство националистических организаций и группировок оказались в иной ситуации. Информационное освещение их идеологии и реальной политической деятельности стало «блокироваться» СМИ. Если данные организации и упоминались в «информационном поле», то при этом акцентировалось внимание на деструктивных, разрушительных и «погромных» элементах национал-радикальных группировок, что изначально классифицировалось системными либеральными аналитиками как «наступление русского фа-

шизма». Кроме того, в данных организациях постоянно шла внутренняя борьба за лидерство, периодически следовали «расколы», попытки создать новые партийные объединения, часто эти организации через короткий промежуток времени прекращали своё существование.

Наиболее заметными, многочисленными и относительно влиятельными среди радикальных национал-патриотических сил в России 1990-х гг. являлись такие организации, как «Русское Национальное Единство» (РНЕ) под руководством Александра Баркашова и «Национал-большевистская партия» (НБП) Эдуарда Лимонова. Эти две партии имели свои ярко выраженные идеологические программы, являлись достаточно массовыми, обладали сетью региональных отделений, местных ячеек, партийными средствами массовой информации.

В своих программных документах «Русское Национальное Единство» декларировало, что по причине преобладания русских в Российской Федерации, необходимо считать Россию моноэтническим государством, а статус национальных автономий должен быть отменен. Дифференцировались понятия «русские» (великороссы, украинцы, белорусы), и «россияне» (неславянские коренные народы РФ). В административном управлении России предлагалось следовать исторической традиции деления на губернии, уезды, волости.

Основную политическую цель РНЕ видело в построении национального государства на принципах социальной справедливости. Территорию России, её недра, природные богатства предлагалось объявить государственной

собственностью с запрещением становиться предметом купли-продажи и уступок по международным договорам.

В социальной сфере одной из главных задач объявлялось сохранение традиций и пропаганда культа здоровой семьи, а также уголовный запрет на всё, что несёт вред духовному и физическому здоровью молодёжи (пропаганда секса, извращений, наркомании, пьянства и т.д.). Декларировалось важнейшей задачей государства замена «антирусской» интеллигенции новой национальной интеллектуальной элитой. Объявлялась свобода деятельности разных религиозных конфессий, но в контексте укрепления духовных сил русских и россиян. Национальное образование, по мнению лидеров РНЕ, должно быть «очищено от общечеловеческих ценностей», подчёркивалась важность развития и укрепления в подрастающих поколениях чувства национального единства, патриотизма, гордости за свою страну, желания беззаветного служения народу.

В области экономики обозначалась необходимость построения многоукладной национальной хозяйственной модели с обязательным государственным контролем над ключевыми отраслями. Предлагалась «реанимация» класса национальных промышленников, купцов, предпринимателей, обязательное наделение крестьянских хозяйств землей в пожизненное пользование с правом передачи её по наследству, но без права продажи.

В качестве главных внешнеполитических врагов русского национального порядка РНЕ называло США и Израиль «как основные источники зла». При этом выражалась солидарность

с националистами европейских стран [9, с. 89–90].

В программных положениях РНЕ присутствовала склонность к идеализации дореволюционной России, акцентации разрушительной роли «нерусского» элемента» интеллигенции в революционное, перестроечное и постперестроечное время, ориентации на национал-капиталистический путь общественного развития, но с сохранением социальной ориентированности государства.

Организационно РНЕ представляло собой достаточно жёсткую иерархическую структуру: оно делилось на три категории участников: а) соратники; б) сподвижники; в) сторонники. Соратники образовывали ядро РНЕ из наиболее преданных активистов партии, здесь царил почти военная дисциплина.

Сподвижники (кандидаты в члены движения) образовывали регулярный актив и систематически выполняли определённые партийные задачи и поручения. Предполагалось, что по своим политическим качествам они ещё не достигли уровня соратников.

Сторонники (сочувствующие) образовывали потенциальный актив и наиболее массовую часть РНЕ. Они периодически привлекались к участию в партийных мероприятиях (митингах, собраниях, пикетированиях, расклейках и раздачах печатных материалов и т.д.), а также должны были вести повседневную бытовую пропаганду и агитацию идей РНЕ, постепенно расширяя социальную базу поддержки партии и создавая предпосылки к пополнению кадрового состава РНЕ.

Если рассматривать конкретное участие РНЕ в политической жизни

страны, то, прежде всего, необходимо сказать об открытом выступлении партии Баркашова на стороне защитников Верховного Совета России в октябре 1993 г. Во многом именно это дало повод проправительственным и либеральным СМИ в 1990-х гг. именовать любую патриотическую оппозицию режиму Ельцина «фашистской» и «красно-коричневой».

После октябрьских событий 1993 г. РНЕ пережила внутренний кризис, но смогла быстро восстановиться. Была сохранена идеологическая база, партийная газета «Русский порядок», региональные и местные отделения партии, а А.П. Баркашов остался во главе РНЕ. В течение 1990-х гг. партией предпринимались неоднократные попытки провести своих представителей в законодательные органы власти разных уровней, а на президентских выборах 1996 г. и 2000 г. Баркашов стремился зарегистрироваться в качестве кандидата. Но все эти попытки оказывались неудачными.

В конце 1990-х гг. наметился внутренний кризис и спад активности РНЕ. Это было связано и с перманентным давлением на эту организацию российских властей, которые сами испытывали прессинг либеральных СМИ, где постоянно поднималась тема «русского фашизма». Последней попыткой политической активизации было участие РНЕ на выборах в Государственную Думу в 1999 г. в составе избирательного блока «Спас». Кроме РНЕ в этот блок вошли Общероссийское политическое общественное движение «Спас» (председатель – депутат Государственной Думы В.И. Давиденко) и Общероссийское общественно-политическое движение «Возрожде-

ние» (председатель В.И. Скурлатов). В декларации подчёркивалось, что блок создан для спасения России, сплочения русской нации, мобилизации её политической воли и установления в России русской национальной власти путём победы на демократических общенародных выборах при широкой поддержке всего общества.

Декларация предвыборного блока отличалась умеренностью по сравнению с прежними идеологическими постулатами РНЕ. Здесь в частности обозначалась необходимость прихода национальных сил в законодательные и исполнительные органы власти, возрождение русского национального самосознания на основе православно-державной традиции, восстановление страны с учётом исторических, культурных и религиозных особенностей коренных народов России, создание конкурентоспособной многоукладной экономики, признание русского народа разделённой нацией, имеющей право на воссоединение, восстановление полного суверенитета в сфере внешней политики, реализация курса на отстаивание национальных интересов России, обеспечение защиты русских и россиян в любой точке земного шара [1, с. 2–5].

Однако, Замоскворецким судом Москвы (по иску Минюста РФ) блоку «Спас» было отказано в регистрации как общероссийскому движению по причине отсутствия региональных отделений в более половине субъектов федерации. Со стороны федеральной власти здесь имелись и политические причины – демонстрация борьбы с национализмом.

В 2000-х гг. РНЕ пережило ряд расколов и в конце перестало быть замет-

ным фактором российской политики и партийной жизни страны.

Другая радикальная организация национал-патриотического спектра – «Национал-большевистская партия» – на протяжении 1990-х гг. весьма заметно наращивала свой «политический вес».

Лидер национал-большевиков – Эдуард Лимонов (Савенко) – яркая фигура в постсоветских политических реалиях России. Эмигрировавший в середине 1970-х гг. из Советского Союза, Э. Лимонов жил в США и во Франции, где стал известен как писатель и публицист. В начале 1990-х гг. Лимонов окончательно вернулся в Россию и стал принимать активное участие в политической жизни страны. Он публиковался в оппозиционных средствах массовой информации, стал сопредседателем Фронта Национального Спасения (лидер – И. Константинов), принял участие в октябрьских событиях 1993 г. на стороне защитников Верховного Совета. В 1994 г. Э. Лимонов, вместе с известным политическим философом А.Г. Дугиным организовал Национал-большевистскую партию (НБП) и начал издавать партийную газету «Лимонка».

Среди программных установок НБП, мы находим следующее:

- немедленное прекращение либеральных реформ и введение государственной экономической диктатуры;
- признание территориального отделения от России государственным и расовым преступлением;
- провозглашение формой государственной организации России Империи с отменой всех национальных автономий;

- русификация по принципу «плавильного котла»;

- отстранение от власти в стране «агентов Соединённых Штатов» и преступников – «паханов криминального мира»;

- «очищение» России от иностранных (прежде всего западных) влияний;

- реконструкция и русификация армии;

- вызов «волны энтузиазма» на основе национализма, «экзальтация национальных ценностей, чувств, эмоций» у активного меньшинства;

- пропагандирование национальной революции, которая «перемешает пласты российского общества», выдвинет «новых национальных лидеров из гущи народной» и создаст «новую интеллигенцию»;

- отмена демократических форм выборов и ориентация на «природного, натурального, естественного Лидера». Формирование органической пирамидальной структуры власти: верхний лидер формирует штаб государственного управления [10, с. 26–44].

Бросается в глаза «системный эклектизм» идеологии НБП, синтез националистических, коммунистических, анархистских, евразийских и антиглобалистских принципов. В отличие от РНЕ, национал-большевики не демонизировали советский период, а, наоборот, считали его одним из лучших этапов российской истории (особенно ленинско-сталинский период), предлагая «взять с собой в будущее» все лучшее, что было в прошлом. В идеологии НБП отсутствовал также антисемитизм, что отличало эту партию от многих других радикалов национал-патриотического спектра.

Программа НБП была написана в середине 1990-х гг. Уже позже, в начале 2000-х гг., Э. Лимонов признал, что в то время данная программа была «уступкой публичной политике» и была «крайне нерадикальной». В партийной газете «Лимонка» в своей статье «За что бороться» он сформулировал новые партийные цели:

- борьба за разрушение семьи и за «новый сексуальный и общественный коллектив – коммуну»;

- бунт «против «репрессивной системы» современной школы, «стоящей бок о бок с семьей и тюрьмой»;

- борьба за высокую социальную мобильность («Нужно такое общества и государство, где талантливый новоприбывший имеет шанс быстро стать всем»);

- борьба за «право и возможность воевать», которые должны быть предусмотрены для пассионариев, для «целой категории мужчин пылко любящих войну»;

- отмена наследственного семейного капитала и «семейного престижа», борьба за «повышения качества одной отдельно взятой человеческой жизни» [3, с. 2].

В связи с вышеизложенным хотелось бы отметить один существенный, возможно переломный момент в развитии «проектно-социального творчества» в русском радикализме. Дело в том, что, начиная с XVIII века, русский радикал-утопизм пребывал в русле западноевропейской моралистической просветительской традиции. Но в «образе будущего» у национал-большевиков впервые изымаются этическая и гуманистическая компоненты, и реализуется эстетика социальной философии К.Н. Леонтьева и Ф. Ницше.

Лидер НПБ обозначал это будущее как «Вторая Россия».

«Важно ориентироваться на удовлетворение интересов героической, сверхчеловеческой части населения нашей планеты, – писал Э. Лимонов, – а большинство приспособиться. ... Будет Вторая Россия: прибежище новой цивилизации, свободная земля обетованная. ... Основным принципом новой цивилизации должна стать опасная, героическая, полная жизнь в вооруженных кочевых коммунах, свободных содружествах женщин и мужчин на основе братства, свободной любви и общественного воспитания детей. Мёрзлые города должны быть закрыты, а их население рассредоточено. ... Коммунами будет управлять Совет Коммун. Вместе коммуны могут называться Орда» [5, с. 3].

С момента возникновения партии лидеры НПБ ориентировались на наиболее мобильный элемент общества – на молодёжь, а точнее, на социально-неудовлетворенную её часть, на «проигравших» в либерально-рыночной реальности. Так, например, Э. Лимонов и А. Дугин охотно и много выступали именно перед молодёжной аудиторией (чаще – студенческой) и достаточно умело вербовали идейных сторонников и членов своей партии.

Однако к концу 1990-х – началу 2000-х гг. организационно-идеологическая установка на «социальную опору» в НПБ явно претерпела изменения. Она оказалась направленной на кооптацию в партийные структуры не представителей определённых социальных групп, слоёв или классов, а на целенаправленное привлечение маргиналов, социальных неудачников всего общественного спектра. «Рево-

люционных классов вообще не бывает, – писал по этому поводу Э. Лимонов. – Революционными являются, или не являются личности. Так вот наиболее революционным типом личности является маргинал: странный, неустроенный человек, живущий на краю общества, талантливый изувер, фанатик, поэт, психопат, неудачник. Не следует думать, что таковых слишком много, чтобы хватило на революционную партию. Маргиналов достаточно, их сотни тысяч, если не миллионы. Это целый социальный слой. Часть маргиналов пополняет ряды криминального мира. Лучшие – должны быть у нас» [4, с. 2]. Здесь уже ощущается явное влияние Михаила Бакунина и русской анархистской традиции. При этом, партийная газета национал-большевиков «Лимонка» пестрила ненормативной лексикой как «отражением языка реальной жизни».

В работе Первого Съезда НПБ, прошедшего в 1998 г., приняли участие представители 38-ми региональных организаций, а в 51-м субъекте Российской Федерации Минюстом были официально зарегистрированы отделения партии (существовали также партийные организации НПБ в странах СНГ). По данным штаба НПБ, на январь 2001 г. численность партии составляла примерно 8 тысяч человек, количество поданных заявлений в 2002 г. исчислялось примерно 2-мя тысячами.

С начала деятельности партии национал-большевики неизменно декларировали и реализовывали принцип преобладания «прямого действия» над «болтовней», «реальной политики» над фразеологией. НПБ провело ряд шумных политических акций в Москве, в российских провинциях и

на территории государств СНГ и Балтии. Формы этих акций различались – от «помидорного терроризма» (забрасывание помидорами и краской посольств Латвии и Эстонии в Москве по причине дискриминации русскоязычного населения) и маршей «Антикапитализм» до демонстративного захвата определенных объектов в Севастополе и Риге. Наконец, в ноябре 2002 г. НПБ вышло на действительно международный уровень: во время саммита НАТО в Праге партийные активисты Д. Бахур и Д. Нечаев перед телекамерами забросали помидорами генсека Североатлантического блока Робертсона, одновременно скандируя: «НАТО хуже гестапо!» и «Нет расширению НАТО на Восток!». Эта акция получила широкий резонанс в мировой прессе.

Необходимо отметить, что именно национал-большевики первыми подняли тему репрессий правительств современных государств Балтии против русских и русскоязычных ветеранов Советской Армии и КГБ, а также с начала 1990-х гг. постоянно декларировали необходимость возвращения Крыма в состав России.

Подводя итог, можно констатировать, что на протяжении 2000-х гг. популярность и социальная база поддержки как НБП, так и РНЕ постоянно снижались. Во многом это объясняется тем, что действующей власти во главе с Президентом РФ В.В. Путиным удалось решить многие актуальные общественно-политические задачи, акцентирование которых придавала национал-радикалам определённый «политический вес» в период ельцинской либеральной вестернизации 1990-х гг. Новый Президент «проявил себя

как сторонник сильной государственной власти, его преобразования были направлены на укрепление авторитета и роли государства в жизни общества» [2, с. 274]. В частности, была значительно укреплена «вертикаль власти», предотвращена потенциальная опасность «раскола» страны по национальному и региональному признаку, реанимировано значение советского и дореволюционного этапов российской истории в государственной символике и политической жизни страны. На международной арене были чётко обозначены национальные интересы Российской Федерации, а мировому сообществу заявлена позиция необходимости построения «многополярного мира» в противовес «однополярному» во главе с США.

На сегодняшний день лидеры популярных национал-радикальных партий 1990-х гг. – А.П. Баркашов и Э.В. Лимонов – выступают скорее в роли «умеренных критиков» действующей власти, одновременно поддерживая её в ключевых стратегических политических решениях: в вопросе возвращения Крыма в состав РФ и необходимости жёсткого военного противодействия террористической организации «Исламское государство» на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Декларация «Национального блока» // Русский вестник. 1999. № 14–15.
2. История России / А.В. Матюхин, Ю.А. Давыдова, Р.Е. Азизбаева; под ред. А.В. Матюхина. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. 336 с.
3. Лимонов Э.В. За что бороться? // Лимонка. 2002. № 187.

4. Лимонов Э.В. Маргиналы: активное меньшинство // Лимонка. 2001. № 179.
5. Лимонов Э.В. Очертания новой цивилизации // Лимонка. 2002. № 196.
6. Матюхин А.В. Анархизм либеральных реформ в России // Обозреватель-Observer. 2006. № 4. С. 101–111.
7. Матюхин А.В. Консервативные реформы и современная Россия // Обозреватель-Observer. 2005. № 11. С. 51–60.
8. Муштук О.З. Политический плюрализм и многопарийность на фоне отечественных реалий // Общество. Власть. Политика: Сборник научных трудов кафедры политологии / сост. О.З. Муштук. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. 216 с.
9. Портнов А.А. Организационная история и программные принципы движения Русское Национальное Единство (1990–2001) // Власть. 2008. № 9.
10. Программа национал-большевистской партии. М.:МП «Палея», б.г. 107 с.

НАШИ АВТОРЫ

Архипов Станислав Витальевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: arkhipst@mail.ru

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: vvb54@yandex.ru

Васильев Дмитрий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, проректор Института государственного управления, права и инновационных технологий (г. Москва); e-mail: dvvasiliev@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук Высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: volobuevov@yandex.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Грищенко Юрий Иванович – аспирант кафедры истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва); e-mail: vrorov54@mail.ru

Егоров Денис Иванович – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, преподаватель истории ГБОУ Московское медицинское училище №4 (г. Москва); e-mail: Vindex68@mail.ru

Коновалов Денис Александрович – аспирант, преподаватель кафедры политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; e-mail: denko1990@gmail.com

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, Московский государственный областной университет, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; e-mail: AMatyhin@mfra.ru

Мишин Алексей Владимирович – соискатель Института всеобщей истории РАН (г. Москва); e-mail: Futurum2006@yandex.ru

Павлов Евгений Сергеевич – Московский государственный областной университет; e-mail: pavlova1005@mail.ru

Рязанов Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: kaF-nim@mgou.ru

Рябота Мария Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; e-mail: rma312@rambler.ru

Сеничев Вадим Евгеньевич – аспирант кафедры истории древнего мира Московского государственного областного университета; e-mail: heldar@mail.ru

Соловьева Татьяна Николаевна – аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: solovieva.tatiana25@mail.ru

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kamnevagp@gmail.com

Туганова Клавдия Алексеевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: klava-tuganova@rambler.ru

Тучина Юлия Алексеевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, учитель истории ГБОУ Лицей №507 (г. Москва); e-mail: tuchina86@list.ru

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Фурсов Валерий Николаевич – аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: neavf@yandex.ru

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); e-mail: univer619@mail.ru

Шуликов Алексей Олегович – старший преподаватель кафедры менеджмента Камчатского государственного технического университета; e-mail: AOShulikov@yandex.ru

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Опечатка:

В серии «История и политические науки» 2015 №2 была допущена досадная опечатка. При перечислении фамилий авторов статьи "Первые шаги выездного туризма в СССР" была пропущена фамилия И.Б. Орлова.

Редколлегия приносит извинения И.Б. Орлову за допущенную техническую ошибку и обязуется исправить информацию об авторах данной статьи на сайте журнала.

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2015. № 4

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.М. Иноземцева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11,5, усл. п.л. 11,5.

Подписано в печать 20.10.2015. Заказ № 2015/10-02

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а